DBC I 2 11 445

ОСНОВАНІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Н. БУНГЕ.

773 30

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1870.

Пров. 1959

„Пров 38“

(Изъ Университетскихъ Извѣстій. 1870 г.).

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
779
30

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Источники	2.
Глава 1. Введеніе	5.
Глава 2. О потребностяхъ	16.
Глава 3. Средства для удовлетворенія потребностямъ	18.
Глава 4. О производствѣ и производительныхъ силахъ.	20.
I. Природа	23.
II. Трудъ	25.
III. Капиталъ	27.
Глава 5. О раздѣленіи труда	30.
Глава 6. О мѣнѣ, цѣнности и цѣнѣ	35.
Глава 7. О доходахъ	68.
I. О заработной платѣ	70.
II. О прибыли	87.
III. О рентѣ	107.
IV. Отношеніе между тремя отраслями доходовъ	125.
Глава 8. О назначеніи доходовъ	129.
I. О собственности	129.
II. О потребленіи	134.

ОСНОВАНІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Предлагаемый очеркъ, какъ показываетъ его названіе, представляетъ не сжатое изложеніе науки, а рядъ самыхъ общихъ и нерѣдко гипотетическихъ положеній, которыя еще требуютъ научной разработки. Теорія, или наука, по справедливому замѣчанію Вагнера, отвлекаетъ, при изученіи явленій извѣстнаго разряда, то что въ нихъ есть общаго и однороднаго, не упуская изъ виду условій, сообщающихъ имъ индивидуальный характеръ.—Такова задача науки, обработанной по положительному методу, которому имена Тука и Ньюмарча, Тенгоборскаго, Адольфа Вагнера, Маклеода и др. придали неоспоримый авторитетъ. Но для того, чтобы приступить къ занятію наукою по положительному методу, необходимо заранѣе знать—какія явленія будутъ подлежать изслѣдованію, чего въ нихъ искали, что можно считать наиболѣе достовѣрнымъ, или только вѣроятнымъ и даже сомнительнымъ; необходима такъ-сказать программа, которая, въ свою очередь, есть результатъ всего историческаго развитія науки.

Цѣль настоящаго небольшаго сочиненія представить такую программу и облегчить людямъ, занимающимся и мыслящимъ, первый приступъ къ труду. Это не сводъ непреложныхъ научныхъ истинъ, не система, самостоятельно выработанная, а рядъ указаній, которыя становятся недостаточными и пополняются новыми соображеніями, по мѣрѣ того какъ изслѣдователь углубляется въ предметъ своего изученія и расширяетъ кругъ своихъ наблюденій. Само собою разумѣется, что подобная задача исключаетъ всѣ спеціальные вопросы, какъ напр. о кредитѣ, о деньгахъ и пр., и ограничивается лишь общими положеніями, безъ которыхъ видовыя явленія не могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты и уяснены. Какъ ни легокъ, повидимому, подобный трудъ, но удовлетворительное его выполненіе требуетъ строгой и безпристрастной критической оцѣнки результатовъ науки.

Источники:

1) Smith, Adam. Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. 1776. Французское изданіе въ Collection des économistes—Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. 1843. 2 vol. Новое изданіе въ 3-хъ томахъ. Русскій переводъ: »Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ«. П. А. Бибикова, С.-П.Б. 1866 г.

2) Ricardo. Principles of political economy and taxation. 1819. Французскій переводъ въ Collection des économistes, см. Oeuvres de D. Ricardo. Нѣмецкій съ комментаріемъ Baumstark'a: »Grundsätze der Volkswirshschaft und Besteuerung«. 1838. 2 vol.

3) Malthus. Principles of political economy. 1820. Французскій переводъ въ Collection des économistes.

Эти три сочиненія положили основаніе англійской экономической школѣ.

4) Mac-Culloch. Principles of polit. economy. 1825. Франц. переводъ въ Collection des économistes contemporains.

5) Senior. Outlines of the science of polit. economy. 1836. Франц. переводъ Arrivabene. 1836 г.

6) J. Stuart Mill. Principles of polit. economy. 1849 г. Сочиненіе это имѣло много изданій. Французскій переводъ—Courcelle-Seneuil'я, нѣмецкій—Soetbeer'а, русскій—»Основанія политической экономіи«, въ 2-хъ томахъ, изданіе А. Н. Пыпина, 1865 г. С.-П.Б. Милль нечуждъ идей организаторовъ, хотя основу его книги составляетъ ученіе Рикардо.

7) Fawcett. Manual of political economy. 1863.

8) Macleod H. D. Elements of political economy. 1858. 1 vol. Русскій переводъ — »Основанія политической экономіи«, 1863 года. Теорія цѣнности Маклеода имѣетъ наиболѣе сходства съ ученіемъ Мальтуса, но книга представляетъ много оригинальнаго, и большая часть ея посвящена кредиту.

Наиболѣе уклоняются отъ англійской школы, основанной Смитомъ американскіе писатели Rae, Bowen, Carey. Сочиненія Rae нѣтъ въ продажѣ.

9) Carey. H.Principles of political economy. Phil. 1837—40. 3 vol. Основатель системы гармоніи интересовъ. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ значительно уклоняется отъ мыслей, выраженныхъ имъ въ своихъ началахъ политической экономіи. Послѣднее его систематическое сочиненіе—Principles of social science. Phil. 1858—59. 3 vol. Извлеченіе изъ этой книги—Manual of social science. 1 vol.—переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ: »Руководство къ соціальной наукѣ«. С.-П.Б. 1866 и 1869 г.

Къ сочиненіямъ на французскомъ языкѣ относятся:

10) Turgot. Réflections sur la formation et la distribution des richesses. 1784. См. Collection des économistes, Oeuvres de Turgot.

11) Say. J. B. Traité d' économie politique. 1802. 1 vol въ Collection.

12) Say. J. B. Cours complet d' économie politique pratique. 1828—30. Лучшее изданіе въ Collection des économistes.

13) Storch. Cours d' économie politique. 1815. 6 vol. Курсъ, читанный Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу.

14) Simonde de Sismondi. Nouveaux principes de l' économie politique. 1819. 2 v.

15) Rossi. Cours d' économie politique. 1838 г. Новое изданіе въ 4-хъ томахъ.

16) Chevalier M. Cours d' économie politique, 3 vol. 1842—1850. Нѣсколько изданій.

17) Courcelle-Seneuil. Traité théorique et pratique de l' économie politique. 1858. 2 vol. Русскій переводъ: »Теоретическій и практическій трактатъ о политической экономіи«. 1862—1864.

18) Bastiat. Harmonies économiques. 1850. Нѣсколько изданій. Послѣдователь Carey'евыхъ Principles of polit. economy.

19) Ott. Traité d' économie sociale. 1852 г.

Кромѣ названныхъ, много новыхъ руководствъ, не отличающихся впрочемъ большою оригинальностію.

Къ сочиненіямъ на нѣмецкомъ языкѣ относятся:

20) Rau. Lehrbuch der politischen Oeconomie. 1837 г. 3 vol. Рядъ позднѣйшихъ изданій продолжаетъ доселѣ.

21) List. Das nationale System der Politischen Oeconomie.

22) Schütz. Grundsätze der Nationaloeconomie. 1843.

23) Roscher. Grundlagen der Nationaloeconomie. 1857. Нѣсколько изданій. Переводъ французскій—Воловскаго, русскій—»Начала народнаго хозяйства«—профессора Бабста. Считается основателемъ исторической школы.

24) Wirth, Max. Grundzüge der Nationaloeconomie. 1856. 2 vol. Есть позднѣйшія изданія. Принадлежатъ къ школѣ Carey—Bastiat.

25) Schäffle. Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft. 1861. Новѣйшее изданіе 1867 г. Причисляетъ себя къ исторической школѣ.

Сверхъ того—см. у Rau въ § 45, перечень сочиненій въ примѣчаніяхъ. Изъ новѣйшихъ писателей—Mangoldt, Umpfenbach, Dietzel и др.

О сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ, см. каталогъ Базунова 1869 года стр. 232—238. Болѣе полное руководство—Горлова: »Начала политической экономіи«. 1859 и 1862. 2 тома.

Составленный перечень, замѣняя ссылки на авторовъ, упоминаемыхъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, содержитъ въ себѣ указаніе важнѣйшихъ систематическихъ сочиненій, начиная отъ Смита до новаго времени. Для ознакомленія съ литературою науки въ ея историческомъ развитіи, и съ школами соціальными въ особенности, могутъ служить источники, приведенные мною въ историческомъ очеркѣ экономическихъ ученій. Новѣйшее положительное направленіе, усвоившее себѣ статистическій методъ, не можетъ назвать ни одного систематическаго сочиненія, обнимающаго всю науку. Руководствомъ для изслѣдованій этого рода служитъ доселѣ соч. Took'a и Newmarch'a—History of prices; въ нѣмецкомъ переводѣ Ascher'a—»Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 1858—1859. 2 vol. По пріемамъ можно признать образцовымъ сочиненіе Wagner'a—Die russische Papierwährung. 1868.

Глава 1-я. Введеніе.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ ряду общественныхъ наукъ является новая отрасль человѣческихъ знаній—политическая экономія. Уясняя постепенно предметъ своихъ изслѣдованій, экономисты обняли наконецъ совокупность явленій, возникающихъ изъ дѣятельности человѣка, направленной къ удовлетворенію его потребностямъ. Изученіе этихъ явленій знакомитъ съ устройствомъ общественнаго хозяйства и съ законами, которымъ они подчинены. Но потребности рождаются вмѣстѣ съ человѣкомъ; поэтому позднее возникновеніе науки, касающейся самыхъ близкихъ его интересовъ, съ перваго взгляда, кажется непонятнымъ. Недоумѣніе исчезаетъ, однакоже, если принять во вниманіе, что общественныя отношенія могутъ сдѣлаться предметомъ изслѣдованія только тогда, когда они достаточно развиты, и когда сама жизнь требуетъ ближайшаго съ ними ознакомленія.

Подобно тому, какъ и въ другихъ областяхъ человѣческаго знанія, и въ политической экономіи изученіе началось лишь съ болѣе развитыхъ и сложныхъ формъ. Пока общественный порядокъ отличался простотою и патріархальностію, пока въ немъ видѣли произведеніе одного лишь закона и общественной власти, пока личная самостоятельность, гражданская свобода и частная собственность не доросли до значенія естественныхъ стихій общества,—до тѣхъ поръ не было мѣста и для науки, потому что хозяйственныя явленія носили печать случайности и человѣческаго произвола. Вотъ почему политическая экономія или не существуетъ вовсе, или же оказывается перенесенною на неподготовленную для нея почву у тѣхъ народовъ, которые стоятъ на низкой ступени общечеловѣческаго развитія. Постепенные успѣхи гражданственности вызываютъ и болѣе настоятельную необходимость въ изученіи науки.

Образованіе новоевропейскихъ монархій заставило подумать объ упроченіи внутренняго государственнаго порядка и о внѣшнемъ политическомъ могуществѣ—о споспѣшествованіи общественному благосостоянію и о лучшемъ устройствѣ финансовъ. Правительства первыя пришли къ сознанію, что надо дѣйствовать не ощупью, но руководствуясь извѣстными началами—для того, чтобы придти къ предположенной цѣли. Мало-по-малу потребность въ знаніи истины начала распространяться въ болѣе просвѣщенной средѣ самаго общества. Съ пріобрѣтеніемъ самодѣятельности, собственности, свободы, съ возрастаніемъ

участія въ общественныхъ дѣлахъ, и частнымъ лицамъ понадобилось знать науку, которая осмысляла дѣятельность всѣхъ и каждаго. Понятно какъ быстро должно было расти значеніе политической экономіи, при успѣхахъ политической жизни въ XVIII и въ XIX вѣкѣ; понятно какъ велики были возбужденныя надежды на водвореніе всеобщаго благосостоянія, какую вѣру внушало появленіе новыхъ смѣнявшихъ другъ друга ученій, и какое безотрадное сомнѣніе овладѣвало умами не только полупросвѣщеннаго общества, но и болѣе серьезнаго меньшинства, когда надежды не сбывались и когда обнаруживалась несостоятельность того, что было признано за конечный выводъ непогрѣшительнаго разума и за послѣднее слово науки.

Для того, чтобы уразумѣть предметъ политической экономіи и ея практическую задачу, необходимо опредѣлить кругъ явленій, подлежащихъ ея изученію. Явленія эти, какъ замѣчено было выше, возникаютъ изъ *потребностей*, т. е. изъ естественныхъ, врожденныхъ человѣку стремленій къ достиженію цѣлей личныхъ и общественныхъ, къ обезпеченію своего физическаго существованія, къ познанію истины, къ облагороженію своего нравственнаго призванія.

Потребности бываютъ или частныя, ощущаемыя человѣкомъ и внѣ круга общественныхъ отношеній (напр. потребность въ пищѣ), или общественныя, ощущаемыя имъ, какъ членомъ общества; но, такъ какъ человѣкъ предназначенъ самою природою жить и дѣйствовать въ общественной средѣ, то, во многихъ случаяхъ, трудно провести рѣзкую границу между потребностями частными и общественными.

Для удовлетворенія потребностямъ служатъ *средства*, составляющія произведеніе отчасти природы, отчасти человѣческаго труда, средства, которыя имѣютъ *годность* и входятъ въ составъ нашего имущества.

Участіе въ хозяйственной дѣятельности *двухъ производительныхъ силъ природы* и *труда* сообщаетъ особыя свойства средствамъ, служащимъ для удовлетворенія потребностямъ.

Природа поставляетъ въ распоряженіе человѣка *даровые* матеріалы и *даровыя* силы; трудъ, употребляемый въ производствѣ, требуетъ напряженія мускуловъ, умственнаго соображенія, траты времени, и силы; поэтому (за исключеніемъ личной зависимости) онъ *не можетъ быть даровымъ*, и средства, въ производствѣ которыхъ участвуетъ человѣкъ, имѣютъ *цѣнность*. Но матеріалы и силы природы, которые не общедоступны, или же не находятся въ количествѣ, болѣе

чѣмъ достаточномъ для удовлетворенія потребностямъ человѣка, имѣютъ также цѣнность.—Чѣмъ настоятельнѣе потребность съ одной стороны, а съ другой—чѣмъ менѣе обильны и доступны дары природы, чѣмъ рѣже свойства требуемыхъ отъ работника усилій, познаній, таланта, тѣмъ выше цѣнность средствъ, въ производствѣ которыхъ участвовали эти силы. Поэтому цѣнность (value, valeur, Werth) произведеній или услугъ зависитъ отъ ощущаемой въ нихъ потребности, отъ препятствій, встрѣчаемыхъ при удовлетвореніи послѣдней, и отъ тѣхъ жертвъ, на которыя рѣшается потребитель.

И такъ, въ имуществѣ можно отличать двѣ составныя части—*даровую* и *цѣнную*. Отъ количественнаго отношенія между этими составными частями зависитъ степень дешевизны произведеній, образующихъ имущество, а слѣдовательно и степень удовлетворенія большему или меньшему числу потребностей. Этотъ успѣхъ достигается при помощи накопленныхъ произведеній природы и труда—т. е. *капитала*, которымъ условливается совершенствованіе труда, лучшій выборъ дѣятельности, примѣненіе даровыхъ хозяйственныхъ силъ къ производству—однимъ словомъ сбереженіе труда и пониженіе цѣнности произведеній. Вслѣдствіе этого капиталъ получаетъ значеніе самостоятельной производительной силы.

Три производительныя силы—*природа*, *трудъ* и *капиталъ* дѣйствуютъ въ хозяйственномъ порядкѣ, представляющемъ совокупную дѣятельность производителей, между которыми раздѣлены силы и занятія, направленныя къ удовлетворенію потребностямъ. При раздѣленіи занятій, каждый человѣкъ производитъ только весьма немногіе предметы для удовлетворенія своимъ потребностямъ, иногда даже незначительную часть одного какого-либо предмета. Поэтому означенный хозяйственный порядокъ возможенъ лишь подъ условіемъ раздѣла произведеній, составляющихъ результатъ спеціальной дѣятельности всѣхъ участниковъ въ производствѣ, въ видахъ удовлетворенія ихъ разнообразнымъ потребностямъ

Раздѣлъ можетъ быть совершонъ двоякимъ способомъ: *или по назначенію*—на основаніи обычая, правила, закона, *или на основаніи свободнаго соглашенія—посредствомъ мѣны.*

Мѣна предполагаетъ, во-первыхъ, обладаніе промѣниваемымъ (т. е. его цѣнностію), и во-вторыхъ, сравненіе промѣниваемаго, т. е. цѣнности,

посредствомъ опредѣленной единицы, какъ мѣрила цѣнности. Такою единицею служитъ монета (деньги металлическія), т. е. цѣнность, заключающаяся въ опредѣленномъ количествѣ драгоцѣнныхъ металловъ. Цѣнность въ мѣнѣ, выраженная деньгами, называется *цѣною*—prix, Preis.

Цѣна установляется въ мѣнѣ *соперничествомъ*, или отношеніемъ между *спросомъ* покупателей и *предложеніемъ* продавцовъ. Сила спроса зависитъ отъ настоятельности потребности, средствъ и соображеній покупщиковъ; сила предложенія—отъ обилія производства и разсчетовъ продавцовъ. Возрастаніе силы спроса дѣйствуетъ на возвышеніе, а возрастаніе силы предложенія на пониженіе цѣны произведеній.

Соперничество, установляя цѣны, способствуетъ обращенію дароваго богатства въ общее достояніе человѣчества и побуждаетъ производителя къ замѣну цѣнныхъ производительныхъ силъ даровыми.

При высокой цѣнѣ, когда производитель получаетъ большое вознагражденіе за даровую дѣятельность недоступныхъ для каждаго матеріаловъ и силъ природы, за знаніе, искусство, талантъ и пр., соперничество побуждаетъ къ изысканію новыхъ силъ и матеріаловъ природы, или къ болѣе дешевому пользованію существующими, или привлекаетъ новыхъ дѣятелей, и тѣмъ самымъ усиливаетъ предложеніе и приближаетъ цѣны къ издержкамъ производства. При низкомъ вознагражденіи, не покрывающемъ издержекъ производителя, соперничество побуждаетъ послѣдняго—или обратиться къ другимъ болѣе выгоднымъ занятіямъ (что сопровождается уменьшеніемъ предложенія и возвышеніемъ цѣнъ, поставляемыхъ имъ на рынокъ произведеній), или же сдѣлать сбереженіе въ издержкахъ производства—въ трудѣ, въ капиталѣ, въ цѣнныхъ матеріалахъ и силахъ природы.

Такимъ образомъ соперничество, являясь двигателемъ хозяйственныхъ успѣховъ общества, способствуетъ съ одной стороны по возможности справедливому вознагражденію мѣняющихся, соразмѣрно съ издержками производства, а съ другой—наилучшему распредѣленію занятій въ обществѣ. Результаты сіи, достигаемые соперничествомъ, зависятъ отъ свободнаго перемѣщенія труда и капитала изъ одной отрасли народной дѣятельности въ другую, отъ успѣховъ техники, народнаго образованія и гражданственности.

Вознагражденіе производителей, установляемое въ мѣнѣ соперничествомъ, составляетъ ихъ *доходъ*. Доходъ работника носитъ названіе

заработной платы; доходъ землевладѣльца, т. е. капиталиста, владѣющаго землею,—*поземельнаго дохода или ренты*; доходъ капиталиста, имѣющаго денежный капиталъ,—*прибыли, процентовъ*.

Доходъ выражается обыкновенно суммою денегъ. Величина дохода зависитъ не только отъ размѣра этой суммы, но и отъ цѣны произведеній, покупаемыхъ доходомъ. Чѣмъ значительнѣе доходы, получаемые всѣми производителями, и чѣмъ ниже цѣны покупаемыхъ доходомъ произведеній, тѣмъ значительнѣе богатство отдѣльныхъ лицъ и тѣмъ выше благосостояніе государства.

Доходъ предназначается или для удовлетворенія потребностямъ, какъ частнымъ, такъ и общественнымъ, или для дальнѣйшаго производства, какъ накопленный капиталъ. Такимъ образомъ употребленіемъ доходовъ замыкается кругъ хозяйственныхъ явленій.

Изъ представленнаго очерка можно заключить, что хозяйственныя явленія, разсматриваемыя съ общественной стороны, находятся въ неразрывной органической связи: потребности требуютъ средствъ для своего удовлетворенія, средства—силъ для производства; силы обнаруживаютъ свою дѣятельность въ видѣ раздѣленія и соединенія занятій и труда; отсюда возникаетъ мѣна, въ мѣнѣ устанавливается и цѣна промѣниваемаго, и распредѣленіе доходовъ, предназначаемыхъ, какъ для производства, такъ и для удовлетворенія потребностямъ.

Послѣдовательный рядъ хозяйственныхъ явленій, начиная съ потребностей и оканчивая ихъ удовлетвореніемъ, исчерпываетъ содержаніе политической экономіи и представляетъ съ достаточною ясностію, что наука эта не можетъ ограничиться ни изученіемъ богатства, независимо отъ общественно-экономическихъ отношеній, ни изученіемъ послѣднихъ, независимо отъ средствъ, служащихъ для удовлетворенія потребностямъ. Къ такому окончательному выводу экономисты пришли послѣ долгихъ споровъ. По мнѣнію огромнаго большинства писателей XVIII вѣка, предметъ политической экономіи составляетъ богатство и притомъ богатство вещественное. Таковъ былъ взглядъ Смита и многочисленныхъ его послѣдователей. Вскорѣ, однакоже, кругъ изслѣдованій, ограниченный вещественнымъ богатствомъ, оказался слишкомъ тѣснымъ, и сдѣлана была попытка о включеніи въ область науки такъ-называемыхъ невещественныхъ богатствъ. Сэй, Дюнойэ и Шторхъ, восполняя этотъ пробѣлъ, руководствовались аналогіею, ука-

заніемъ общихъ свойствъ въ вещественныхъ и невещественныхъ средствахъ для удовлетворенія потребностямъ. Листъ искалъ другаго выхода, противуполагая ученію о матеріальномъ богатствѣ, или какъ онъ выражался, теоріи цѣнности—теорію производительныхъ силъ. Наконецъ, только въ недавнее время уяснилось отношеніе естественнаго богатства къ богатству, составляющему произведеніе человѣческаго труда.

Разсматривая богатство отвлеченно отъ человѣка, экономисты очевидно должны были впасть въ односторонность и лишить науку того значенія, которое признавало за нею общество. По мѣрѣ развитія филантропическаго, государственнаго и соціальнаго направленій, въ наукѣ, на первомъ планѣ, должны были явиться хозяйственныя связи между людьми, въ видахъ достиженія обществомъ возможно большей степени благосостоянія. Таково было направленіе, которое имѣло первыхъ наиболѣе замѣчательныхъ представителей въ лицѣ Сисмонди и Дроза. Взглядъ этотъ, усвоенный либеральною школою, нашелъ точнѣйшее выраженіе въ слѣдующемъ опредѣленіи политической экономіи, предложенномъ Коклепомъ: »политическая экономія есть наука объ общихъ законахъ промышленнаго міра; предметъ ея изслѣдованій—трудъ, но не техническая его сторона, а общественныя отношенія, создаваемыя трудомъ, и законы, которымъ онъ подчиненъ«. При всемъ томъ, несмотря на различное пониманіе предмета, содержаніе науки представляетъ гораздо болѣе однородности, чѣмъ можно было-бы предполагать. Поставляя своею задачею изученіе природы и происхожденія богатства, экономисты не могли не коснуться общественныхъ отношеній, т. е. хозяйственныхъ связей, образующихся между людьми, при удовлетвореніи потребностямъ, а слѣдовательно и условій развитія общественнаго благосостоянія. На оборотъ, изслѣдованія о хозяйственномъ устройствѣ и о благосостояніи невозможно было отдѣлить отъ изученія богатства. Различіе состояло поэтому не столько въ предметѣ, сколько въ точкѣ зрѣнія на предметъ изслѣдованій, въ болѣе или менѣе точной и научной разработкѣ той или другой его стороны.

Можно указать еще на другое различіе въ объемѣ политико-экономическихъ изслѣдованій. Одни экономисты дѣлали предметомъ своего изученія хозяйственныя явленія вообще, относя ихъ не къ опредѣленнымъ общественнымъ союзамъ—къ общинѣ, области, государству, а къ человѣческимъ обществамъ вообще; другіе ограничивали кругъ своихъ изслѣдованій государствомъ и противуполагали государственную,

политическую или національную экономію съ одной стороны—экономіи общественной или космополитической, съ другой—экономіи частной. Впрочемъ всѣ эти термины не у всѣхъ писателей имѣли одно и тоже значеніе.

Предъидущія изслѣдованія о предметѣ и объ объемѣ политической экономіи уясняютъ отношеніе этой науки къ другимъ отраслямъ человѣческихъ знаній и предстоящую ей задачу. Дѣятельность человѣка, направленная къ удовлетворенію потребностей, представляетъ нѣсколько различныхъ сторонъ: во-первыхъ—сторону техническую, требующую изученія свойства силъ и матеріаловъ, употребляемыхъ въ производствѣ, ихъ разнообразныхъ сочетаній и пр.; во-вторыхъ—сторону юридическую, требующую изученія юридическихъ нормъ, которыя возводятъ отношенія хозяйственныя на степень правоотношеній и поставляютъ ихъ подъ защиту общественной власти; наконецъ, въ-третьихъ—сторону политическую, требующую изученія общеисторическаго хода событій, въ которомъ хозяйственной стихіи принадлежитъ не послѣднее мѣсто.

Очевидно, что изученіе каждой изъ означенныхъ сторонъ предполагаетъ въ извѣстной мѣрѣ или предварительное знакомство съ хозяйствомъ общества, или послѣдующее его изученіе. Въ агрономическомъ, техническомъ и комерческомъ образованіи политическая экономія раздвигаетъ предѣлы знанія и знакомитъ съ общественными условіями, въ которыя поставлена дѣятельность земледѣльца, фабриканта и купца. Въ юридическомъ образованіи она составляетъ одну изъ основныхъ наукъ; —она разработываетъ содержаніе того, что законъ опредѣляетъ съ формальной стороны. Содержаніе постановленій о собственности, о договорахъ, о различныхъ отрасляхъ промышленности, о налогахъ, о повинностяхъ и пр. входитъ въ кругъ изученія политической экономіи,—формальная сторона принадлежитъ праву. Наконецъ, въ политическомъ образованіи политическая экономія составляетъ необходимое звѣно въ ряду общественныхъ наукъ, такъ какъ историческое развитіе народовъ опредѣляется между прочимъ хозяйственными условіями, въ которыя поставлены человѣческія общества.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что задача политической экономіи состоитъ въ изученіи общественной стороны хозяйственныхъ явленій, и законовъ, которымъ подчинены эти явленія. Не таковъ былъ взглядъ на науку въ эпоху ея возникновенія, и даже въ послѣдующее время. Отъ

нея требовали указаній и правилъ; на нее смотрѣли, какъ на искусство обогатить государя и государство. Какъ ни чуждъ, повидимому, Адамъ Смитъ подобному воззрѣнію, но и онъ высказалъ его въ началѣ своей третьей книги, поставляя впрочемъ главною своею задачею изслѣдованіе существа и причинъ богатства народовъ. Мало-по-малу политическая экономія получила болѣе научный характеръ; послѣдователи Смита—Рикардо и Сэй полагали ея задачею: первый—законы производства и распредѣленія, второй—производства, распредѣленія и потребленія богатства, наконецъ Кокленъ—законы промышленнаго міра (les lois du monde industriel).

Но экономисты не сразу поняли какъ трудно найти законы хозяйственныхъ явленій, слагающихся подъ вліяніемъ разнообразныхъ и измѣнчивыхъ условій. Для того, чтобы открыть эти законы, необходимо было и правильное пониманіе предмета изслѣдованій и точность научныхъ пріемовъ.

Правильное пониманіе предмета изслѣдованій затемнялось тѣмъ, что либеральная экономическая школа, начиная съ физіократовъ, противупоставляла естественный порядокъ вещей—существующему, и видѣла въ послѣднемъ, по преимуществу явленія возмущающія (пертурбаціи естественнаго порядка). Отсюда возникла и у соціалистовъ мысль, что знаніе существующаго безплодно, и что наука должна искать законовъ для наилучшаго хозяйственнаго устройства. Такимъ образомъ школа свободы промышленности, основанная физіократами и Смитомъ, и школа соціалистовъ, противуположныя по своимъ воззрѣніямъ, сошлись въ осужденіи существующаго, въ исканіи законовъ для идеальнаго порядка вещей и въ стремленіи осуществить свой идеалъ въ самой жизни. Либеральная школа основывала свой идеальный порядокъ вещей на неограниченной свободѣ частнаго интереса; она полагала, что человѣкъ, руководимый своею личною выгодою, будетъ дѣйствовать въ тоже время и для блага общества, такъ какъ общество наиболѣе будетъ вознаграждать тѣ услуги, которыя оно само наиболѣе цѣнитъ; а потому она стремилась къ тому, чтобы передѣлать существующее и приблизить его къ своему идеалу. Соціальныя школы, полагая, что свобода частныхъ интересовъ ведетъ къ борьбѣ, къ угнетенію слабаго сильнымъ, безусловно осуждали существующее и искали своего идеала въ новой организаціи труда, въ придуманныхъ формахъ обще-

ственнаго устройства, чуждыхъ основамъ, на которыхъ зиждется современное общество.

Ошибки обоихъ направленій коренились, главнымъ образомъ, въ ложномъ взглядѣ на происхожденіе и на развитіе политическихъ обществъ. Съ XVII вѣка господствовала въ Европѣ мысль, что государство есть произведеніе договора, добровольной сдѣлки между его членами. Но, коль скоро государство представлялось произведеніемъ договора, то очевидно, что измѣненіе условій этого договора, замѣнъ стараго новымъ, становилось дѣломъ человѣческаго произвола. Въ новѣйшее время, это ученіе о происхожденіи государства уступило мѣсто другому, столь же ошибочному—отдѣленію государства отъ общества, свидѣтельствующему о разладѣ между народами западной Европы и правительствами, переставшими быть живымъ ограномъ народовъ. Если ученіемъ объ общественномъ договорѣ полагали возможнымъ оправдать самыя фантастическія построенія и совершенное пренебреженіе къ установившемуся хозяйственному порядку, то ученіемъ объ отдѣленіи общества отъ государства вводили раздвоеніе въ область общественныхъ отношеній, а слѣдовательно и въ экономическую науку.

Однакоже, мало-по-малу знакомство съ внутреннею жизнію привело къ убѣжденію, что общественный договоръ есть только одно изъ случайныхъ условій зарожденія политической жизни, слагающейся подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ, и что отдѣленіе государства отъ общества есть научный вымыселъ, порождаемый фальшивостію въ общественныхъ отношеніяхъ. На государство стали смотрѣть какъ на живое цѣлое, на существующія въ немъ отношенія, какъ на отношенія, слагающіяся подъ вліяніемъ не нашего личнаго произвола, а совокупности историческихъ условій.

Не менѣе серьёзное препятствіе къ отысканію законовъ экономическихъ заключалось въ неправильности научныхъ пріемовъ. Невѣрныя посылки вели къ невѣрнымъ выводамъ. Принявъ небольшое число однородныхъ явленій за явленія всеобщія и нормальныя, экономисты придавали выводамъ изъ частныхъ случаевъ значеніе общихъ непредложныхъ истинъ и на этой основѣ строили цѣлое зданіе науки. Погрѣшали и тѣ, которые считая себя эмпириками, описывали отдѣльныя явленія, принятыя ими за типическія и всеобщія; погрѣшали и тѣ, которые, извлекая гипотезы изъ частныхъ случаевъ, полагали возможнымъ построить науку à priori.

Постепенно возраставшій запасъ научнаго матеріала, болѣе правильный взглядъ на предметъ изслѣдованій, болѣе вѣрное пониманіе исторіи—все это привело къ болѣе положительному и точному методу, который состоитъ въ выводѣ общихъ основныхъ положеній изъ совокупности сдѣланныхъ наблюденій и въ уясненіи явленій, представляемыхъ отдѣльными отраслями хозяйственной дѣятельности, посредствомъ правильной разработки относящагося къ нимъ матеріала, при помощи этихъ основныхъ началъ. Для болѣе яснаго пониманія этого пріема можно указать на частный случай. Законъ спроса и предложенія есть одно изъ общихъ положеній политической экономіи. Наблюдая явленія, порождаемыя выпускомъ бумажныхъ денегъ, мы пользуемся этимъ закономъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ изучаемый нами матеріалъ ведетъ и къ болѣе правильному пониманію спроса и предложенія—въ частномъ случаѣ, при совокупности извѣстныхъ данныхъ условій.

Въ заключеніе остается сказать о системѣ науки. Представленный очеркъ хозяйственныхъ явленій въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, указываетъ на то, что входитъ въ систематическое изложеніе науки, и относится къ общей природѣ хозяйственныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ обществѣ; но въ наукѣ не менѣе необходимо изученіе отдѣльныхъ разрядовъ хозяйственныхъ явленій, причинъ, подъ вліяніемъ коихъ возникаютъ послѣднія, силы и образа дѣйствія этихъ причинъ. Только такія изслѣдованія приводятъ къ точнымъ выводамъ.

Не вполнѣ сознавая эту истину, нѣкоторые экономисты дѣлили политическую экономію, на части общую и особенную, на теоретическую и практическую, на науку народнаго хозяйства, экономическую политику и финансы.

Въ Германіи, гдѣ политическая экономія разрабатывалась по преимуществу въ связи съ положительнымъ правомъ, пріобрѣла особенное значеніе система, по которой Рау обработалъ свой курсъ. Эта система сдѣлалась преобладающею въ университетскомъ преподаваніи. Рау и его послѣдователи отличали:

1) науку народнаго хозяйства, излагающую естественные законы производства, обращенія и потребленія богатства (Volkswirthschaftslehre, Nationaloeconomie—политическая экономія въ тѣсномъ смыслѣ);

2) науку государственнаго благоустройства, разсматривающую мѣры, содѣйствующія возрастанію народнаго благосостоянія вообще и успѣхамъ различныхъ отраслей народной дѣятельности въ частности—

Volkswirthschaftspflege, Volkswirthschaftspolitik—это не что иное, какъ изложеніе общихъ основаній, (выработанныхъ въ духѣ того или другаго политико-экономическаго ученія) для законодательства, опредѣляющаго устройство промышленнаго порядка въ различныхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности;

3) науку финансовъ, излагающую начала хозяйства государственнаго, въ которомъ главнымъ распорядителемъ является правительство —Finanzwissenschaft, Staatswirthschaftslehre im engeren Sinne.

Во Франціи, болѣе общеупотребительно дѣленіе политической экономіи на чистую и прикладную;—къ послѣдней относятъ иногда курсъ финансовъ.

Упомянутыя системы погрѣшаютъ часто тѣмъ, что смотрятъ на общую часть, какъ на изложеніе несомнѣнныхъ и доказанныхъ истинъ, а на особенную или на прикладную, какъ на собраніе правилъ, выведенныхъ изъ началъ, содержащихся въ общей части, или какъ на объясненіе явленій, совершающихся въ отдѣльныхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности, на основаніи этихъ общихъ началъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ, общая часть содержитъ въ себѣ положенія, относящіяся нерѣдко къ разряду гипотезъ, а не къ непреложнымъ выводамъ науки. Въ общей части господствуетъ дедуктивный методъ: изъ извѣстныхъ посылокъ дѣлается рядъ заключеній, которыя содержатъ въ себѣ иногда лишь *научные вопросы*, требующіе разрѣшенія путемъ индуктивнымъ, посредствомъ переработки значительнаго количества данныхъ, представляющихся при наблюденіи однородныхъ явленій въ различныхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности. Такимъ образомъ, очевидно, что дѣленіе науки на части общую и особенную составляетъ результатъ еще недостаточной разработки предмета. Дѣленіе исчезнетъ само собою, когда общія научныя положенія получатъ значеніе доказанныхъ и точно формулированныхъ истинъ, выведенныхъ изъ ряда правильныхъ и систематизированныхъ наблюденій, т. е. когда наука будетъ обработана по положительному методу, что конечно составляетъ еще задачу будущаго.

Согласно съ изложеннымъ очеркомъ хозяйственныхъ явленій, въ основаніяхъ политической экономіи предстоитъ разсмотрѣть: 1) потребности, 2) средства для удовлетворенія потребностямъ, 3) производство и производительныя силы, 4) раздѣленіе и соединеніе занятій и труда, 5) мѣну, цѣнность и цѣну, 6) доходы, 7) собственность и потребленіе.

Глава 2-я. О потребностяхъ.

Потребности составляютъ исходную точку политико-экономическихъ изслѣдованій; но наука разсматривала ихъ доселѣ какъ нѣчто данное, а потому, упоминая о нихъ вскользь, начинала съ изученія средствъ, служащихъ для удовлетворенія потребностямъ.

Какъ принадлежность природы человѣка, какъ условіе ея развитія, потребности возникаютъ изъ свойства нашего физическаго организма и присущихъ послѣднему духовныхъ началъ. Человѣкъ не можетъ существовать безъ пищи, безъ защиты отъ внѣшнихъ атмосферическихъ вліяній— отсюда потребности въ пищѣ, въ одеждѣ, въ жилищѣ. По мѣрѣ удовлетворенія повседневныхъ нуждъ пробуждаются въ человѣкѣ потребности умственныя, нравственныя и эстетическія, которыя въ свою очередь становятся мало-по-малу столь же настоятельными, какъ и потребности физической природы.

Потребности, запечатлѣнныя характеромъ личности, вызываютъ стремленія, извѣстныя подъ названіемъ частнаго интереса; вѣрнѣе слѣдовало-бы ихъ назвать личными побужденіями, потому что они не всегда носятъ печать себялюбія или своекорыстія.

Такимъ образомъ является могущественный хозяйственный двигатель, но двигатель далеко не единственный, потому что человѣкъ предназначенъ къ тому, чтобы жить въ обществѣ, а въ обществѣ не только потребности людей представляются въ большей или меньшей степени однородными, но и удовлетвореніе многихъ изъ нихъ становится возможнымъ лишь подъ условіемъ общей, совмѣстной дѣятельности. Другими словами, наравнѣ съ потребностями частными являются общественныя, наравнѣ съ личными цѣлями и цѣли общественныя—забота какъ о матеріальномъ и духовномъ существованіи, такъ и о развитіи цѣлаго союза.

Очевидно, что естественная исторія потребностей относится къ любопытнѣйшимъ предметамъ изученія. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что кромѣ небольшаго числа матеріаловъ, по которымъ можно ознакомиться съ исторіею *общественныхъ потребностей* и притомъ по преимуществу государственныхъ, относящихся къ послѣднему столѣтію, предметъ этотъ почти не доступенъ для изслѣдованія по недостатку данныхъ и по невозможности сдѣлать тѣмъ изъ нихъ, которыя могутъ быть добыты, строгую научную оцѣнку. Изслѣдованія о матеріальной, умственной, нравственной и эстетической жизни народовъ, при обшир-

нѣйшей начитанности и учености писателя, представляютъ не болѣе какъ собраніе сыраго, отрывочнаго, непригоднаго для разработки матеріала. (Напр. Klemm'a Culturgeschichte).

При томъ какое сужденіе можно произнести о потребностяхъ въ пищѣ, въ одеждѣ и въ жилищѣ тѣхъ или другихъ народовъ, когда точныя физіологическія изслѣдованія едва лишь начаты; что можно сказать о потребностяхъ духовной природы, изученіе которой составляетъ еще задачу будущаго?

Въ ученіи о потребностяхъ можно признать наиболѣе правдоподобными слѣдующія три положенія: 1) развитіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, безъ развитія потребностей немыслимо; 2) развитіе индивидуума зависитъ отъ гармоническаго развитія присущихъ ему потребностей; 3) развитіе общества предполагаетъ соотвѣтствіе между потребностями частныхъ лицъ, изъ которыхъ слагается общественный союзъ.

Развитіе потребностей, т. е. ихъ разнообразіе и утонченность (присутствіе въ потребностяхъ высшаго духовнаго начала), имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ разностороннюю дѣятельность, разнообразіе и спеціальность занятій. Силы и способности отдѣльнаго человѣка становятся недостаточными для того, чтобы доставить ему, безъ содѣйствія другихъ людей, всѣ предметы, относящіеся къ первымъ нуждамъ и къ удобствамъ;—отсюда высокое развитіе личности въ избранной ею спеціальности, и высокій уровень общественности, въ которой дѣятельность частныхъ лицъ слагается въ стройный органическій порядокъ.

Развитіе потребностей приводитъ къ этимъ результатамъ только тогда, когда въ отдѣльномъ лицѣ онѣ находятся во внутреннемъ между собою согласіи, и когда между потребностями людей, образующихъ общество, сохраняется извѣстное соотвѣтствіе. Въ отдѣльномъ человѣкѣ однѣ потребности получаютъ перевѣсъ надъ другими; но этотъ перевѣсъ или ограничивается тѣмъ, что извѣстная потребность становится руководящимъ стремленіемъ — главною цѣлью дѣятельности человѣка, или же превращается въ страсть, нарушающую полное проявленіе силъ человѣка, такъ какъ всѣ стремленія и цѣли заглушаются однимъ необузданнымъ чувствомъ, которому приносятся въ жертву всѣ прочія. Очевидно, что совершенствованіе человѣка предполагаетъ, что господствующія потребности не имѣютъ значенія страстей, и что высшимъ духовнымъ потребностямъ подчинены вещественныя.

Независимо отъ внутренняго согласія между потребностями одного человѣка, для преуспѣянія общества необходимо соотвѣтствіе между потребностями отдѣльныхъ лицъ. Связи общественныя могутъ быть прочны только тогда, когда потребности населенія не представляютъ рѣзкихъ различій, когда неодинаковый уровень довольства и просвѣщенія, достигнутый разными слоями общества, не исключаетъ съ послѣднемъ существованія общихъ интересовъ и общихъ цѣлей.

Глава 3-я. Средства для удовлетворенія потребностямъ.

Экономисты называли средства, служащія для удовлетворенія потребностямъ,—*добромъ*, *благомъ* (bien, Gut), *имуществомъ* (bien, Vermogen), *богатствомъ* (richesse, Reichthum). Слова эти очевидно не имѣютъ одного и того же смысла; но всѣ они относятся скорѣе къ вещественнымъ средствамъ, при чемъ съ понятіемъ объ имуществѣ соединяется понятіе о принадлежности, а съ понятіемъ о богатствѣ—объ изобиліи этихъ средствъ.

Экономисты ограничивались сначала изслѣдованіями объ имуществѣ и о богатствѣ; но въ отдѣлѣ о заработной платѣ имъ приходилось говорить объ услугахъ артистовъ, ученыхъ, медиковъ, адвокатовъ, о средствахъ нисколько не относящихся къ имуществу. Такимъ образомъ явилась необходимость распространить изслѣдованія политической экономіи на невещественныя средства. Поставляя себѣ эту задачу, экономисты избирали различные пути. Сэй находилъ совершенное сходство между вещественными и невещественными средствами. Смитъ и его послѣдователи говорили, что можно накоплять только вещественныя средства, потому что они долговѣчны; Сэй возражалъ на это, что и вещественныя блага (напр. *плоды*) бываютъ также недолговѣчны какъ и невещественныя, что невещественныя блага накопляются въ видѣ невещественныхъ капиталовъ, и что человѣкъ развитой есть накопленный капиталъ—l'homme fait est un capital accumulé. Мальтусъ полагалъ, что можно сдѣлать оцѣнку только вещественнымъ средствамъ, и что только послѣднія могутъ быть включены въ инвентарь народнаго богатства. Сэй полагалъ эту оцѣнку возможною и для невещественныхъ благъ потому, что производители невещественныхъ средствъ получаютъ за нихъ плату.

Шторхъ, признавая, что богатства вещественныя и внутреннія блага имѣютъ общія свойства — цѣнность, присвояемость и одинъ источникъ (природу и трудъ), установлялъ различія между богатствомъ и внутренними благами для того, чтобы изслѣдованія о послѣднихъ сдѣлать предметомъ особаго отдѣла политической экономіи —теоріи цивилизаціи. По мнѣнію Шторха, вещественнюй трудъ отличается отъ невещественнаго, который составляетъ также предметъ мѣны, и носитъ названіе услуги. Этотъ трудъ, дѣйствуя совокупно съ природою, образуетъ блага внутреннія (biens internes). Природа даетъ человѣку здоровье, способности умственныя и нравственныя, трудъ развиваетъ ихъ. Эти внутреннія блага, по словамъ Шторха, отличаются отъ богатства слѣдующимъ: 1) богатство вещественно, внутреннія блага невещественны; 2) богатства могутъ быть предметомъ мѣны, внутреннія блага—нѣтъ; 3) производство внутреннихъ благъ не составляетъ дѣла однихъ продавцовъ, но и тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ ихъ.

Листъ, отвергая аналогію между вещественными и невещественными богатствами, противуполагалъ цѣнностямъ производительныя силы и возставалъ противъ причисленія человѣка къ богатству. (См. слѣд. 4-ю главу).

Наконецъ, въ новѣйшее время, Бастіа обозначалъ и вещественныя и невещественныя средства для удовлетворенія потребностямъ словомъ услуга—service, на томъ основаніи, что услуга оказывается и вещью и личнымъ трудомъ.

Всѣ эти попытки включить въ область политической экономіи невещественныя средства, или руководствуясь аналогіею, или назначая для нихъ особое мѣсто, или противуполагая ихъ вещественному богатству, но разсматривая какъ дополненіе послѣдняго, или наконецъ отыскивая для вещественныхъ и для невещественныхъ средствъ одинъ общій признакъ, не могли привести къ плодотворному результату. Аналогія, сопоставленіе и противупоставленіе невещественныхъ и вещественныхъ средствъ имѣли въ виду внѣшнія свойства тѣхъ и другихъ, а признаніе *услуги* общимъ ихъ признакомъ неудачно, по употребленію этого слова не въ прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ.

Общее свойство всѣхъ средствъ, служащихъ для удовлетворенія нашимъ потребностямъ, состоитъ въ *годности* для достиженія нашихъ цѣлей. Это свойство необходимо отличать отъ *цѣнности*—послѣднею обладаютъ только тѣ средства, которыя не могутъ быть пріобрѣтены

человѣкомъ даромъ, и отъ *полезности*, съ которою оно обыкновенно смѣшивается. Коль скоро существуютъ потребности и есть средства для ихъ удовлетворенія, то въ хозяйственномъ смыслѣ не можетъ быть спора о годности этихъ средствъ; однакоже изъ этого еще не слѣдуетъ, что означенныя средства полезны для человѣка. Потребность въ наркотическихъ веществахъ несомнѣнна, но можно-ли сказать, что опіумъ и гашишъ полезны для курильщиковъ—они только годны, какъ вещество для опьяненія. Нѣтъ сомнѣнія, что оцѣнка пользы средствъ сдѣлается предметомъ научныхъ изслѣдованій не только естествоиспытателя и моралиста, но и политико-экономa. Въ настоящее же время наука, по необходимости, разсматриваетъ потребности, какъ фактъ, и не задается опредѣленіемъ относительнаго значенія какъ самыхъ потребностей, такъ средствъ для ихъ удовлетворенія; она имѣетъ въ виду лишь степень настоятельности первыхъ, выражающуюся въ требованіи на тѣ или другія средства и годность, какъ одно изъ условій цѣнности.

Глава 4-я. О производствѣ и о производительныхъ силахъ.

Образованіе средствъ, служащихъ для удовлетворенія потребностямъ, называется *производствомъ* и составляетъ результатъ дѣятельности производительныхъ силъ—*природы*, *труда* и *капитала*.

Первоначальныя средства для удовлетворенія потребностямъ даетъ природа, поставляющая въ распоряженіе человѣка естественныя произведенія трехъ царствъ природы и дѣятельность свойственныхъ ей силъ. Трудъ овладѣваетъ веществомъ и силами природы и примѣняетъ ихъ къ цѣлямъ человѣка. Но для того, чтобы дѣятельность человѣка могла быть успѣшною, необходимо, чтобы онъ могъ развить свои силы физическія, умственныя и нравственныя, и чтобы онъ успѣлъ подчинить самопроизвольную дѣятельность природы своей волѣ. То и другое обусловливается накопленіемъ произведеній природы и труда—или капитала. Эти накопленныя средства позволяютъ человѣку совершенствовать свой трудъ и создавать тѣ могущественныя орудія, которыя облегчаютъ добываніе, переработку вещества и направляютъ дѣятельность естественныхъ силъ въ видахъ усиленія производства.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что природа и трудъ могутъ быть

разсматриваемы какъ самостоятельныя производительныя силы; капиталъ составляетъ силу производную, обязанную своимъ существованіемъ дѣятельности природы и труда. Понятіе о производствѣ и о производительныхъ силахъ уяснялось вмѣстѣ съ болѣе правильнымъ пониманіемъ способовъ пріобрѣтенія богатства. Писатели меркантильной школы считали внѣшнюю торговлю и деньги главнымъ средствомъ обогащенія, а потому въ наукѣ ранѣе всего явилось смутное понятіе о производительной силѣ капитала, и притомъ денежнаго. Физіократы обратили особое вниманіе на значеніе природы въ производствѣ; но остановившись на мысли, что всѣ богатства обусловливаются добываніемъ земледѣльческихъ произведеній, пришли къ заключенію, что производитъ одно земледѣліе, или точнѣе одна силы, дѣйствующія въ земледѣльческой промышленности,—отсюда названіе, данное земледѣльцамъ —производительнаго класса, и признаніе всѣхъ прочихъ промышленныхъ и непромышленныхъ сословій *безплодными*. Такимъ образомъ впервые было сознано, что природа составляетъ источникъ богатства, а трудъ, направленный къ вещественной дѣятельности, трудъ непользовавшійся дотолѣ особымъ уваженіемъ, былъ почтенъ названіемъ производительнаго преимущественно предъ прочими занятіями. Обращая главное вниманіе на мѣновое богатство, Смитъ приписалъ производительность одному труду:—все что мы пріобрѣтаемъ, говоритъ Смитъ, мы пріобрѣтаемъ трудомъ или произведеніями нашего труда. Смитъ не дѣлаетъ уже различія между трудомъ земледѣльца и фабричнаго работника—всякій трудъ, который воплощается въ произведеніи, существующемъ нѣкоторое время, послѣ того какъ оно было произведено, есть трудъ производительный. Непроизводителенъ только трудъ, который не создаетъ вещественныхъ предметовъ мѣны. Такимъ образомъ не образованіе средствъ, годныхъ для удовлетворенія потребностямъ, признано было признакомъ производительности труда, но овеществленіе послѣдняго и долговѣчность созданнаго имъ произведенія.

Находя, что и невещественныя средства могутъ служить для удовлетворенія потребностямъ, Сэй далъ болѣе обширное значеніе производству. Медикъ, говоритъ Сэй, продаетъ намъ полезность своего искусства, хотя она не имѣетъ вещественной формы. Мы покупаемъ ее, покупая его совѣтъ, мы потребляемъ ее, исполняя его приказанія, и эта полезность есть дѣйствительное, хотя и невещественное произведеніе, и притомъ медика, прописавшаго лѣкарство, а не аптекаря,

который приготовилъ послѣднее. Это понятіе о производствѣ распространено Сэемъ на самаго человѣка: знаніе и талантъ, говоритъ онъ, составляютъ также капиталъ, который приноситъ доходъ. Издержки, употребленныя на воспитаніе человѣка, не создаютъ-ли изъ него капитала, единственное отличіе котораго состоитъ въ томъ, что онъ, по большей части, не можетъ быть предметомъ мѣны.

Противъ этого взгляда на производство, вытекающаго ихъ понятія о невещественномъ богатствѣ, возсталъ Листъ, который справедливо замѣтилъ, что Сэй и его послѣдователи смѣшиваютъ человѣка съ богатствомъ. Для того, чтобы избѣжать этого смѣшенія, Листъ отличаетъ производство богатства матеріальнаго—цѣнностей отъ созданія производительныхъ силъ. Эти силы суть—А) личныя, состоящія: а) въ умственномъ, нравственномъ, духовномъ и физическомъ развитіи человѣка, б) въ возможности располагать своею дѣятельностію, в) въ обезпеченіи пользованія результатами труда, г) въ уваженіи къ труду; В) государственныя и народныя силы, состоящія: а) въ успѣхахъ наукъ и искусствъ, б) въ законахъ и общественныхъ учрежденіяхъ, в) въ соразмѣрномъ развитіи всѣхъ отраслей промышленности и г) въ могуществѣ государства. Всякая дѣятельность, направленная къ образованію этихъ силъ, есть дѣятельность производительная. За тѣмъ, въ ряду производительныхъ силъ, Листъ отличаетъ земледѣльческую производительную силу отъ мануфактурной и торговой. Высшее развитіе производительности обусловливается сочетаніемъ этихъ силъ. Смитова школа, по мнѣнію Листа, не поняла значенія дѣятельности, направленной къ созданію производительныхъ силъ, и признала ее непроизводительной. Съ этой точки зрѣнія—человѣкъ, который воспитываетъ людей,—непроизводителенъ, а тотъ, который разводитъ животныхъ (свиней),—производителенъ; медикъ, прописывающій лѣкарство,—непроизводителенъ, аптекарскій ученикъ, приготовляющій пилюли,—производителенъ. Сэй, который хотѣлъ поправить эту ошибку, погрузился еще глубже въ матеріализмъ и назвалъ человѣка накопленнымъ капиталомъ.

Критическая сторона ученія Листа заключаетъ въ себѣ много справедливаго, но этого нельзя сказать о собственномъ его ученіи. Къ производительнымъ силамъ онъ относитъ и всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ успѣшная дѣятельность труда, и наконецъ то сочетаніе производительныхъ силъ, которое представляется въ различныхъ отрасляхъ промышленности—въ земледѣліи, мануфактурахъ и торговлѣ.

При всемъ томъ Листъ много способствовалъ правильному пониманію производства и подготовилъ почву для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Наука оставила пренія о томъ какую дѣятельность считать производительною и какую непроизводительною и признала, *что всякая дѣятельность, которая способствуетъ пріобрѣтенію средствъ, годныхъ для удовлетворенія потребностямъ, должна быть признана производительною.* Оставалось уяснить свойство самыхъ силъ въ отношеніи къ удовлетворенію потребностямъ. Въ этомъ дѣлѣ главная заслуга принадлежитъ Кэри, Бастіа и Рошеру.

Ограничивая предъидущимъ общія соображенія о производствѣ, необходимо приступить къ разсмотрѣнію каждой изъ производительныхъ силъ въ частности, и ихъ характеристическихъ особенностей.

I. Природа.

Природа поставляетъ въ распоряженіе человѣка свои матеріалы и свои силы—землю, находящіеся въ ней металлы и минералы, растенія, плоды, животныхъ, свѣтъ, теплоту, движеніе вѣтра, паденіе воды, упругость газовъ, электрическій токъ и т. д. Эти матеріалы и силы имѣютъ вначалѣ даровый характеръ; они получаютъ цѣнность, дѣлаются предметомъ собственности и мѣны только тогда, когда они присвоены человѣкомъ, или когда въ образованіи ихъ, или въ пользованіи ими, участвуетъ трудъ.

Слѣдуя примѣру Рошера, можно раздѣлить всѣ матеріалы и силы природы: во 1-хъ) на такіе, которые если и могутъ быть присвоены человѣкомъ, то недоступны для исключительнаго обладанія; во 2-хъ) на такіе, которые хотя и составляютъ предметъ обладанія, но находятся въ количествѣ всегда достаточномъ для удовлетворенія нашимъ потребностямъ; въ 3-хъ) на матеріалы и силы, находящіеся въ ограниченномъ количествѣ, подлежащіе присвоенію и въ которыхъ можетъ быть ощущенъ недостатокъ для удовлетворенія потребностямъ.

Къ первымъ относятся: свѣтъ, воздухъ, вода, вѣтеръ, морскія теченія и пр. Человѣкъ ежедневно пользуется огромною массою матеріаловъ и силъ природы, неупотребляя никакого труда для ихъ присвоенія; но и въ тѣхъ случаяхъ когда это пользованіе обусловливается трудомъ, они доступны для каждаго кто употребитъ трудъ. Эти силы и матеріалы распредѣлены неравномѣрно на земной поверхности; отъ

умѣнья пользоваться ими во многомъ зависитъ богатство и благосостояніе отдѣльныхъ странъ. Вѣтеръ, на открытой равнинѣ Голландіи, приводящій въ движеніе тысячи вѣтряныхъ мельницъ, теплота воздуха, которая позволяетъ въ южной Европѣ собирать двѣ жатвы съ одного и тогоже пространства земли, составляютъ неоцѣненные естественныя богатства. Доступность этихъ силъ и матеріаловъ не можетъ создать никакой естественной монополіи для отдѣльныхъ лицъ въ данной мѣстности; они составляютъ только монополію извѣстныхъ странъ. Вліяніе этихъ силъ на образованіе цѣнности ограничено. Даровыя для производителя, онѣ остаются даровыми и для потребителей.

Ко второму разряду относятся вещества и силы, подлежащія присвоенію, но въ которыхъ недостатокъ совершенно немыслимъ. Матеріалы—для приготовленія хлора, необходимаго при бѣленіи полотенъ, для выдѣлки часовыхъ пружинъ, для производства пороха, необходимаго при ломкѣ камня, находятся въ такомъ количествѣ, что о недостаткѣ въ средствахъ для бѣленья, для приготовленія пружинъ и для работъ въ каменноломняхъ не можетъ быть рѣчи. Количество подобныхъ матеріаловъ можетъ имѣть слабое вліяніе на цѣнность произведеній, послѣдняя всегда зависитъ отъ другихъ причинъ.

Наконецъ третій разрядъ составляютъ матеріалы и силы, находящіеся въ ограниченномъ количествѣ. Рудныя жилы, каменноугольныя и соляныя копи, говоритъ Рошеръ, не могутъ быть признаны неистощимыми. Паденіе воды можетъ дать только извѣстную движущую силу. Данное пространство земли не можетъ произвести произвольнаго количества питательныхъ веществъ. Въ земледѣліи производительность извѣстной поверхности можно сравнить, по словамъ Д. С. Милля, съ упругимъ, въ высшей степени растяжимымъ поясомъ, который едвали можетъ быть растягнутъ на столько, чтобы его нельзя было растянуть еще болѣе; но который даетъ сильно чувствовать давленіе, за долго до того какъ достигаетъ крайняго предѣла растяжимости. Къ этому же разряду относятся рыба, дичь и др. естественныя произведенія, въ образованіи которыхъ человѣкъ не принимаетъ никакого участія. Истощеніе этихъ запасовъ совершается иногда съ поразительною быстротою.

Очевидно, что ограниченное количество матеріаловъ и силъ, при настоятельно ощущаемой въ нихъ потребности, можетъ сообщить имъ высокую цѣнность. Конечно, то что даетъ природа—она даетъ всегда даромъ.

Но присвоеніе матеріаловъ и силъ природы подчиняется извѣстнымъ общественнымъ условіямъ, и какъ пріобрѣтеніе, такъ и огражденіе владѣльческихъ правъ влечетъ за собою нѣкоторые расходы. За тѣмъ, при ограниченномъ количествѣ, или при истощеніи матеріаловъ и силъ природы, пріобрѣтеніе ихъ или пользованіе ими требуетъ бо́льшихъ поисковъ, бо́льшаго труда и бо́льшихъ жертвъ. Такимъ образомъ, даровые матеріалы и силы природы получаютъ цѣнность, которая зависитъ отъ издержекъ пріобрѣтенія или обладанія и отъ отношенія между существующими запасами и ощущаемою въ нихъ потребностію. Не слѣдуетъ, однакоже, думать, чтобы отсюда возникала серьёзная опасность для человѣчества. Запасы растеній, плодовъ, животныхъ, ископаемыхъ, въ конкретной формѣ могутъ быть истощены; но отсюда еще далеко до недостатка въ средствахъ для пищи, для одежды, для жилища и пр. Запасы матеріаловъ обусловливаются не только самопроизвольнымъ производствомъ природы, но и размноженіемъ ихъ при участіи человѣка, успѣхами науки, которая открываетъ въ веществахъ, считавшихся негодными, свойства, дѣлающія ихъ драгоцѣнными для человѣка. Силы природы—химическія и механическія, дѣйствующія въ производствѣ, смѣняются болѣе могущественными; вѣтеръ и паденіе воды замѣняются паромъ, паръ, быть-можетъ, будетъ замѣненъ электрическимъ токомъ, и пр.

Поэтому нечего еще опасаться оскудѣнія даровъ природы. Напротивъ, при успѣхахъ просвѣщенія и гражданственности, можно разсчитывать на возрастающее содѣйствіе природы, и пора, когда будетъ достигнутъ предѣлъ возрастанія дароваго содѣйствія природы, такъ далека, что въ настоящее время опасеніе насчетъ существованія человѣчества преждевременно.

II. Трудъ.

Пользованіе дарами природы почти невозможно безъ труда. Какъ бы ничтоженъ ни былъ трудъ, но безъ него удовлетвореніе потребностямъ составляетъ задачу неразрѣшимую.

Рошеръ различаетъ слѣдующіе виды труда:

1) открытія и изобрѣтенія;

2) завладѣніе (occupatio) дарами природы—дикорастущими растеніями, животными и минералами. Тамъ, гдѣ эта дѣятельность состав-

ляетъ единственный трудъ населенія—человѣкъ является въ высшей степени зависимымъ отъ природы;

3) образованіе вещества (Stoffproduction), направленіе дѣятельности природы къ производству сырыхъ матеріаловъ—скотоводство, хлѣбопашество, лѣсоводство и пр.;

4) обработка веществъ—ремесленная, фабричная, мануфактурная и заводская промышленность;

5) распредѣленіе запасовъ — внутренняя и внѣшняя торговля;

6) личныя услуги.

Этотъ послѣдовательный перечень различныхъ видовъ труда указываетъ на постепенность ихъ историческаго развитія.

Въ политической экономіи подобное исчисленіе не имѣетъ, однакоже, значенія при оцѣнкѣ производительной силы труда Имѣя въ виду эту послѣднюю цѣль, должно замѣтить, что трудъ слагается изъ дѣятельности физической, умственной и нравственной, и производительность зависитъ отъ количества, качества и напряженія труда.

Количество труда опредѣляется числомъ и возрастнымъ составомъ населенія и числомъ рабочихъ дней въ году; послѣднее бываетъ болѣе или менѣе велико, смотря по числу праздныхъ дней, праздниковъ, дней болѣзни и т. д. Качество труда зависитъ отъ сноровки, искусства и знанія работника. Напряженіе труда обусловливается какъ матеріальнымъ положеніемъ рабочаго, такъ и тѣми побужденіями, которыя двигаютъ его дѣятельностію. Однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій служатъ потребности; поэтому только тотъ трудъ, который въ результатѣ своемъ ведетъ къ удовлетворенію потребностей, получаетъ наибольшую степень напряженія.

Въ производительной дѣятельности народа количество, качество и напряженіе труда находятся въ самой тѣсной связи.

Наибольшей производительности достигаетъ народный трудъ, когда наибольшее число населенія бываетъ занято, и когда представляется для человѣка возможность употребить всѣ свои силы въ той или другой дѣятельности. Въ первые годы своей жизни человѣкъ является только потребителемъ, за тѣмъ производительность его обнаруживается въ весьма слабой степени и постепенно растетъ; въ періодѣ отъ 25 до 50 лѣтъ силы его представляютъ возможно полное развитіе и способны къ наибольшему напряженію, а послѣ 50 лѣтъ

постепенно ослабѣваютъ. Но, чѣмъ разумнѣе направлена дѣятельность человѣка, тѣмъ ранѣе становится онъ производителенъ и тѣмъ позднѣе наступаетъ для него тотъ періодъ, когда трудъ его становится недостаточенъ для покрытія его потребленія, когда ему приходится существовать сбереженіемъ отъ прошлаго времени. Эти результаты достигаются тѣмъ, что во всѣхъ возрастахъ трудъ разсматривается какъ условіе для упражненія и развитія силъ, а въ старости, дѣятельность, требующая особой энергіи, смѣняется иною, въ которой можно обойтись безъ напряженія силъ, таковы занятія судей, сборщиковъ, надзирателей, смотрителей и пр. Чѣмъ выше развитіе труда въ качественномъ отношеніи, тѣмъ онъ плодотворнѣе, не только потому, что такой трудъ становится производительнѣе, но и потому, что онъ разнообразнѣе, и что для каждаго возраста и пола легче пріискиваются соотвѣтствующія занятія. Наконецъ количество и качество труда зависятъ отъ причинъ, которыя вызываютъ большее напряженіе труда, т. е. отъ соотвѣтствія между трудомъ и вознагражденіемъ за работу. Соразмѣрность вознагражденія увеличиваетъ число рабочихъ, число рабочихъ дней и часовъ вообще, но вслѣдствіе большаго напряженія, сокращается продолжительность занятій, при чемъ рабочій получаетъ средства и для улучшенія качества труда.

III. Капиталъ.

Для приступа къ труду, человѣкъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи средства къ жизни, въ теченіи періода дѣтства и отрочества; для того, чтобы дѣятельность его была плодотворною, ему необходимо пріобрѣсти научную и практическую подготовку, сообщающую труду лучшее качество; наконецъ для того, чтобы производительность природы достигла высшаго развитія, человѣку необходимо подчинить своей волѣ естественныя силы, участвующія въ образованіи и переработкѣ вещества.

Такимъ образомъ производительность труда и природы обусловливаются съ одной стороны средствами для существованія и для развитія силъ человѣка, а съ другой—средствами, которыя подчиняютъ человѣку природу.

Совокупность произведеній природы и труда, служащихъ для усиленія производительности, образуетъ капиталъ. Смотря по назначенію

своему въ производствѣ, капиталъ бываетъ или постоянный (Anlage-capital, capital fixe), или оборотный (Umlaufendes, Betriebscapital, capital circulant). Первый служитъ для извлеченія дохода, оставаясь въ рукахъ владѣльца, напр. земля, машины, постройки, и пр., какъ орудія производства; второй доставляетъ доходъ только тогда, когда переходитъ изъ рукъ въ руки, напр. машины, какъ товаръ, предметы потребленія, деньги и пр. Для того, чтобы производство не ослабѣвало, первый долженъ быть воспроизведенъ на столько, на сколько это необходимо для его поддержанія и погашенія; второй долженъ быть воспроизведенъ вполнѣ.

Понятіе о капиталѣ относится къ числу самыхъ сбивчивыхъ въ политической экономіи.

Смитъ называетъ всѣ накопленныя цѣнности—фондомъ; одна часть этого фонда предназначается для потребленія, другая часть—для производства, для пріобрѣтенія дохода и прибыли, и составляетъ капиталъ.

Сэй опредѣляетъ капиталъ итогомъ цѣнностей для производительныхъ затратъ; но потомъ впадаетъ во множество противорѣчій. То допускаетъ онъ существованіе невещественнаго капитала; то говоритъ, что капиталъ можно накоплять и переуступать только въ видѣ цѣнностей, заключающихся въ вещественныхъ предметахъ. При опредѣленіи капитала, онъ поставляетъ существеннымъ признакомъ производительное назначеніе цѣнностей, а за тѣмъ подраздѣляетъ капиталы на производительные, непроизводительные и непосредственно служащіе для удовлетворенія потребностямъ (capitaux d' utilité et d' agrément).

Новѣйшіе экономисты относятъ къ капиталу или накопленныя цѣнности вообще, или предназначенныя лишь для производства. Одни включаютъ поземельную собственность въ составъ капитала, другіе разсматриваютъ землю какъ силу природы, и считаютъ капиталомъ только затраты, сдѣланныя въ землѣ.

Въ просторѣчіи капиталомъ называются денежныя суммы. Къ этому воззрѣнію склоняется Макleодъ, который относитъ впрочемъ къ капиталу и кредитъ.

Понятіе о капиталѣ нисколько не разъясняется тѣмъ перечнемъ, который представилъ Рошеръ.

Рошеръ отличаетъ слѣдующіе виды капитала:

1) улучшенія земли—осушеніе, орошеніе, плотины, изгороди, насажденія и пути сообщенія;

2) постройки;

3) орудія, замѣняющія собою человѣческіе органы: ножъ—зубы, щипцы—пальцы, молотокъ—кулакъ, мѣхъ—легкія, и т. д., машины служащія и пріемникомъ для силъ природы, и средствомъ для преобразованія движущей силы;

4) рабочій скотъ;

5) суровье, предназначенное для переработки;

6) матеріалы, служащіе пособіемъ при переработкѣ суровья—(Hülfsstoffe) напр. топливо;

7) средства для продовольствія, запасы потребленія;

8) товарные запасы;

9) деньги;

10) невещественные капиталы—фирмы (Kundschaften), монополіи и прочее.

Въ сущности оказывается, что ни одно изъ произведеній природы и труда не можетъ быть исключено изъ числа предметовъ, входящихъ въ составъ капитала, ни безусловно, ни съ извѣстными ограниченіями.

За тѣмъ, изъ предъидущаго явствуетъ, что цѣнность составляетъ необходимую принадлежность капитала, такъ такъ въ образованіи капитала участвуетъ трудъ; но цѣнность не есть условіе производительности капитала. Послѣдняя зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ капиталъ позволяетъ человѣку обладать силами природы и совершенствовать свой трудъ. Нельзя, однакоже, отрицать соотношенія между цѣнностію и величиною капитала потому, что цѣнность указываетъ, между прочимъ, на его годность и самый капиталъ раздѣляетъ судьбу всѣхъ цѣнностей вообще.

Какъ совокупность произведеній природы и труда, капиталъ есть результатъ перевѣса производства надъ потребленіемъ. Этотъ перевѣсъ образуется вслѣдствіе или—возрастанія производительности, или сбереженій—экономіи потребленія. Одно безъ другаго невозможно; сбереженія вліяютъ на увеличеніе капиталовъ лишь тогда, когда служатъ для усиленія производства и усиленіе производства есть источникъ сбереженій.

Разсмотрѣніе условій, производительности природы, труда и капитала, приводитъ къ заключенію, что возможно полное удовлетвореніе потребностей зависитъ отъ возможно меньшаго употребленія

хозяйственныхъ силъ для достиженія предположенной цѣли. Эта экономія имѣетъ не одинаковое значеніе, смотря потому относится-ли она къ природѣ, къ труду, или къ капиталу. Экономія производительной силы природы особенно важна въ томъ случаѣ, когда матеріалы и силы природы находятся въ ограниченномъ количествѣ, или когда пользованіе ими сопряжено съ болѣе или менѣе значительными издержками—тратою труда или капитала. Сбереженіе труда составляетъ условіе для улучшенія качества, а слѣдовательно могущества труда. Экономія въ пользованіи природою и трудомъ есть условіе доступности и дешевизны капитала. Но, въ свою очередь, сбереженіе капитала въ производствѣ необходимо для успѣшной дѣятельности природы и труда.

Глава 5-я. О раздѣленіи труда.

Дѣятельность производительныхъ силъ представляется въ видѣ раздѣленія и соединенія занятій и труда. Человѣческія общества, въ хозяйственномъ отношеніи, походятъ на обширныя мастерскія, въ которыхъ занятія распредѣлены по родамъ и видамъ промысловъ (добываніе сырыхъ произведеній, мануфактура, торговля, наука, искусство и пр.), и въ которыхъ каждое отдѣльное производство представляетъ, такъ сказать, раздробленіе труда между многими участниками. Между отдѣльными отраслями производства, между участниками въ каждомъ отдѣльномъ производствѣ, существуетъ тѣсная связь: каждый видъ промышленности есть необходимое звено въ общей системѣ производства, и дѣятельность каждаго изъ производителей обусловливается дѣятельностію всѣхъ прочихъ. Эта сложная система зависитъ прежде всего отъ разнообразія потребностей. Какъ бы неприхотливъ ни былъ человѣкъ, но онъ не можетъ самъ произвести всего того, что онъ потребляетъ. Раздѣленіе и соединеніе занятій и труда представляется въ зародышѣ въ патріархальной семьѣ и получаетъ далеко простирающееся развѣтвленіе въ развитой гражданственности. Но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, этотъ процессъ раздѣленія и соединенія совершается подъ вліяніемъ разнообразія не однихъ потребностей, но также силъ и способностей человѣка, матеріаловъ и силъ природы, различныхъ конкретныхъ видовъ капитала. Если разнообразіе потребно-

стей составляетъ причину явленія—раздѣленія и соединенія занятій и труда, то разнообразіе соединенныхъ производительныхъ силъ, представляющееся въ этомъ явленіи, составляетъ причину необычайнаго усиленія ихъ производительности.

Этотъ результатъ замѣченъ былъ прежде всего при раздѣленіи труда въ данномъ производствѣ. По Смиту, одна изъ главныхъ причинъ усиленія производительности заключается въ раздѣленіи труда. Человѣкъ, говоритъ онъ, который не имѣетъ навыка въ приготовленіи булавокъ, едвали сдѣлаетъ одну въ теченіи дня и никогда болѣе 20. При раздѣленіи труда, когда производство распредѣлено между нѣсколькими работниками, одинъ—вытягиветъ проволоку, другой—выпрямляетъ ее, третій—рѣжетъ, четвертый—заостриваетъ и т. д., 10 лицъ могутъ приготовить 48,000 булавокъ въ день, слѣдовательно каждый по 4,000 булавокъ.

Возрастаніе производства Смитъ объясняетъ тѣмъ, что человѣкъ, занимаясь однимъ видомъ дѣятельности, во-первыхъ—пріобрѣтаетъ необыкновенную ловкость, во-вторыхъ—сберегаетъ время, которое тратится при переходѣ отъ однихъ занятій къ другимъ, въ третьихъ—находитъ возможнымъ употребить машины. По мнѣнію Смита, мы обязаны многими открытіями раздѣленію труда, потому что человѣкъ, вниманіе котораго сосредоточено на одномъ предметѣ, становится болѣе изобрѣтательнымъ. Къ этимъ причинамъ увеличенія производительности раздѣленнаго труда послѣдователи Смита относятъ еще слѣдующія: 1) выборъ дѣятельности, сообразный съ способностями, силами и склонностями человѣка (Смитъ почти отвергалъ различіе въ природныхъ способностяхъ человѣка); 2) уменьшеніе числа работниковъ, вслѣдствіе замѣна труда нѣсколькихъ лицъ работою одного человѣка, такъ напр. преподаватель въ училищѣ выполняетъ трудъ, который при отсутствіи раздѣленія труда, падаетъ на нѣсколько человѣкъ, занимающихся не однимъ преподаваніемъ. Раздѣленіе труда, по Смиту, ограничивается свойствомъ промысловъ (въ мануфактурахъ оно можетъ быть проведено далѣе, чѣмъ въ земледѣліи) и обширностію сбыта, зависящаго отъ хорошихъ путей сообщенія, открывающихъ болѣе обширный рынокъ для обмѣна произведеній.

Смитъ и его послѣдователи видѣли въ раздѣленіи труда разложеніе его на простые элементы, Листъ обратилъ вниманіе и на соединеніе производительныхъ силъ. По мнѣнію Листа, результаты раздѣленія

труда достигаются только тогда, когда между всѣми участниками въ производствѣ существуетъ извѣстная связь, когда взаимодѣйствіе ихъ другъ другу обезпечено.

Раздѣленіе и соединеніе производительныхъ силъ начинается съ простаго раздѣленія труда и соединенія силъ частныхъ лицъ въ одномъ промышленномъ предпріятіи и восходитъ постепенно къ распредѣленію занятій между различными отраслями хозяйства и къ связи земледѣлія съ мануфактурами и торговлею. Замѣчая, что существованіе и преуспѣяніе каждой промышленности зависятъ отъ существованія и развитія всѣхъ прочихъ и отъ тѣсной между ними связи, Листъ находитъ нужнымъ пробудить мануфактурную и торговую промышленность въ государствѣ. Возможно полное осуществленіе раздѣленія и соединенія занятій представляется ему въ національномъ маштабѣ, т. е. въ предѣлахъ государства, обладающаго необходимымъ внутреннимъ политическимъ единствомъ, и получаетъ даже международное значеніе, такъ какъ государства средняго и сѣвернаго поясовъ наиболѣе способны къ мануфактурной дѣятельности, а государства южнаго пояса —къ земледѣлію.

Признавая заслугу Листа въ ученіи о раздѣленіи и соединеніи производительныхъ силъ, нельзя не замѣтить, что Листъ мало разъяснилъ способы и формы соединенія производительныхъ силъ и не указалъ съ достаточною ясностію на достигаемую при этомъ экономію.

Раздѣленіе и соединеніе занятій и труда основано на различіи силъ и способностей человѣка, на различіи свойствъ климата, почвы, и др. физическихъ условій данной мѣстности, наконецъ на разнообразіи капитала, служащаго и для удовлетворенія потребностямъ, и для производства.

Трудъ человѣка отличается наибольшею производительностію только тогда, когда каждая сила, каждая способность получаетъ въ производствѣ надлежащее назначеніе, слѣдовательно когда спеціализація занятій проведена довольно далеко, и человѣкъ достаточно подготовленъ къ своей спеціальности. При раздѣленіи занятій, человѣкъ слабый физически, но развитый умственно, можетъ обнаружить значительную производительную силу—въ сферѣ науки, искусства, управленія предпріятіемъ и пр.; человѣкъ съ слабымъ умственнымъ развитіемъ, но одаренный физическою силою, не имѣетъ нужды безплодно тратить время на открытія, изобрѣтенія и на совершенствованіе производства.

Правильнымъ сочетаніемъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ человѣческихъ силъ въ предпріятіи осуществляется, такъ сказать, возможный идеалъ совершеннѣйшаго производителя, наилучшимъ образомъ употребляющаго всѣ свои способности и силы.

Матеріалы и силы природы распредѣлены неравномѣрно. Почва, климатъ и др. естественныя условія не позволяютъ вездѣ производить съ одинаковымъ успѣхомъ извѣстныя произведенія. Распредѣленіе занятій на данномъ пространствѣ, при сохраненіи между ними надлежащей связи, сообразно съ свойствомъ физической природы, составляетъ другую, не менѣе важную задачу раздѣленія и соединенія производительныхъ силъ. Какъ велико усиленіе производительности природы, когда ея матеріалы и силы получаютъ надлежащее экономической назначеніе!

Наконецъ, чѣмъ совершеннѣе раздѣленіе занятій и труда, тѣмъ значительнѣе сбереженіе капитала, и это сбереженіе становится тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ разнообразнѣе производство. Еслибы каждое изъ 10 семействъ приготовляло для себя и пищу, и одежду, и жилище, сколько нужно было-бы для каждаго разнообразныхъ орудій, которыя въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ не употреблялись-бы въ дѣло, сколько нужно было бы издержекъ для того, чтобы имѣть каждому эти орудія, эти машины и пр.

Но раздѣленіе, какъ замѣчено было выше, предполагаетъ и соединеніе занятій и труда. Эта связь образуется подъ вліяніемъ историческаго развитія, обычая, права, успѣховъ просвѣщенія и гражданственности. Листъ признавалъ необходимымъ равновѣсіе духовныхъ и вещественныхъ силъ, но такое равновѣсіе составляетъ лишь послѣдствіе благоустроеннаго хозяйственнаго порядка. Послѣдній установляется подъ вліяніемъ началъ, положенныхъ въ основаніе обнаруженія производительной дѣятельности и распредѣленія ея результатовъ,—началъ союзности и личной свободы, которыя могутъ быть сравнены съ силами центростремительною и центробѣжною.

Какъ ни плодотворны послѣдствія раздѣленія и соединенія производительныхъ силъ, но нельзя не замѣтить, что они имѣютъ свои темныя стороны. Лемонте (Lemontey), въ сочиненіи о нравственномъ вліяніи раздѣленія труда (Ср. Say, Cours complet), представилъ мрачную картину результатовъ далеко простирающагося раздѣленія труда. Чѣмъ совершеннѣе, говоритъ Лемонте, раздѣленіе труда, и чѣмъ обширнѣе примѣненіе машинъ, тѣмъ ограниченнѣе становится умственное раз-

витіе работника. Минута, секунда исчерпываетъ все его знаніе: слѣдующая минута, слѣдующая секунда составляетъ повтореніе предъидущей. Одинъ человѣкъ осужденъ всю свою жизнь поднимать рычагъ, другой—вертѣть рукоятку. Легко замѣтить, что природа человѣческая оказывается при этомъ совершенно излишнею, и механикъ выжидаетъ минуту для замѣна человѣка пружиною. Дикарь, который борется съ стихіями за свое существованіе и живетъ произведеніями охоты и рыбной ловли, созданъ изъ хитрости и силы, исполненъ смысла и воображенія; земледѣлецъ, который принужденъ къ непрерывнымъ соображеніямъ разнообразіемъ временъ года, почвы, способовъ обработки и колебаніемъ цѣнъ—остается существомъ мыслящимъ. Но, если отправленіе сложной работы развиваетъ понятливость человѣка, то можно ожидать противнаго отъ работы, въ которой человѣкъ является простымъ орудіемъ раздѣленнаго труда. Въ рукахъ одного цѣлое ремесло—онъ чувствуетъ свою силу и свою независимость; другой подходитъ къ природѣ машинъ, среди которыхъ онъ живетъ и не можетъ скрыть отъ себя, что онъ составляетъ нѣчто придаточное въ механизмѣ, что отдѣленный отъ машинъ, онъ ни къ чему неспособенъ и лишенъ средствъ существованія Грустно сказать себѣ, что въ теченіи цѣлой жизни я поднималъ только клапанъ или дѣлалъ 18-ую часть булавки. При необыкновенной простотѣ труда, работникъ можетъ быть замѣненъ первымъ встрѣчнымъ, а при невозможности получить новое мѣсто, онъ оказывается въ самой печальной зависимости отъ предпринимателя. Его заработокъ, разсматриваемый скорѣе какъ милость, чѣмъ какъ плата, опредѣляется съ тою холодною и жосткою бережливостію, которая лежитъ въ основѣ фабричныхъ предпріятій.

Равнымъ образомъ и раздѣленіе занятій представляетъ также темныя стороны. Чѣмъ спеціальнѣе производство въ данной мѣстности, тѣмъ тяжеле каждое бѣдствіе или разстройство, которое постигаетъ извѣстную отрасль промышленности. Земледѣльцы, которые воздѣлываютъ одинъ какой-либо родъ растеній, въ неурожайный годъ не только не получаютъ никакого дохода, но терпятъ нужду, которая не всякому бываетъ по силамъ; населеніе исключительно манufактурнаго округа подвергается всѣмъ случайностямъ спроса и сбыта, и большая остановка въ хлопчато-бумажномъ производствѣ показываетъ въ какое бѣдственное положеніе можетъ прійдти цѣлая область богатая и промышленная (Ланкаширъ). Тамъ, гдѣ земледѣліе

представляетъ бо́льшее разнообразіе, гдѣ фабричное производство не составляетъ исключительнаго промысла населенія, послѣднее гораздо легче переноситъ невзгоды. Потеря въ одной отрасли производства можетъ быть вознаграждена въ другой.

Неотрицая темныхъ сторонъ раздѣленія занятій и труда, должно замѣтить, что тѣ вредныя послѣдствія, на которыя обыкновенно указываютъ, не составляютъ результатовъ неотвратимыхъ и неизбѣжныхъ. Нѣтъ дѣятельности, которая не требовала-бы механическаго труда; но изъ того, что механическій трудъ не требуетъ знанія, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ лишалъ работника образованія, въ которомъ заключается для него условіе и для разумной человѣческой жизни, и для независимости. Печальной картинѣ, нарисованной Лемонте, можно противупоставить знаменитыя ловельскія фабрики въ Соединенныхъ штатахъ. Между этими двумя крайностями есть много предпріятій, которыя занимаютъ середину, по образованію и по самостоятельности рабочаго класса. Наконецъ, нельзя сказать, чтобы при раздѣленіи труда, всѣ фабричные работники были лишены участія въ умственной дѣятельности, требуемой производствомъ, и чтобы умственное развитіе составляло для нихъ, какъ для производителей, безполезную роскошь.

Равнымъ образомъ и темныя стороны раздѣленія занятій вытекаютъ не изъ самаго начала, на которомъ оно основано, а изъ способа его осуществленія. Раздѣленіе занятій не требуетъ, чтобы цѣлая область занималась только одною отраслію производства, за исключеніемъ прочихъ, чтобы фабричное населеніе жило въ казармахъ, не имѣя ни огородовъ, ни садовъ, чтобы земледѣліе ограничивалось однимъ родомъ насажденій, или разведеніемъ одного рода животныхъ и т. д. Но и въ *тѣхъ случаяхъ, когда далеко простирающаяся* спеціальность необходима, *благосостояніе населенія можетъ быть* ограждено отъ случайностей *учрежденіями, которыя* гарантируютъ производителю не только его капиталъ, но и его доходъ.

Глава 6-я. О мѣнѣ, цѣнности и цѣнѣ [1]).

Производство требуетъ соединенія производительныхъ силъ, находящихся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ; соединеніе этихъ силъ предпо-

[1]) Различіе между цѣною и цѣнностію объяснено на стр 8. Въ настоящей главѣ слово цѣна иногда употребляется вмѣсто цѣнности,

лагаетъ раздѣлъ результатовъ производства, или выдѣлъ доходовъ; выдѣлъ доходовъ имѣетъ въ виду или употребленіе ихъ въ дальнѣйшемъ производствѣ, или удовлетвореніе потребностямъ. Отсюда возникаетъ рядъ хозяйственныхъ отношеній, о которыхъ будетъ идти рѣчь въ настоящей и въ слѣдующихъ главахъ.

Соединеніе производительныхъ силъ и раздѣлъ результатовъ производства происходятъ или на основаніи обязательныхъ нормъ, въ силу обычая, правила, закона, или на основаніи свободныхъ соглашеній. Въ первомъ случаѣ доходъ выдѣляется въ видѣ оброка, дивиденда, жалованья и пр., во второмъ—посредствомъ свободной мѣны. Но съ одной стороны обязательныя нормы и подчиненіе извѣстнымъ правиламъ, или даже законамъ, не всегда исключаютъ свободу соглашеній; съ другой—свободная мѣна предполагаетъ также существованіе юридическаго порядка, обязательнаго для мѣняющихъ сторонъ. Поэтому два главные вида раздѣла результатовъ производства не отдѣляются другъ отъ друга рѣзкою чертою. Свободная мѣна составляетъ, такъ сказать, основу для соединенія производительныхъ силъ и для раздѣла результатовъ производства, основу, которая при успѣхахъ гражданственности, дѣлается необходимою принадлежностью бо́льшаго числа хозяйственныхъ отношеній, и нисколько не исключаетъ обязательныхъ нормъ. Послѣднія, опираясь на свободныя соглашенія, утрачиваютъ только значеніе опоры для привилегій и, въ свою очередь, становятся болѣе всеобщими, какъ ограниченіе права, опирающагося на справедливость.

Мѣновыя сдѣлки заключаются или въ данный моментъ времени, или на болѣе или менѣе отдаленные сроки. Къ первымъ относятся: *мѣна* въ тѣсномъ смыслѣ слова (troc), непосредственная, и *купля-продажа*, ко вторымъ—*кредитъ*. Въ непосредственной мѣнѣ произведенія или услуги переуступаются безъ содѣйствія товара-посредника—денегъ; въ куплѣ-продажѣ произведенія или услуги промѣниваются на извѣстное количество денегъ—товара посредника, который служитъ для будущей покупки средствъ, необходимыхъ человѣку; въ мѣнѣ кредитной произведенія или услуги уступаются одною стороною другой, подъ условіемъ вознагражденія въ будущемъ. Это условіе можетъ получить форму обязательства и служить также средствомъ для закупокъ; но различіе между

но лишь въ предположеніи, что деньги служатъ точнымъ мѣриломъ цѣнности произведеній.

куплею-продажею и кредитомъ состоитъ въ томъ, что сдѣлка заканчивается въ первомъ случаѣ передачею товара-посредника, а во второмъ—исполненіемъ условія, или возникшаго изъ него обязательства.

Какова бы ни была, впрочемъ, форма мѣны, предметъ ея есть цѣнность. При мѣнѣ мы сравниваемъ не годность произведеній или услугъ, но ихъ цѣнность. Переуступая другъ другу средства, служащія для нашихъ хозяйственныхъ цѣлей, мы установляемъ такое количественное отношеніе между двумя величинами, при коемъ обѣ должны быть равноцѣнны.

Изъ предъидущаго явствуетъ, что въ дальнѣйшемъ изложеніи предстоитъ разсмотрѣть причины, отъ которыхъ зависятъ: съ одной стороны происхожденіе, съ другой—размѣръ цѣнности. Оба эти предмета имѣютъ первостепенное значеніе въ политической экономіи, такъ какъ изъ ученія о цѣнности развивается вся теорія доходовъ.

Цѣнность возникаетъ вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ средствъ и способовъ для удовлетворенія потребностямъ и составляетъ необходимую принадлежность собственности. Общедоступные матеріалы и силы природы никѣмъ не присвоенные не имѣютъ цѣнности; но воздухъ, свѣтъ и теплота, которыми человѣкъ пользуется въ своемъ жилищѣ, паденіе воды, которымъ владѣетъ производитель, какъ механическимъ движителемъ, его трудъ, наконецъ капиталъ, т. е. всѣ произведенія, на которыя были потрачены человѣкомъ и трудъ, и присвоенные имъ матеріалы и силы природы,—неоспоримо имѣютъ цѣнность.

Происхожденіе цѣнности объясняется потребностію и суммою жертвъ (труда или издержекъ), которыя необходимы и могутъ быть сдѣланы для удовлетворенія потребности. Если въ данномъ произведеніи нѣтъ потребности, то оно не можетъ имѣть цѣнности, и какъ бы великъ ни былъ трудъ, употребленный въ производствѣ, но онъ не сообщитъ произведенію, неимѣющему годности, никакой цѣнности (напр. вышедшимъ изъ моды предметамъ). И наоборотъ—цѣнность произведенія можетъ быть очень высока, хотя на него было потрачено очень мало издержекъ и въ частности очень мало труда, если пріобрѣтеніе такого произведенія представляетъ значительныя трудности (напр. стаканъ воды въ безводной степи).

Такъ какъ потребности человѣка и сумма жертвъ, которыя онъ готовъ и можетъ сдѣлать для удовлетворенія потребностямъ, а равнымъ образомъ трудности, встрѣчаемыя производителемъ и обусловливающія

предложеніе, заявляются въ мѣнѣ; то очевидно, что цѣнность представляется неразрывно связанною съ мѣною, хотя по своей природѣ она независима отъ мѣновыхъ сдѣлокъ.

Наконецъ цѣнность есть условное мѣрило богатства. Богатство измѣряется суммою средствъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей; цѣнность произведеній опредѣляетъ долю, которая принадлежитъ или человѣку, или народу въ общественномъ богатствѣ (Bastiat). Отсюда понятіе о дѣйствительномъ богатствѣ (richesse effective), которое опредѣляется суммою средствъ для удовлетворенія потребностямъ, и о богатствѣ относительномъ (richesse relative), которое опредѣляется—цѣнностію извѣстной доли произведеній и отношеніемъ цѣнности этой доли къ цѣнности всего итога средствъ, служащихъ для удовлетворенія потребностямъ народовъ, находящихся въ связи между собою. Такимъ образомъ цѣнность, въ каждомъ данномъ положеніи общества, служитъ мѣриломъ богатства, какъ частнаго, такъ и народнаго, принимая во вниманіе международныя экономическія отношенія.

Какъ мѣрило богатства, цѣнность выражаетъ количественныя отношенія между промѣниваемыми произведеніями, и эти отношенія опредѣляются посредствомъ конкретной цѣнности извѣстнаго количества золота или серебра, заключающагося въ монетѣ, и принимаемаго за единицу. Очевидно, что мѣрило цѣнности, а слѣдовательно и самое ея измѣреніе, были-бы точны только въ томъ случаѣ, еслибы эта единица была величиною постоянною, или еслибы между цѣнностію и условіями ея возникновенія существовало постоянное и правильное соотношеніе. Но, такъ какъ цѣнность зависитъ отъ потребностей и отъ препятствій, встрѣчаемыхъ при удовлетвореніи потребностей, то ни единица, принятая для измѣренія цѣнности, не можетъ быть постоянною, неизмѣняемою величиною, ни отношеніе между условіями образованія цѣнности и самою цѣнностію не можетъ представлять соразмѣрности.

Опредѣляя размѣръ доходовъ и степень удовлетворенія потребностей, цѣнность должна была сдѣлаться однимъ изъ главныхъ предметовъ *политико-экономическихъ изслѣдованій; но это значеніе въ наукѣ она получала лишь со времени Адама Смита*, который призналъ трудъ главною производительною силою и поставилъ цѣнность въ зависимость отъ труда.

Съ этихъ поръ теорія цѣнности развивалась непрерывно путемъ критическимъ, и притомъ или догматически изъ посылокъ, которыя при-

няты были экономистами за непреложныя истины, или критически изъ анализа, какъ самыхъ основаній для выводовъ, такъ и сдѣланныхъ изъ сихъ основаній заключеній. Изученіе теоріи цѣнности въ ея историческомъ развитіи существенно необходимо для ознакомленія съ вопросами, которые должны быть поставлены, съ матеріалами, которые должны быть собраны для разъясненія этихъ вопросовъ, и съ самыми способами разрѣшенія послѣднихъ.

Экономисты, въ изслѣдованіяхъ своихъ о цѣнности, разсматривали зависимость цѣнности и отъ количества труда, употребленнаго на производство, и отъ количества труда, которое можетъ быть куплено извѣстною вещью, и отъ издержекъ производства вообще, и отъ спроса и предложенія, и отъ участія даровыхъ силъ въ производствѣ, и отъ потребности, или отъ годности произведеній, и отъ отношенія между итогами предметовъ, составляющихъ результатъ производства.

По Смиту, цѣнность предмета для пріобрѣтателя опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на ея пріобрѣтеніе,—для продавца количествомъ труда, который дается въ обмѣнъ за извѣстный предметъ. Такова, по Смиту, дѣйствительная цѣна произведеній, которая противуполагается имъ рыночной, зависящей отъ спроса и предложенія и сообразующейся съ естественною или съ средними издержками производства.

Послѣдователи Смита—Рикардо и Мальтусъ упустили изъ вида двоякую точку зрѣнія Смита на отношеніе цѣнности къ труду. Первый, оставляя въ сторонѣ немногіе предметы, цѣнность которыхъ опредѣляется, по его мнѣнію, рѣдкостію и зависитъ отъ спроса и предложенія, полагалъ, что цѣнность остальныхъ произведеній зависитъ отъ количества труда, употребленнаго въ производствѣ, и измѣряется этимъ трудомъ. Издержки производства у Рикардо сводятся къ количеству употребленнаго въ дѣло труда.

Мальтусъ призналъ спросъ и предложеніе регуляторами цѣнности. Издержки производства, по его мнѣнію, вліяютъ на цѣнность на столько, на сколько онѣ могутъ измѣнить или спросъ, или предложеніе; между тѣмъ какъ мѣрило цѣнности заключается въ количествѣ труда, которое можетъ быть куплено произведеніями.

Миль и Маклеодъ представляютъ теоріи Рикардо и Мальтуса въ подновленномъ видѣ. Первый слѣдуетъ Рикардо, пополняя и развивая его ученіе; второй, т. е. Маклеодъ, видоизмѣняетъ ученіе Мальтуса, считая единственнымъ регуляторомъ цѣнности спросъ и предложеніе,

признавая съ одной стороны, зависимость цѣнности отъ труда, а съ другой—отрицая, что трудъ, употребленный какъ въ производствѣ, такъ и въ покупкѣ, служитъ мѣриломъ цѣнности. Издержкамъ производства Маклеодъ даетъ почти такое же значеніе какъ и Мальтусъ.

Таковы ученія англійской школы, которыя пополнены Сэемъ, Бастіа и Кэри, разъяснявшими вліяніе на цѣнность даровыхъ производительныхъ силъ и капитала. Неопредѣленныя воззрѣнія Сэя представляются у Бастіа и Кэри въ ясномъ, отчетливомъ видѣ. Первый указываетъ на вліяніе соперничества, при замѣнѣ цѣннаго элемента даровымъ; второй указываетъ на вліяніе улучшенія качества труда, при пониженіи цѣнности произведеній.

При всемъ томъ, начиная съ появленія изслѣдованій Смита, мысль, что цѣнность должна находиться въ тѣсной связи съ трудомъ, остается преобладающею, и эта связь, съ точки зрѣнія идеальнаго требованія, выражается наконецъ Прудономъ, который видитъ въ годности средоточіе, около котораго колеблятся и valeur en usage, и valeur en échange, а въ цѣнности величину, которая должна соразмѣряться съ продолжительностію труда и выражать пропорціональность между составными частями всего итога произведеній.

Представивъ въ краткомъ очеркѣ главныя теоріи цѣнности, необходимо изложить ихъ съ нѣкоторою подробностію, не прерывая замѣчаніями и критикою, которыя будутъ изложены въ окончательномъ выводѣ изъ приведенныхъ ученій.

По ученію Адама Смита, ежегодный трудъ народа есть главный источникъ народнаго богатства; все, что мы пріобрѣтаемъ,—мы пріобрѣтаемъ трудомъ или произведеніями труда. Цѣнность вещи, для того, кто владѣетъ ею и намѣренъ промѣнять ее на другіе предметы, равняется количеству труда, которое можетъ быть куплено этою вещью, или которымъ она можетъ располагать. *Дѣйствительная цѣна* (real price) вещи, то, что она стоитъ человѣку, который желаетъ ее пріобрѣсть, заключается въ трудѣ и хлопотахъ, соединенныхъ съ ея пріобрѣтеніемъ.

То, что каждая вещь дѣйствительно стоитъ (is really worth) человѣку, который желаетъ промѣнять ее на что-либо другое, состоитъ въ трудѣ или заботахъ, отъ которыхъ онъ себя избавляетъ и можетъ наложить на другихъ. Все, что покупается деньгами или товарами, покупается трудомъ, точно также какъ и то, что пріобрѣтается нами въ

потѣ лица нашего. Эти деньги или товары избавляютъ насъ въ самомъ дѣлѣ отъ труда. Онѣ содержатъ въ себѣ цѣнность извѣстнаго количества труда, которое мы обмѣниваемъ на то, что, по нашему мнѣнію, содержитъ цѣнность равнаго количества труда. Трудъ былъ первою цѣною, первою монетою, уплаченною за всѣ вещи: не золотомъ и серебромъ, но трудомъ были куплены первоначально всѣ богатства міра, и цѣнность этихъ богатствъ, какъ для владѣльца, такъ и для желающаго обмѣнять ихъ на другія произведенія, равняется количеству труда, которое они даютъ возможность купить или которымъ они располагаютъ. Мѣновая цѣнность какой бы то ни было вещи необходимо равняется количеству власти, передаваемой тому, кто владѣетъ ею.

Но, хотя трудъ есть истинное мѣрило мѣновой цѣнности, однакоже, на практикѣ онъ не служитъ для опредѣленія цѣнности, по трудности установить отношеніе между двумя разными количествами труда, требующими неодинаковаго времени, напряженія и искусства. На практикѣ мѣновая цѣнность опредѣляется въ видѣ *цѣны рыночной*, на основаніи торга и соглашенія, и въ этомъ видѣ удовлетворяетъ требованіямъ обыденной справедливости. Не отличаясь особою точностію, такая цѣна достаточно точна для обыкновеннаго веденія дѣлъ, и такъ какъ товаръ мѣняется скорѣе на товаръ, чѣмъ на трудъ, то товары и въ особенности деньги становятся орудіемъ мѣны. Но, между тѣмъ какъ цѣна товара, выраженная трудомъ, всегда одинакова, цѣна, выраженная деньгами, можетъ быть высока или низка, независимо отъ труда, употребленнаго на производство товара. Поэтому денежную цѣну Смитъ называетъ *нарицательною*, въ противуположность *дѣйствительной*

Равныя количества труда имѣютъ равную цѣнность для трудящагося, тогда какъ для лица, употребляющаго трудящагося, они могутъ казаться имѣющими бо́льшую или меньшую цѣнность, смотря по количеству произведеній, оплачивающихъ трудъ; въ сущности же не трудъ сдѣлался дешевъ или дорогъ, а произведенія труда.

Различіе между дѣйствительною и нарицательною цѣною имѣетъ не одно отвлеченное, но и практическое значеніе, напр. при опредѣленіи арендной или оброчной платы.

Признавая трудъ единственнымъ всеобщимъ мѣриломъ цѣнности, для сравненія товаровъ въ различныя эпохи, Смитъ полагаетъ, что цѣнность хлѣба за продолжительные періоды времени составляетъ болѣе точное мѣрило, нежели золото и серебро, и что деньги составляютъ до-

вольно точное средство для сравненія цѣнностей въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Въ ученомъ сочиненіи необходимо знать и дѣйствительныя цѣны произведеній, т. е степень власти, которую эти цѣны предоставляютъ надъ трудомъ. До накопленія капиталовъ и образованія поземельной собственности, цѣнность произведеній опредѣляется количествомъ труда. Если одинъ трудъ тяжелѣе другаго въ два раза, то одинъ часъ перваго труда будетъ равенъ двумъ часамъ втораго. При этомъ положеніи вещей произведеніе труда исключительно принадлежитъ работнику. Съ появленіемъ капитала, участвующаго въ производствѣ, доля цѣнности достается владѣльцу капитала, какъ *прибыль*; съ возникновеніемъ поземельной собственности, доля цѣнности достается владѣльцу земли, какъ *рента*. Цѣна каждаго произведенія слагается изъ этихъ трехъ составныхъ частей—заработной платы, прибыли и ренты—трудъ остается общимъ для нихъ мѣриломъ. Производитель получаетъ нерѣдко двѣ и даже всѣ три части, входящія въ составъ цѣны произведеній.

Въ каждой мѣстности есть средняя величина, опредѣляющая вознагражденіе за трудъ, прибыль и ренту. Эта средняя величина заработной платы, прибыли и ренты опредѣляетъ естественную величину доходовъ и *естественную цѣну*, отличающуюся отъ рыночной, установляемой спросомъ и предложеніемъ. Объяснивъ колебанія рыночныхъ цѣнъ, Смитъ замѣчаетъ, что естественная цѣна есть какъ бы средоточіе, къ которому тяготѣютъ колеблющіяся рыночныя цѣны произведеній. Случайныя обстоятельства могутъ поднять рыночную цѣну выше и понизить ниже естественной цѣны; но, несмотря на всѣ препятствія, рыночныя цѣны стремятся къ этому средоточію покоя и постоянства. За тѣмъ Смитъ указываетъ въ общихъ чертахъ на нѣкоторыя обстоятельства, производящія это уклоненіе рыночныхъ цѣнъ отъ естественныхъ (жатва, общественный трауръ, фабричные секреты, привилегіи, корпораціи, статуты и пр.), поставляетъ своею задачею изслѣдованіе причинъ, отъ которыхъ зависитъ естественная величина заработной платы, прибыли и ренты, и разсматриваетъ отношенія, существующія между этими составными частями дѣйствительной цѣны произведеній.

Рикардо упрекаетъ Смита въ непослѣдовательности—въ томъ, что по Смиту цѣнность измѣряется и количествомъ труда, употребленнаго на производство вещи, и количествомъ труда, которое можетъ быть куплено послѣднею. Еслибы, говоритъ Рикардо, это было такъ, то вознагражденіе работника было-бы соразмѣрно съ трудомъ, употребленнымъ имъ

на производство. Но первое представляетъ *очень часто* довольно точное мѣрило цѣнности; второе испытываетъ столько же измѣненій, сколько и товары, съ которыми оно можетъ быть сравниваемо. Цѣнность труда зависитъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ на трудъ, отъ измѣненій въ цѣнѣ средствъ существованія и предметовъ первой необходимости, на которыя издерживается заработная плата. Еслибы въ данную пору надо было употребить вдвое болѣе труда на производство предметовъ необходимости, чѣмъ въ предшествующее время, то работникъ не могъ-бы существовать при платѣ, непозволяющей ему покупать прежнее количество произведеній. Въ Америкѣ и Польшѣ хлѣбъ производится съ меньшими издержками, чѣмъ въ Англіи; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы работникъ, при одинаковой цѣнности другихъ произведеній въ Америкѣ и Польшѣ, получалъ болѣе хлѣба. Еслибы обувь и одежда сдѣлались въ четверо дешевле, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы работникъ получалъ въ четверо болѣе этихъ произведеній.

За тѣмъ нѣсколько далѣе Рикардо говоритъ: если я смотрю на трудъ, какъ на источникъ цѣнности, и полагаю, что количество труда почти исключительно опредѣляетъ цѣнность произведеній, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я не обращалъ вниманія на различные виды труда, и на трудность сравнивать ихъ между собою. Цѣнность различныхъ видовъ труда очень скоро установляется съ достаточною точностію, и однажды установившаяся лѣствица подвержена весьма малымъ измѣненіямъ. Такъ какъ въ настоящихъ изслѣдованіяхъ предстоитъ разсмотрѣть не абсолютную, но относительную цѣнность произведеній, то сравненіе цѣнъ различныхъ видовъ труда не представляетъ особаго значенія. При появленіи орудій и машинъ, цѣнность опредѣляется количествомъ труда, употребленнымъ не только непосредственно въ производствѣ, но и посредственно—на приготовленіе орудій и машинъ. Уменьшеніе количества труда на производство, какъ самыхъ произведеній, такъ и машинъ для того необходимыхъ, понижаетъ цѣнность произведеній. Возвышеніе заработной платы еще не влечетъ за собою увеличенія количества труда, необходимаго въ производствѣ; заработная плата можетъ возвыситься на 20%, прибыль понизиться, а цѣнность останется безъ измѣненія.

Количество постоянныхъ капиталовъ, употребленныхъ въ производствѣ, и долговѣчность послѣднихъ поставляютъ цѣнность въ зависимость еще отъ другой причины (кромѣ количества труда, употреблен-

наго въ производствѣ). При одномъ и томъ же количествѣ труда, употребленнаго въ производствѣ, возвышеніе заработной платы понижаетъ цѣнность тѣхъ товаровъ, производство коихъ требуетъ капитала постояннаго, и чѣмъ значительнѣе и долговѣчнѣе будетъ постоянный затраченный капиталъ, тѣмъ значительнѣе будетъ пониженіе цѣнности. Для поясненія этой мысли Рикардо предполагаетъ, что производство хлопчатобумажныхъ или суконныхъ тканей потребуетъ 100 рабочихъ въ теченіи года, съ платою по 50 ф. с. рабочему для приготовленія машинъ; что производство хлѣба потребуетъ такое же число рабочихъ, и что прибыль будетъ=10%. Цѣнность, какъ машинъ, такъ и хлѣба, по истеченіи года, составитъ по 5,500 ф. с. (5000 на заработную плату и 500 на %). На слѣдующій годъ фабриканты будутъ употреблять для производства тканей тоже число рабочихъ и пользоваться машинами; ткани будутъ стоить 5500+10% съ 5500 ф. с. или 6050 ф. с.; хлѣбъ будетъ стоить 5500 ф. с. Если, вслѣдствіе возвышенія заработной платы, прибыль понизится съ 10 на 9%; то фабрикантамъ прійдется прибавить къ 5500 ф. с. не 550 ф. с. прибыли, а 495 ф. с.; фабричный товаръ будетъ стоить 5995 ф. с., вмѣсто 6050 ф. с., а хлѣбъ 5500 ф. с.

Равнымъ образомъ цѣнность возрастетъ, если потребуется болѣе значительное время для поставки товаровъ на рынокъ. Возвышеніе заработной платы подѣйствуетъ не одинаково на товары, производимые машинами разной долговѣчности. При содѣйствіи недолговѣчныхъ машинъ производство требуетъ бо́льшаго количества труда, чѣмъ при употребленіи долговѣчныхъ. Поэтому возвышеніе заработной платы, или что̀ тоже пониженіе прибыли, уменьшаетъ относительную цѣнность товаровъ, произведенныхъ долговѣчнымъ капиталомъ, и увеличиваетъ цѣнность товаровъ, произведенныхъ капиталомъ недолговѣчнымъ. Такимъ образомъ товары, произведенные равными капиталами, могутъ имѣть различную цѣнность, которая возвышается или понижается пропорціонально количеству труда, употребляемаго въ производствѣ; независимо отъ этого цѣнность товаровъ зависитъ также отъ другаго вліянія—возвышенія или пониженія заработной платы или прибыли.

Изъ предъидущаго Рикардо дѣлаетъ слѣдующій выводъ: цѣнность, произведенная при содѣйствіи капитала, измѣняется прямо пропорціонально долговѣчности капитала, и находится въ обратномъ отношеніи къ заработной платѣ. Цѣнность товаровъ, произведенныхъ трудомъ, или

малымъ количествомъ постояннаго капитала, или капиталомъ недолговѣчнымъ, возвышается или понижается вмѣстѣ съ заработною платою.

По ученію Мальтуса, цѣнность есть отношеніе между двумя или однимъ и многими обмѣниваемыми произведеніями. Оцѣнка основывается на желаніи обладать и на трудности или легкости пріобрѣсть извѣстный предметъ. Слѣдуя Сиьору, Мальтусъ отличаетъ причины *внутреннія*, имѣющія вліяніе на желаніе обладать и на трудность пріобрѣсть извѣстный предметъ, и причины *внѣшнія*, имѣющія вліяніе на желаніе обладать и на трудность пріобрѣсть за этотъ предметъ другіе предметы посредствомъ мѣны. Говоря о возвышеніи или пониженіи цѣнности, мы обращаемъ вниманіе на причины внутреннія.

Цѣнность опредѣляется отношеніемъ между спросомъ (т. е. желаніемъ и возможностію покупки) и предложеніемъ (т. е. количествомъ предлагаемаго товара и желаніемъ сбыть его); она возвышается при усиленіи спроса и уменьшеніи предложенія, и понижается при уменьшеніи спроса и при увеличеніи предложенія. Говоря объ увеличеніи или уменьшеніи спроса и предложенія, должно имѣть въ виду не объемъ (экстенсивность) того и другаго—число лицъ предлагающихъ или спрашивающихъ; но настоятельность (интенсивность) спроса и предложенія. Понимая въ этомъ смыслѣ спросъ и предложеніе, можно сказать, что цѣнность измѣняется въ прямомъ отношеніи къ спросу и въ обратномъ отношеніи къ предложенію.

Цѣна установляется спросомъ и предложеніемъ, независимо отъ издержекъ производства. Достаточное снабженіе рынка зависитъ отъ вознагражденія, получаемаго работникомъ, капиталистомъ и поземельнымъ владѣльцемъ. Цѣна каждаго произведенія состоитъ изъ заработной платы, прибыли и ренты; средній итогъ этихъ составныхъ частей опредѣляетъ естественную цѣну; но какъ составныя ея части, такъ и самая естественная цѣна опредѣляются подобно рыночной отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Издержки производства имѣютъ однакоже вліяніе на цѣнность, если онѣ сопровождаются измѣненіемъ предложенія. Еслибы предложеніе осталось безъ перемѣны, то какъ бы велики или малы ни были издержки производства, цѣнность произведеній осталась-бы таже самая.

Переходя за симъ къ изслѣдованіямъ мѣрила цѣнности, Мальтусъ замѣчаетъ, что мѣрило это необходимо для опредѣленія выгоды, получаемой продавцомъ, и для опредѣленія трудности пріобрѣтенія предмета,

разумѣя подъ этимъ условія, отъ которыхъ зависитъ предложеніе. Такимъ мѣриломъ не можетъ служить количество труда, употребляемаго въ производствѣ, потому что производство безъ содѣйствія капитала невозможно, а при употребленіи капитала, какъ доказалъ Рикардо, цѣнность уменьшается при пониженіи прибылей, и это явленіе бываетъ особенно замѣтнымъ при значительномъ постоянномъ и долговѣчномъ капиталѣ. Еще менѣе можно судить о трудностяхъ, которыя необходимо преодолѣть, и о пожертвованіяхъ, которыя предстоитъ сдѣлать по количеству труда, потребнаго для производства въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время.

Точнымъ неизмѣняющимся мѣриломъ цѣнности можетъ служить количество труда, которое можетъ быть куплено произведеніемъ. Это количество труда для предметовъ, произведенныхъ однимъ трудомъ, равняется количеству труда, употребленному въ производствѣ. Количество извѣстнаго труда типа, къ которому могутъ быть приведены всѣ другіе виды труда, есть величина постоянная, неизмѣнная. Если трудъ покупаетъ большее или меньшее количество другихъ произведеній, то это происходитъ отъ измѣненія цѣнности произведеній, а не цѣнности самаго труда.

Ученія о цѣнности Смита, Рикардо и Мальтуса, послужили основаніемъ для теорій Д. С. Милля и Маклеода. Милль придерживался по преимуществу Рикардо, Маклеодъ развивалъ ученіе Мальтуса.

Д. С. Милль сводитъ все ученіе о цѣнности къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ:

I. Цѣнность есть отношеніе. Цѣнность одного предмета означаетъ количество другаго предмета или предметовъ вообще, на которые онъ обмѣнивается. Поэтому, не можетъ быть общаго пониженія или возвышенія цѣнности, а возвышенію однѣхъ цѣнностей соотвѣтствуетъ пониженіе другихъ.

II. Временная или рыночная цѣнность произведеній зависитъ отъ спроса и предложенія; она возрастаетъ съ увеличеніемъ спроса и падаетъ съ увеличеніемъ предложенія. Спросъ измѣняется однакоже вмѣстѣ съ цѣнностію; онъ бываетъ больше тогда, когда предметъ дешевъ, меньше—когда дорогъ; и цѣнность всегда принаравливается при этомъ такъ, что спросъ равенъ предложенію.

III. Кромѣ временной цѣнности, предметъ имѣетъ цѣнность постоянную, или такъ-сказать, естественную, къ которой рыночная,

послѣ каждаго ея измѣненія, всегда стремится приблизиться. Эти колебанія уравновѣшиваются такъ, что произведеніе промѣнивается, въ среднемъ выводѣ, приблизительно по своей естественной цѣнности.

IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ есть цѣнность рѣдкости, но бо́льшая часть предметовъ обмѣниваются другъ на друга, соразмѣрно съ издержками производства или ихъ стоимостію (Cost value).

V. Предметы, естественно и постоянно имѣющіе цѣнность рѣдкости, суть тѣ, предложеніе которыхъ не можетъ вовсе или на столько увеличиться, чтобъ удовлетворить всякому спросу, который бы имѣлъ мѣсто, ес ибъ они продавались сообразно съ издержками производства (Cost value).

VI. Монопольная цѣнность означаетъ цѣнность рѣдкости. Монополія сообщаетъ цѣнность лишь вслѣдствіе ограниченія предложенія.

VII. Каждое произведеніе, предложеніе котораго можетъ быть безконечно увеличено трудомъ и капиталомъ, промѣнивается на другія вещи пропорціонально наибольшимъ издержкамъ производства, необходимымъ для производства и поставки на рынокъ самой дорогой части потребнаго предложенія. Цѣнность естественная и стоимость синонимы: стоимость означаетъ наибольшія издержки, съ коими эта часть предложенія произведена.

VIII. Издержки производства состоятъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, изъ которыхъ иные всеобщи и постоянны, а другіе случайны. Заработная плата и прибыль суть два необходимые элемента въ издержкахъ производства. Случайные элементы суть подати и чрезвычайныя издержки, условливаемыя рѣдкостію нѣкоторыхъ принадлежностей производства.

IX. Рента не составляетъ элемента, входящаго въ составъ издержекъ производства предметовъ, которые даютъ ренту, исключая случай, скорѣе воображаемый, чѣмъ дѣйствительный, именно, когда издержки происходятъ отъ рѣдкости и составляютъ ея слѣдствіе; но если земля, могущая дать ренту въ земледѣліи, употребляется для другой цѣли, то рента, которую она могла-бы дать, входитъ въ составъ издержекъ производства того предмета, для производства котораго служитъ эта земля.

X. Если опустить случайные элементы цѣнности, то предметы, которые могутъ быть произведены въ неограниченномъ количествѣ, промѣниваются естественно и постоянно пропорціонально издержанной

на нихъ заработей платѣ и прибыли, которую должны извлечь капиталисты, уплачивающіе эту заработную плату.

XI Относительный размѣръ итога заработей платы не зависитъ отъ нея самой. Высокая заработная плата не есть причина высокой цѣнности, а низкая заработная плата—низкой цѣнности. Относительный размѣръ итога заработей платы зависитъ отчасти отъ количества потребнаго труда, отчасти отъ размѣра вознагражденія за трудъ.

XII. Равнымъ образомъ относительная доля прибыли не зависитъ отъ высоты прибыли. Высокая прибыль не есть причина высокой цѣнности, а низкая—низкой цѣнности. Размѣръ прибыли зависитъ частію отъ продолжительности времени, въ теченіе котораго употребляется капиталъ, частію отъ относительной доли прибыли въ разныхъ отрасляхъ занятій.

XIII Если два предмета производятся однимъ и тѣмъ же количествомъ труда, получающаго ту же плату за одно и то же время, и если родъ занятій не требуетъ постояннаго различія въ величинѣ прибыли, то такіе два предмета въ среднемъ результатѣ будутъ обмѣниваться другъ на друга, независимо отъ того, будутъ-ли заработая плата и прибыль высоки или низки, количество труда велико или мало.

XIV. Если одинъ изъ двухъ предметовъ вообще имѣетъ среднимъ числомъ, цѣнность бо́льшую, то это потому, что его производство требуетъ или количества труда болѣе значительнаго, или употребленія труда лучше оплачиваемаго, или затраты капитала на болѣе продолжительное время, а также потому, что производство сопровождается какимъ-либо обстоятельствомъ, которое требуетъ, для уравновѣшенія, прибыли бо́льшаго размѣра.

XV. Количество труда, необходимаго для производства, составляетъ самый важный изъ этихъ элементовъ; вліяніе другихъ слабѣе, хотя каждый изъ нихъ не малозначущъ.

XVI. Чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ менѣе значенія имѣютъ второстепенные элементы издержекъ производства, и тѣмъ менѣе отклоняется цѣнность произведеній отъ цѣнности, соотвѣтствующей количеству и качеству труда, употребленнаго на ихъ производство.

XVII. Но всякое пониженіе прибыли понижаетъ въ извѣстной мѣрѣ стоимость (Cost value) вещей, произведенныхъ машинами, наиболѣе долговѣчными, и возвышаетъ цѣнность вещей, составляющихъ произ-

веденіе ручной работы, а всякое возвышеніе прибыли производитъ противоположный результатъ (гл. VI, § 1).

Такова, говоритъ Миль, теорія цѣнности, относящаяся къ системѣ производства, направляемаго капиталистами въ видахъ извлеченія прибыли; но земледѣлецъ, производящій за свой счетъ, ищетъ не помѣщенія для своего капитала, а выгоднаго употребленія своего времени и своего труда Если онъ сытъ и одѣтъ домашними произведеніями, то онъ готовъ продать излишекъ по цѣнѣ, за которую, по его мнѣнію, стоитъ трудиться, не соображаясь съ стоимостію производства для капиталиста.

Но и въ этомъ случаѣ есть низшій предѣлъ для цѣнности. Произведенія, поставляемыя на рынокъ, должны доставить ему возможность и пріобрѣсть тѣ предметы, которые онъ вынужденъ купить, и уплатить ренту. Этотъ низшій предѣлъ установляется не издержками производства, а скорѣе спросомъ и предложеніемъ. Спросъ зависитъ отъ числа и достаточности не земледѣльческаго населенія.

Другое уклоненіе представляетъ производство рабами. Рабовладѣлецъ есть капиталистъ, который старается извлечь прибыль. Если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности употребляется дешевый трудъ рабовъ, а въ другихъ болѣе дорогой свободный трудъ, то цѣнность произведеній первыхъ бываетъ ниже, а вторыхъ выше.

Маклеодъ въ существенныхъ чертахъ сходится съ Мальтусомъ и возстановляетъ его ученіе Политико-экономисты, говоритъ онъ, называютъ цѣнностію качество, которое дѣлаетъ вещи предметомъ мѣны; но это значитъ впадать въ ошибку—смѣшивать явленіе съ причиною, отъ которой явленіе происходитъ.

Обладаніе богатствомъ и средствами для производства имѣетъ цѣлію оказаніе другъ другу услугъ, а слѣдовательно приводитъ къ мѣнѣ, при чемъ необходимо опредѣлить отношеніе между промѣниваемыми предметами. *Мѣновое отношеніе между двумя количествами называется цѣнностію.* Первая мысль, которая возникаетъ при установленіи отношенія между промѣниваемыми количествами, состоитъ въ томъ, что цѣнность измѣряется количествомъ труда, употребляемаго на оказаніе услуги. Повидимому охотникъ долженъ сообразить сколько онъ производитъ среднимъ числомъ въ день и сличить этотъ результатъ съ тѣмъ, который получается пахаремъ, въ тотъ же періодъ времени. Но для того, чтобы положеніе это было справедливо, необходимо, чтобы въ произведеніяхъ различныхъ лицъ ощущалась *одинаковая* потребность, чтобы эти про-

изведенія были *равно* полезны, необходимы и пріятны Если же одно изъ произведеній обладаетъ качествомъ, которое дѣлаетъ предметъ особенно желательнымъ, то послѣдній будетъ покупаться съ большею охотою и мѣновая цѣнность его возрастетъ Трудъ и цѣнность тѣсно связаны между собою, но между ними нѣтъ необходимаго соотвѣтствія Конечно, говоря вообще, справедливо, что предметы цѣнные составляютъ результатъ бо́льшаго труда, но трудъ ни въ какомъ случаѣ не составляетъ причины цѣнности Результатъ, одинъ только результатъ, имѣетъ цѣнность, независимо отъ того достигнутъ-ли онъ бо́льшимъ, или малымъ трудомъ. Алмазъ, попавшійся подъ руку, и алмазъ, на отысканіе котораго истраченъ 20-ти лѣтній трудъ, равно цѣнны. Алмазъ не потому цѣненъ, что человѣкъ его поднялъ, но человѣкъ поднялъ алмазъ потому, что онъ цѣненъ. Справедливо, что работникъ оставляетъ занятіе, которое даетъ менѣе цѣнныя произведенія и обращается къ такому, которое производитъ предметы болѣе цѣнные, и что уменьшеніе количества первыхъ возвышаетъ, а увеличеніе количества вторыхъ понижаетъ ихъ цѣнность, и что слѣдовательно въ народномъ хозяйствѣ существуетъ стремленіе къ уравновѣшенію цѣнности труда. Тѣмъ не менѣе изъ предъидидущаго вытекаетъ начало въ высшей степени важное въ политической экономіи: *не трудъ сообщаетъ цѣнность произведеніямъ, а цѣнность привлекаетъ трудъ въ производство.* За тѣмъ цѣнность имѣетъ всегда мѣстное значеніе—знаніе китайскаго языка цѣнится въ Парижѣ или Лондонѣ, но не на Гебридскихъ островахъ. Банковый билетъ въ 5 ф. с. въ Лондонѣ, столько же цѣненъ, какъ пять гиней, въ другихъ мѣстахъ онъ не имѣетъ этой цѣнности. Картина Рафаэля или Корреджіо имѣетъ огромную цѣнность для извѣстныхъ лицъ, но далеко не для всѣхъ. Очевидно, что цѣнность сообщается не трудомъ, но спросомъ.

Выходя изъ этихъ основаній, Маклеодъ поставляетъ своею задачею открыть общую формулу для причинъ измѣненія цѣнности, формулу, примѣнимую ко всѣмъ случаямъ, временамъ и мѣстностямъ.

Цѣны бо́льшей части предметовъ, въ особенности всеобщаго потребленія, измѣняются ежедневно и ежечасно отъ множества причинъ, которыхъ нельзя предвидѣть и контролировать, и цѣна въ каждомъ данномъ случаѣ, когда совершается сдѣлка, должна быть опредѣлена отношеніемъ между покупщикомъ и продавцомъ—въ данный моментъ, а не въ тотъ, въ который опредѣлилась-бы цѣнность этихъ предметовъ

при другихъ обстоятельствахъ. Поэтому можно назвать цѣны, устанавливающіяся въ данное время для данной сдѣлки,—*моментальною цѣнностію - instantaneous-value.*

Сосредоточеніе силы сообщаетъ ей интенсивность. Потребность въ услугѣ имѣетъ различную степень интенсивности: потребность въ стаканѣ воды, послѣ обѣда, во время котораго можно было пить и ѣсть вдоволь, и потребность въ такомъ же стаканѣ воды, среди безводныхъ степей Африки, имѣютъ различную интенсивность, которая обнаруживаетъ огромное вліяніе на возвышеніе цѣнъ. Съ другой стороны цѣна зависитъ отъ власти предлагающаго услугу продавца надъ покупателемъ. Пока продавецъ одинъ, пока онъ не находитъ соперниковъ, власть его, при интенсивности услуги, огромна и ведетъ къ возвышенію цѣнъ; при соперничествѣ продавцовъ, власть эта уменьшается и цѣны падаютъ. Таковы двѣ силы, при столкновеніи ихъ, въ данный моментъ, установляется цѣна. Согласно съ предъидущимъ, законъ, устанавливающій цѣны, можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: *цѣны измѣняются въ прямомъ отношеніи къ интенсивности оказываемой услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцомъ.*

Къ несчастію лучшіе экономисты объясняли происхожденіе цѣнности трудомъ и, принимая послѣдній за ея мѣрило, утверждали, что цѣнность сообразуется съ издержками производства.

Такъ Смитъ основываетъ понятіе о цѣнности на трудѣ, и принимаетъ за основныя начала, что трудъ есть мѣрило цѣнности и что одинаковыя количества труда имѣютъ одинаковую цѣнность. Изъ этого можно сдѣлать заключеніе, что голышъ, поднятый на глубинѣ моря, очень цѣненъ, и что алмазъ, поднятый на поверхности земли, не имѣетъ цѣнности; но выше было показано, что цѣнность зависитъ отъ потребности лицъ, желающихъ пріобрѣсть извѣстный предметъ, и что никакое количество труда не можетъ сообщить цѣнность такой вещи, на которую нѣтъ требованія. За тѣмъ, отличая рыночную цѣну отъ естественной, или отъ издержекъ производства, Смитъ признаетъ послѣднія регуляторомъ для цѣны рыночной, опредѣляемой спросомъ и предложеніемъ. Ученіе Смита о цѣнности не имѣетъ, надлежащей ясности и потому, что цѣнность, по Смиту, измѣряется то количествомъ труда, употребленнаго на производство, то количествомъ труда, которое можетъ быть куплено вещью.

Рикардо, указывая на эту неопредѣленность, полагаетъ, что *цѣн-*

ность произведеній зависитъ отъ относительнаго количества труда, употребленнаго на производство; но за тѣмъ онъ ограничиваетъ примѣненіе этого положенія только къ такимъ произведеніямъ, количество которыхъ можетъ быть увеличено производствомъ, совершенно подчиненнымъ вліянію соперничества Картины, статуи, вина особаго качества, которыя могутъ быть получены въ извѣстной мѣстности, и вообще рѣдкіе предметы составляютъ исключеніе изъ общаго правила,— цѣнность ихъ зависитъ отъ рѣдкости.

Сходное съ этимъ объясненіе даетъ Д. С. Милль. По словамъ его, спросъ и предложеніе регулируютъ цѣнность всѣхъ вещей, которыя не могутъ безконечно размножаться; впрочемъ и въ отношеніи этихъ предметовъ, когда они создаются промышленностію, существуетъ извѣстная наименьшая цѣнность (minimum), опредѣляемая издержками производства. Въ отношеніи же предметовъ, доступныхъ безпредѣльному размноженію, спросъ и предложеніе опредѣляютъ только колебанія цѣнности въ продолженіи періода, который не можетъ превосходить промежутка времени, необходимаго для измѣненія размѣровъ предложенія. Рикардо устраняетъ то, что не согласно съ его правиломъ; Милль поступаетъ такъ, какъ поступилъ-бы астрономъ, который заявилъ-бы, что нѣкоторыя явленія объясняются теоріею Птоломея, а другія теоріею Коперника или Ньютона

Кажущійся здравый смыслъ, ясность и опредѣленность того, что говоритъ Смитъ объ отношеніи между естественною и рыночною цѣною, склоняютъ на его сторону Но что такое естественная цѣна, естественная рента, естественная заработная плата? Пшеница, поставленная на извѣстный рынокъ, можетъ быть выращена въ разныхъ мѣстностяхъ, гдѣ заработная плата составляетъ и 14, и 10, и 7 шил. въ недѣлю, гдѣ рента составляетъ 30, 20 и 15 шил. отъ акра. Какія же издержки производства могутъ быть признаны цѣною естественною? При всемъ различіи издержекъ, пшеница будетъ продаваться въ данномъ мѣстѣ за одну и туже цѣну, которая будетъ опредѣляться не стоимостію производства, а отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Небольшой подвозъ пшеницы, произведенной съ малыми издержками, не будетъ имѣть вліянія на пониженіе цѣнъ; наоборотъ значительный подвозъ, независимо отъ издержекъ производства, понизитъ цѣну.

Обѣ системы, Смита, и Рикардо, основаны на предположеніи, что

единичное лицо вліяетъ на рынокъ, между тѣмъ какъ рынокъ вліяетъ на единичное лицо; обѣ полагаютъ, что производитель сообщаетъ цѣнность произведенію, между тѣмъ какъ она сообщается потребителями-покупщиками. Покупщики даютъ высокую цѣну не потому, что продавцы издержали много, но послѣдніе издерживаютъ много, потому что разсчитываютъ на высокую плату со стороны покупщиковъ. Признавая, что отношеніе между спросомъ и предложеніемъ есть единственный регуляторъ цѣнности, Маклеодъ не отрицаетъ, однакоже, что еслибы цѣна была ниже издержекъ, то производитель переставъ-бы производить —это впрочемъ самый низкій предѣлъ, съ которымъ онъ не сообразуется вовсе, пытаясь выручить какъ можно болѣе, и никакое измѣненіе въ издержкахъ не производитъ измѣненія въ цѣнѣ, пока отношеніе между спросомъ и предложеніемъ остается тоже самое.

Признавая рыночную цѣну регуляторомъ издержекъ производства, Маклеодъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) измѣненіе въ издержкахъ производства не измѣняетъ цѣнности, если отношеніе между спросомъ и предложеніемъ остается тоже самое; 2) уменьшеніе въ издержкахъ производства, несопровождающееся увеличеніемъ количества произведенныхъ товаровъ, достается на долю производителя; 3) уменьшеніе издержекъ производства въ тѣхъ случаяхъ, когда количество товаровъ можетъ быть безконечно увеличено, обращается въ пользу потребителя; 4) уменьшеніе издержекъ производства въ тѣхъ случаяхъ, когда количество товаровъ увеличилось въ ограниченномъ размѣрѣ, достается частію на долю производителя, частію на долю потребителя, и эта выгода дѣлится между обѣими сторонами въ обратномъ отношеніи добавочнаго количества товаровъ къ потребленію ихъ въ предшествующее время. Необходимо, однакоже, замѣтить, что измѣненія въ предложеніи разныхъ товаровъ—хлѣба, шерсти и пр. не производятъ одинаковаго колебанія цѣнъ, и всѣ попытки отыскать зависимость между размѣрами предложенія и цѣнами разныхъ товаровъ оставались доселѣ безуспѣшными.

Издержки производства получаютъ у Маклеода другое значеніе. Разность между цѣною и издержками производства есть прибыль, которая составляетъ цѣль и побужденіе къ производству, основаніе для разсчетовъ производителя. Въ мелкихъ промыслахъ прибыль должна быть (?) высока для того, чтобы промышленникъ могъ жить своимъ трудомъ; при оборотахъ большаго размѣра, можно довольствоваться

меньшею прибылью. Когда цѣна доставляетъ среднюю прибыль,—положеніе рынка бываетъ самымъ выгоднымъ; когда цѣна падаетъ ниже издержекъ производства, тогда наступаетъ явленіе, называемое чрезмѣрнымъ производствомъ, при чемъ желательно ограниченіе производства и усиленіе потребленія. Возвышеніе цѣны свыше издержекъ есть признакъ недостатка, заключающій въ себѣ предостереженіе для потребителей и поощреніе для производителей. Большинство не понимаетъ мысли, высказаной партріархомъ политической экономіи—Кене: ce que l'on appelle la cherté est l'unique remède à la cherté: cherté foisonne.

Вліяніе даровыхъ производительныхъ силъ на установленіе цѣнности, разъясняли писатели французской школы—Сэй и Бастіа.

По Сэю, богатство не пропорціонально ни объему, ни вѣсу предметовъ; богатство не зависитъ ни отъ рода вещей, ни отъ ихъ физической природы, но отъ нравственнаго качества (qualité morale), которое называется цѣнностію—valeur.

Очевидно, что качество, которое дѣлаетъ вещь цѣнностію—это ея полезность—utilité (слѣдовало-бы сказать годность). Люди цѣнятъ только такія вещи, которыя имѣютъ полезность, а полезными признаются только тѣ предметы, которые могутъ удовлетворить потребностямъ человѣка, зависящимъ отъ физической и нравственной его природы и отъ обстоятельствъ, въ которыя онъ поставленъ.

Полезность, понятая въ такомъ смыслѣ, составляетъ первое основаніе цѣнности; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что цѣнность возвышается надъ полезностію. Цѣнность возвышается только до уровня полезности, сообщенной предмету человѣкомъ. То, что превышаетъ этотъ предѣлъ, составляетъ естественное богатство, которое не заставляетъ за себя платить. Еслибы пришлось платить за соль, пропорціонально услугѣ, которую соль можетъ оказать, то за фунтъ соли можно было-бы заплатить 20 су; къ счастію мы принуждены платить только пропорціонально труду, который она намъ стоитъ. Искусственною монополіею цѣна соли можетъ быть доведена до 20 су, но въ фунтѣ соли можетъ заключаться на 19 су богатства естественнаго, даровaго, и только на 1 су богатства общественнаго, т. е. *цѣнности* не даровой, а созданной человѣкомъ, за которую онъ требуетъ платы. Такимъ образомъ полезность, созданная природою, составляетъ естественное даровое богатство; полезность, созданная человѣкомъ, есть богатство общественное, и лишь послѣдняя сообщаетъ цѣнность произве-

деніямъ. Цѣнность каждаго предмета есть величина положительная, но только для даннаго момента времени. Она измѣнчива, потому что она основана на потребностяхъ и средствахъ производства, которыя измѣняются непрерывно. Цѣнность не есть величина абсолютная, но относительная, а потому всякое сравненіе двухъ составныхъ частей богатства возможно только въ данномъ мѣстѣ и въ данное время. Невозможно сравнивать богатство въ двѣ различныя эпохи и въ двухъ различныхъ странахъ потому, что оно не имѣетъ общаго мѣрила.

Нѣкоторыя изъ мыслей, изложенныхъ Сэемъ, нашли въ лицѣ Бастія даровитаго истолкователя. Полезность составляетъ иногда произведеніе одной природы, иногда одного труда, почти всегда произведеніе природы и труда. Полезность, создаваемая природою, называется у Бастіа даровою (gratuite), создаваемая трудомъ—трудовою (onéreuse), и имѣетъ въ его ученіи тождественное значеніе съ цѣнностію. Успѣхъ экономическій состоитъ въ увеличеніи даровой полезности на счетъ трудовой, или въ уменьшеніи цѣнности произведеній Оцѣнка услугъ есть основа цѣнности и цѣнность есть отношеніе между двумя промѣниваемыми услугами—la valeur est le rapport de deux services échangés. При оцѣнкѣ промѣниваемыхъ услугъ принимается въ разсчетъ не только употребленный, но и сбереженный трудъ (effort fait и effort épargné)—отсюда низкая цѣнность воды и высокая цѣнность алмаза.

Выходя изъ этихъ положеній, Бастіа приходитъ къ заключенію, что только цѣнность составляетъ предметъ собственности и на дѣлѣ, и по праву.

За тѣмъ, обращаясь къ разбору мнѣній экономистовъ, Бастіа находитъ:

1) что цѣнность заключается не въ веществѣ, а въ услугѣ, результатѣ усилій;

2) что цѣнность не обусловливается долговѣчностію произведеній;

3) что полезность не сообщаетъ предметамъ цѣнности,—цѣнится не полезность даровая, а трудовая, заключающая въ себѣ услугу;

4) что цѣнность зависитъ не только отъ труда употребляемаго, но и отъ сберегаемаго при мѣнѣ. Понятіе услуги обнимаетъ гораздо болѣе, чѣмъ понятіе о трудѣ;

5) что рѣдкость вліяетъ на цѣнность потому, что затрудняетъ пользованіе услугою;

6) что сужденіе—jugement, принимаемое Шторхомъ за основу цѣн-

ности, можетъ относиться только къ опредѣленію отношенія между услугами, а не къ полезности. Сужденіе приписываетъ полезность дневному свѣту, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы свѣтъ солнца имѣлъ цѣнность.

Мѣрила цѣнности нѣтъ и не можетъ быть потому, что потребности измѣнчивы, какъ и средства, служащія для ихъ удовлетворенія. Равнымъ образомъ и обстоятельства, имѣющія вліяніе на цѣнность—полезность, трудъ, рѣдкость, сужденіе—не имѣютъ ничего постояннаго. Но эта измѣнчивость не важна. Наука заботится не объ отысканіи отношенія между двумя услугами, а между усиліемъ и удовлетвореніемъ. Упуская изъ виду мысль о благосостояніи, экономисты скорбѣли о томъ, что нѣтъ постояннаго мѣрила для цѣнности, не замѣчая, что оно не даетъ понятія о томъ на какой ступени находится богатство и благосостояніе двухъ сословій, двухъ народовъ, двухъ поколѣній. Для отвѣта на эти вопросы необходимо мѣрило не для опредѣленія отношенія между услугами, а для опредѣленія отношенія между усиліемъ и удовлетвореніемъ—это мѣрило состоитъ въ усиліи или въ трудѣ. Правда трудъ измѣнчивъ и разнообразенъ, но для труда есть типъ—трудъ поденьщика. Всякое вознагражденіе возрастаетъ постепенно, начиная съ этого основанія. Необходимо предложить себѣ вопросъ: какъ велико въ данной странѣ или въ данную эпоху количество извѣстной полезности или количество всѣхъ полезностей, которое соотвѣтствуетъ данному количеству труда; другими словами: какъ велико благосостояніе, которое можетъ пріобрѣсть мѣною простой поденьщикъ?

Объясняя происхожденіе цѣнности трудомъ, Кэри поставляетъ ее въ зависимость отъ улучшенія качества труда или накопленія капитала.

По ученію Кэри, одинокій поселенецъ озаботится прежде всего пріобрѣтеніемъ предметовъ, для удовлетворенія первыхъ потребностей. Съ пріобрѣтеніями своими онъ свяжетъ понятіе о *цѣнности*, опредѣляя послѣднюю издержками производства, или *количествомъ труда*, которое ему приходилось дать въ обмѣнъ за эти произведенія. Земля, находящаяся въ его распоряженіи въ неограниченномъ количествѣ, небудетъ имѣть цѣнности.

Если поселенецъ, подвигаясь впередъ, встрѣтится съ другимъ поселенцемъ, участокъ котораго изобилуетъ иными произведеніями, то между обѣими сторонами установится *мѣна*. Оцѣнка промѣниваемаго будетъ соразмѣряться съ трудомъ, употребленнымъ на производство или

на присвоеніе каждаго предмета, потому что еслибы одна изъ странъ, требовала за свое произведеніе болѣе труда, чѣмъ оно стоитъ, то другая могла-бы сама добыть желаемое произведеніе. Предъидущее объясняетъ и *природу*, и *мѣрило* цѣнности.

Но поселенцы вскорѣ замѣчаютъ, что производство значительно облегчается обладаніемъ орудій—т. е. содѣйствіемъ *капитала*,—произведенія предшествующаго труда Если рубка дровъ, стоившая прежде двухнедѣльной работы, оканчивается въ недѣлю, то цѣнность дровъ, упадетъ на половину, между тѣмъ, какъ другіе предметы, на производство коихъ капиталъ не имѣлъ вліянія, удержатъ свою цѣнность относительно труда. Такъ, со времени появленія капитала, цѣнность будетъ опредѣляться издержками, необходимыми не для производства, а для *воспроизведенія* предметовъ потребленія въ данный моментъ времени. Трудъ, при помощи капитала, улучшится въ качествѣ, и меньшее количество его будетъ необходимо для производства. Уменьшеніе количества труда, потребнаго для производства какого бы то ни было произведенія, *уменьшаетъ* цѣнность послѣдняго, выраженную трудомъ, и *увеличиваетъ* цѣнность труда, выраженную произведеніями. Равнымъ образомъ и улучшеніе орудій, вспомоществующихъ производство, сопровождается не только уменьшеніемъ цѣнности прежде существовавшаго капитала, выраженной трудомъ, но и уменьшеніемъ той доли произведеній (труда), которую можно требовать въ вознагражденіе за право пользованія капиталомъ.

Кэри заключаетъ свои изслѣдованія о цѣнности вопросомъ: что составляетъ причину цѣнности? Домъ, серна, плоды—доставляютъ человѣку удобства и выгоды, подобно воздуху и свѣту, которые не имѣютъ цѣнности. Послѣдніе необходимы для человѣка, но такъ какъ они находятся въ неограниченномъ количествѣ, то понятіе о цѣнности связывается съ ними только тогда, когда былъ необходимъ трудъ для того, чтобы пользоваться ими въ данномъ мѣстѣ и въ наиболѣе удобномъ видѣ. Свѣтъ, доставляемый свѣчою, лампою, газовымъ рожкомъ, теплота, доставляемая печью, получаютъ цѣнность отъ труда, употребленнаго на присвоеніе или на производство ихъ, точно также какъ и рыбы, пойманныя рыболовами, или птицы, застрѣленныя охотниками. И такъ, чтобы предметъ имѣлъ цѣнность, онъ долженъ быть полезенъ; но свойство это, хотя и составляетъ необходимую принадлежность цѣнности, не можетъ быть названо причиною ея, потому

что нѣтъ ничего полезнѣе воздуха, а цѣнность свою онъ получаетъ только тогда, когда нужно употребить трудъ для пользованія имъ. Отсюда слѣдуетъ, что *трудъ составляетъ* единственную причину цѣнности. Этотъ взглядъ на природу цѣнности и на отношеніе ея къ полезности получилъ дальнѣйшее развитіе въ позднѣйшемъ сочиненіи Кэри — въ »Руководствѣ къ соціальной наукѣ«.

Каждому веществу, говоритъ Кэри, присуща способность быть пригоднымъ человѣку, но въ изолированномъ положеніи человѣкъ не въ состояніи пріобрѣсть надлежащей силы для того, чтобы извлечь изъ него пользу. Въ средѣ многолюднаго общества, гдѣ занятія безконечно разнообразны и способности развиваются быстро, вмѣстѣ съ индивидуальностію является склонность къ общенію, а вмѣстѣ съ послѣднимъ дѣятельность ума, которая даетъ человѣку господство надъ природою. *Полезность есть мѣрило силы человѣка надъ природою; цѣнность есть мѣрило силы природы надъ человѣкомъ.* Первая возрастаетъ, послѣдняя падаетъ вмѣстѣ съ общеніемъ людей Обѣ движутся такимъ образомъ по противуположнымъ направленіямъ, и поэтому всегда находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Полезность вещества увеличивается съ возрастаніемъ склонности къ общенію, и каждый шагъ на этомъ пути сопровождается пониженіемъ цѣнности предметовъ, необходимыхъ для потребленія и возрастаніемъ легкости накопленія богатства.

Ученіе о зависимости цѣнности отъ труда, основанное Смитомъ, привело къ ученію соціалистовъ о соотвѣтствіи между трудомъ и средствами, служащими для удовлетворенія потребностямъ. Другими словами, если цѣнность пропорціональна труду, то сумма полезности, которою цѣнность располагаетъ, должна быть также пропорціонально труду. При этомъ соціалисты, говоря о полезности, имѣли въ виду не годность средства, но его полезность, разсматриваемую съ точки зрѣнія физіологіи и нравственности.

Къ этому логическому выводу пришелъ Прудонъ, который выразилъ требованія соціализма съ наибольшею ясностію и послѣдовательностію; не смотря на то, что все его ученіе о цѣнности перемѣшано порадоксальными положеніями и діалектической игрою.

По ученію Прудона, полезность—valeur d'utilité есть способность произведеній естественныхъ, или созданныхъ промышленностію, служить человѣку; цѣнность—valeur d'échange—способность этихъ же произве-

деній промѣниваться другъ на друга: поэтому полезность и цѣнность въ сущности одно и тоже; различіе состоитъ только въ томъ, что въ цѣнности къ идеѣ полезности присоединяется идея обмѣна (substitution).

Но, въ настоящемъ экономическомъ порядкѣ, между полезностію и цѣнностію возникаетъ противорѣчіе. Еслибы полезность произведенія уменьшилась, то потерялъ-бы производитель при мѣнѣ, еслибы увеличилась, или еслибы производство сдѣлалось дешевле, то онъ бы выигралъ. Мы тѣмъ богаче, говоритъ Прудонъ, чѣмъ болѣе мы производимъ полезностей и чѣмъ болѣе ихъ промѣниваемъ; но умноженіе произведеній роняетъ ихъ цѣнность Чѣмъ болѣе произведеній, тѣмъ болѣе они теряютъ при мѣнѣ,—и вотъ въ чемъ противорѣчіе. Такимъ образомъ цѣнность становится капризною какъ свобода: она не соразмѣряется ни съ полезностію, ни съ трудомъ, а правда хромаетъ и становится невозможною. Хромота устраняется цѣнностію установленною—valeur constituée, т. е. цѣнностію, представляющею пропорціональное отношеніе между составными частями, образующими цѣлое. Мы ищемъ не мѣрило цѣнности (étalon de la valeur), но законъ, по которому установляется соразмѣрность между произведеніями, образующими общественное богатство. Эта соразмѣрность установляется трудомъ. Человѣкъ знаетъ, что такое-то произведеніе стоитъ часъ, другое—день, третье—недѣлю или годъ труда. Трудъ измѣряется временемъ, основнымъ началомъ закона цѣнности. Центръ, около котораго колеблятся и полезность, и цѣнность—это полезность, составляющая основаніе цѣнности; отношеніе между цѣнностями, за исключеніемъ случаевъ уклоненія, установляется трудомъ и выражается цѣною. Пока нѣтъ пропорціональности въ массѣ произведеній, до тѣхъ поръ нѣтъ равенства въ цѣнности. Цѣнность установленная (constituee), какъ пропорціональность произведеній, предполагаетъ въ равной степени и полезность, и цѣнность, неразрывно и гармонически связанныя между собою.

Таковы главнѣйшія теоріи цѣнности. Разногласія и погрѣшности, въ которыя впадали экономисты, происходятъ отъ слѣдующихъ причинъ.

Во-первыхъ, экономисты имѣли въ виду изученіе дѣйствительности. Желая однакоже, чтобы послѣдняя удовлетворяла требованіямъ справедливости (или по крайней мѣрѣ подчинялась такому закону, который, въ силу установленнаго порядка, водворялъ-бы справедливость, независимо отъ свободной дѣятельности частныхъ лицъ, и сознательнаго участія об-

щественной власти), они опредѣляли цѣнность не по дѣйствительнымъ фактическимъ даннымъ, но по идеальнымъ отношеніямъ. Самъ Прудонъ не уклонился отъ этого пути; онъ также бралъ вымышленные примѣры, но только для того, чтобы построить свой идеалъ a contrario. Безъ сомнѣнія водвореніе справедливости, т. е. соотвѣтствія между цѣнностію и трудомъ, составляетъ хозяйственную цѣль, степень достиженія которой познается изъ отношенія между заработною платою въ разныхъ отрасляхъ занятій и цѣною произведеній, которыя могутъ быть куплены заработною платою, и приводятъ къ результатамъ духовнымъ и вещественнымъ, которые выясняются при удовлетвореніи потребностямъ [1]).

Но при этомъ не должно забывать, что цѣнность произведеній несоразмѣрна ни съ трудомъ, употребленнымъ въ производствѣ, ни съ трудомъ, который можетъ быть купленъ произведеніями; потому что трудъ, вслѣдствіе различнаго напряженія, не измѣряется временемъ, и, какъ цѣнность, раздѣляетъ судьбу всѣхъ цѣнностей, которыя возвышаются и падаютъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ. За симъ цѣнность произведеній зависитъ отъ монопольнаго элемента, отъ рѣдкости нѣкоторыхъ видовъ труда, капитала и силъ природы, обусловливающей появленіе ренты.

Во-вторыхъ, сбивчивость понятій о цѣнности происходитъ отъ смѣшенія цѣнности съ цѣною. Цѣна есть цѣнность, выраженная деньгами; возвышеніе или пониженіе цѣнъ составляетъ иногда не признакъ измѣненія цѣнности всѣхъ произведеній и услугъ, а измѣненія цѣнности денегъ. Поэтому, какъ справедливо замѣтилъ Милль, можно говорить о возрастаніи или уменьшеніи цѣнъ, а не цѣнности всѣхъ произведеній вообще [2]).

Въ-третьихъ, экономисты не всегда удачно группируютъ условія, отъ которыхъ зависитъ цѣнность. Годность или полезность предмета, его рѣдкость, трудъ, употребляемый въ производствѣ, трудность пріобрѣтенія произведенія, издержки производства, спросъ и предложеніе

---

[1]) Здѣсь экономическая наука соприкасается съ физіологіею и общественною культурою и касается вопросовъ далеко неразрѣшенныхъ какъ естествознаніемъ, такъ и обществовѣдѣніемъ.

[2]) Если слово цѣна можетъ быть поставлено вмѣсто цѣнности, то лишь въ предположеніи, что цѣнность денегъ не претерпѣваетъ измѣненій и что онѣ остаются точнымъ мѣриломъ цѣнности. Въ этомъ смыслѣ слово цѣна употребляется иногда въ настоящей главѣ, какъ уже замѣчено было выше.

или соперничество—разсматриваются часто какъ причины, которыя могутъ самостоятельно, независимо другъ отъ друга, вліять на цѣнность. между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, послѣдняя опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, а всѣ другія причины, обусловливающія собою ея величину, входятъ въ условія или спроса, или предложенія.

При совершеніи мѣновыхъ сдѣлокъ, установляются отношенія не только между двумя группами спрашивающихъ или предлагающихъ извѣстный товаръ, но и въ каждой отдѣльной группѣ. Спрашивающіе извѣстный товаръ берутъ верхъ, если они легко могутъ обойтись безъ него, или если предложеніе его велико. Предлагающіе получаютъ перевѣсъ, при сильномъ требованіи и ограниченномъ предложеніи, относящихся къ какому-либо произведенію. Между спрашивающими то лицо беретъ верхъ, которое цѣнитъ выше покупаемыя имъ произведенія, потому что ощущаетъ въ нихъ сильнѣйшую потребность и располагаетъ наибольшими средствами; между предлагающими то, которое цѣнитъ ниже свой товаръ, или потому что производитъ его съ наименьшими издержками, или потому что наиболѣе нуждается въ его сбытѣ.

Такимъ образомъ сила спроса зависитъ, *во-первыхъ*, отъ болѣе или менѣе настоятельной потребности въ средствахъ для производства, или для удовлетворенія потребностямъ. При недостаточномъ предложеніи, спросъ на предметы необходимости обнаруживается съ бо́льшею силою, чѣмъ на предметы, относящіеся къ удобствамъ жизни и роскоши. Конечно, понятія о предметахъ необходимости, объ удобствахъ жизни и роскоши—понятія относительныя, которыя измѣняются подъ вліяніемъ народныхъ обычаевъ, привычекъ и пр. Тѣмъ не менѣе, при дороговизнѣ предметовъ роскоши, потребитель скорѣе сократитъ свое потребленіе и уменьшитъ спросъ, чѣмъ при возвышеніи цѣнности предметовъ, необходимыхъ въ жизни. Особымъ постоянствомъ отличается спросъ на хлѣбъ, между тѣмъ какъ предложеніе его претерпѣваетъ значительныя измѣненія; поэтому цѣнность хлѣба подвержена бо́льшимъ колебаніямъ, нежели цѣнность тканей, сахара и пр. На высшихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія, когда естественное хозяйство замѣняется денежнымъ и дефицитъ жатвы распредѣляется на болѣе обширный рынокъ, колебанія цѣнности хлѣба уменьшаются. Естественно также, что одинаковый неурожай дѣйствуетъ различно на цѣнность хлѣба, смотря потому продовольствуется-ли данная мѣстность своимъ или привознымъ хлѣбомъ, смотря потому, предшествовали-ли урожайные или неурожайные годы.

Не одна настоящая потребность, но и вѣроятность будущей потребности или будущаго предложенія вліяютъ на спросъ, а слѣдовательно на цѣнность произведеній или услугъ Такимъ образомъ спросъ поставляется въ зависимость отъ спекуляціи Разсчетъ на будущее можетъ быть болѣе или менѣе правиленъ, но въ данную минуту онъ имѣетъ сильное вліяніе на цѣнность.

Во-вторыхъ, для того, чтобы потребность дѣйствительная или предполагаемая имѣла вліяніе на цѣнность, необходимо, чтобы спрашивающіе располагали достаточными средствами. Во время ирландскаго голода, въ 1821 г., возвысились цѣны лишь на тѣ сорты хлѣба, которые составляли предметъ народнаго потребленія; цѣна на пшеницу почти неизмѣнилась. Чѣмъ богаче народъ, тѣмъ выше можетъ быть цѣнность предметовъ, на которые существуетъ сильный спросъ; но чѣмъ выше цѣнность, тѣмъ ограниченнѣе становится потребленіе предметовъ роскоши, что въ свою очередь противодѣйствуетъ возрастанію ихъ цѣнности.

Предложеніе зависитъ *во первыхъ* отъ условій производства въ настоящемъ. Чѣмъ менѣе издержки производства, сравнительно съ цѣнностію, тѣмъ скорѣе предлагающій товаръ можетъ рѣшиться на уступку въ цѣнѣ. Среднія издержки производства, слагающіяся изъ подати, платы за трудъ, процентовъ за капиталъ и ренты, составляютъ по Смиту средоточіе, къ которому тяготѣютъ рыночныя цѣны. Средняя величина издержекъ носитъ у экономистовъ различныя названія: у Рикардо—prix naturel, у Сэя—prix naturel или originaire, у Сисмонди и Шторха—prix nécéssaire, у Лоца—Kostenpreis, angemessener Preis. Въ дѣйствительности же издержки производства или естественныя цѣны не установляютъ твердой границы. Издержки производства въ различныхъ предпріятіяхъ одного рода не одинаковы: наименьшія издержки опредѣляютъ крайній предѣлъ пониженія цѣнности, которая бываетъ обыкновенно выше среднихъ издержекъ производства, потому что предприниматели, производящіе съ наибольшими издержками, могутъ продолжать производство лишь тогда, когда цѣны оплачиваютъ сдѣланные расходы.

Во-вторыхъ предложеніе зависитъ отъ вѣроятности производства и спроса въ будущемъ. Подобно тому какъ спекуляція дѣйствуетъ на спросъ, также точно она дѣйствуетъ и на предложеніе. Предлагающій бываетъ болѣе или менѣе уступчивъ, въ видахъ будущаго предложенія

или спроса, будущаго производства или инаго болѣе или менѣе выгоднаго помѣщенія выручаемаго при продажѣ капитала.

Само собою разумѣется, что издержки производства вліяютъ на цѣнность только въ томъ случаѣ, если съ уменьшеніемъ ихъ можетъ увеличиться производство. При данномъ спросѣ, возрастаніе или сокращеніе издержекъ производства почти не имѣетъ никакого вліянія на цѣнность, если предложеніе не потерпитъ никакого измѣненія. Цѣнность произведеній упадетъ только тогда, когда уменьшеніе издержекъ будетъ сопровождаться увеличеніемъ предложенія, и самое увеличеніе предложенія вліяетъ на цѣнность товара различно, смотря потому какого рода предлагается товаръ; можетъ-ли потребленіе его значительно разшириться, или нѣтъ. На оборотъ, возрастаніе издержекъ производства и уменьшеніе предложенія влекутъ за собою возвышеніе цѣнности лишь для предметовъ, на которые спросъ не можетъ легко уменьшиться.

Соперничество, установляя въ мѣнѣ цѣнность произведеній,

1) способствуетъ справедливому вознагражденію мѣняющихся сторонъ;

2) распредѣляетъ производительныя силы, сообразно съ существующимъ спросомъ на производимые ими предметы;

3) дѣлаетъ участіе природы въ производствѣ даровымъ.

Эти результаты достигаются только тогда, когда хозяйственная дѣятельность обнаруживается свободно.

Если цѣна промѣниваемаго не вознаграждаетъ владѣльца, то онъ обратитъ трудъ, капиталъ, или находящіяся въ его распоряженіи силы природы на другіе промыслы; производство и предложеніе произведеній, неоплачивающихъ издержекъ производства, уменьшится, а цѣнность ихъ возвысится; между тѣмъ какъ производство и предложеніе другихъ произведеній, имѣющихъ несоразмѣрно высокую цѣнность, увеличится, а цѣнность ихъ упадетъ. Такимъ образомъ справедливое вознагражденіе производителей достигается подъ условіемъ свободы соперничества, когда каждый производитель можетъ оставить производство менѣе выгодное и явиться соперникомъ того, кто получаетъ несоразмѣрно высокую плату. Уравненіе вознагражденія достигается и другимъ способомъ—сбереженіемъ въ трудѣ, въ капиталѣ и въ силахъ природы, употребляемыхъ въ производствѣ, или другими словами—усиленіемъ производительности.

Отсюда слѣдуетъ, что соперничество есть главный распредѣлитель результатовъ производства и распредѣлитель болѣе разумный, чѣмъ администрація. Въ цѣнности произведеній выражаются потребности населенія и величина тѣхъ жертвъ, на которыя готово послѣднее, для удовлетворенія своимъ потребностямъ. Чѣмъ сильнѣе потребность, чѣмъ значительнѣе жертвы, которыя дѣлаются для ея удовлетворенія, другими словами: чѣмъ выше цѣнность извѣстныхъ произведеній, тѣмъ болѣе силъ обращается къ прибыльному производству. Такимъ образомъ, распредѣленіе производительныхъ силъ между различными отраслями промышленности происходитъ подъ вліяніемъ соперничества, которое направляетъ хозяйственную дѣятельность туда, гдѣ ощущается въ ней наибольшая потребность, гдѣ она лучше оплачивается, а слѣдовательно соперничество способствуетъ не только спеціализаціи занятій, но и наиболѣе раціональному раздѣленію труда.

Наконецъ соперничество побуждаетъ къ употребленію даровыхъ силъ природы въ производствѣ и дѣлаетъ ихъ достояніемъ человѣчества. При данномъ итогѣ производительныхъ силъ, всякое увеличеніе производства достигается или улучшеніемъ качества труда, или употребленіемъ въ дѣло менѣе значительнаго капитала, или болѣе цѣлесообразнымъ пользованіемъ силами природы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ усиленіе производительности составляетъ результатъ уменьшенія количества цѣнной работы человѣка при усиленіи дѣятельности природы. На первыхъ порахъ выигрываетъ отъ этого производитель; но, по мѣрѣ того какъ увеличивается предложеніе, цѣнность падаетъ, и та прибыль, которую извлекалъ производитель, заставляя работать природу, обращается въ общее достояніе человѣчества. Выгоды, достигаемыя производителемъ, при употребленіи въ дѣло даровой дѣятельности природы—обыкновенный результатъ открытій и усовершенствованій,—побуждаютъ производителей къ дальнѣйшей изобрѣтательности, обѣщая имъ временную премію за то, что̀ сдѣлается впослѣдствіи достояніемъ всѣхъ и каждаго.

Въ предъидущемъ не приняты въ разсчетъ обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ подчиненіе предложенія волѣ и предусмотрительности человѣка и свободное передвиженіе производительныхъ силъ.

Ограниченіе соперничества заключается:

во 1-хъ) въ свойствѣ природы, труда и капитала;

во 2-хъ) въ общественныхъ установленіяхъ, составляющихъ результатъ историческаго развитія.

Природа, какъ производительный дѣятель, только въ извѣстной степени подчиняется человѣческой волѣ. Въ земледѣліи—урожай хлѣба, плодовъ, растеній и пр. зависитъ отъ погоды, и при хорошемъ урожаѣ предложеніе бываетъ такъ велико, что цѣнность произведеній не вознаграждаетъ издержекъ производства [1]). Правда, при интенсивномъ хозяйствѣ, предложеніе сельскихъ произведеній подвержено меньшимъ колебаніямъ, вслѣдствіе разнообразія насажденій, осушенія, орошенія полей и т. д; но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы дѣятельность природы вполнѣ подчинялась человѣку. Вліяніе природы на предложеніе и на цѣны обнаруживается и въ другихъ отношеніяхъ. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ производства, предложеніе хлѣба зависитъ отъ воздѣлываемаго пространства, которое не можетъ внезапно возрасти. Конечно, съ данной поверхности можно получить большее количество произведеній, но увеличеніе производства, при той или другой системѣ полеводства, имѣетъ опредѣленную границу. Притомъ природа позволяетъ увеличить предложеніе не вдругъ, но постепенно: кофейныя плантаціи даютъ значительный продуктъ только по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ; размноженіе домашнихъ животныхъ требуетъ времени. За тѣмъ есть мѣстности, способныя давать произведенія извѣстнаго качества и въ ограниченномъ количествѣ, напр. виноградники, которые позволяютъ вырабатывать рейнскія, бордосскія и др. вина; Цейлонъ имѣетъ монополію корицы, Китай — ароматическаго чая. Источники минеральныхъ водъ находятся лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ. Наука и искусство могутъ отчасти устранить эти монополіи, но наука и искусство имѣютъ также свои предѣлы. Наконецъ паденіе воды, упругость газовъ, и пр. поставляютъ въ распоряженіе человѣка только извѣстный итогъ естественныхъ силъ.

Равнымъ образомъ и трудъ, подъ вліяніемъ выгодныхъ или невыгодныхъ цѣнъ, скорѣе направляется, чѣмъ перемѣщается въ новыя отрасли. Чѣмъ ниже образованіе народа, и чѣмъ спеціальнѣе занятія рабочихъ, тѣмъ труднѣе переходъ труда въ другіе промыслы. Особенно труденъ этотъ переходъ отъ простой механической работы къ работѣ сложной, требующей практической опытности. Саксонскіе и норвежскіе

---

[1]) Такъ, во Франціи,

въ 1817	г.	48	мил.	гектол.	пшеницы	стоили	2046	мил. фр.
— 1818	—	53	—	—	—	—	1442	— —
— 1819	—	64	—	—	—	—	1170	— —

рудокопы, при истощеніи серебряныхъ рудъ, терпѣли крайнюю нужду, но не обращались къ другимъ занятіямъ. Фабричный работникъ не легко можетъ сдѣлаться хорошимъ земледѣльцемъ. Благосостояніе рабочаго класса въ Швейцаріи объясняется образованіемъ и способностію народа переходить отъ одного производства къ другому.

Въ свойствѣ капитала заключается также препятствіе къ перемѣщенію этой производительной силы, а слѣдовательно и къ свободному обнаруженію соперничества. Капиталъ, затраченный въ одной отрасли промышленности, не легко можетъ перемѣститься въ другія—машины и аппараты, годные для одного производства, не могутъ быть употреблены въ другомъ; постройки, предназначенныя для фабрики или завода, требуютъ передѣлокъ, когда получаютъ другое назначеніе; наконецъ и перемѣщеніе оборотнаго капитала, при извѣстныхъ сложившихся отношеніяхъ, не такъ легко, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Поэтому производитель бываетъ вынужденъ продолжать производство, при относительно менѣе выгодныхъ цѣнахъ.

Независимо отъ свойства производительныхъ силъ, законы юридическіе полагаютъ иногда неодолимыя преграды для свободнаго соперничества.

Ограниченія, касающіяся поземельной собственности, порядка ея пріобрѣтенія, отчужденія, наслѣдства и пр. препятствуютъ свободному пользованію землею. Законы о сословіяхъ и о народномъ образованіи дѣлаютъ нѣкоторыя занятія привилегіею извѣстныхъ лицъ. Постановленія о кредитѣ и о банкахъ ограничиваютъ право пользованія капиталомъ. Привилегированныя корпораціи, цехи, монополіи, таможенныя покровительственныя системы, даютъ направленіе труду, капиталу и силамъ природы, не всегда сообразное съ выгодами всѣхъ и каждаго. Наконецъ, опредѣленіе закономъ нормальныхъ цѣнъ (таксы), запрещеніе скупа и торговли въ извѣстныхъ мѣстахъ и пр. производятъ уклоненія цѣнности отъ величины, которая могла-бы установиться при свободномъ соперничествѣ.

Не должно забывать впрочемъ, что законы, ограничивающіе свободу соперничества, полагаютъ также предѣлъ для злоупотребленія свободою. Условія, подъ вліяніемъ коихъ зиждется и развивается хозяйственный порядокъ, носящій отпечатокъ природнаго генія народа, его исторической судьбы и степени образованія, представляютъ не одно стѣсненіе соперничества сковывающими его узами, но также

уравновѣшеніе силъ соперничествующихъ другъ съ другомъ производителей. Это уравновѣшеніе, въ видахъ огражденія слабаго отъ господства надъ нимъ сильнаго, достигается отчасти при содѣйствіи положительнаго законодательства и общественной власти, отчасти посредствомъ ассоціаціи, иногда помимо всякаго правительственнаго вліянія.

Изъ предъидущаго явствуетъ, что въ теоріи цѣнности только намѣчены вопросы, для разрѣшенія коихъ предстоитъ еще собрать, привести въ порядокъ и переработать матеріалы. При изученіи законовъ, которымъ подчиняется цѣнность, необходимо во-первыхъ уяснить условія спроса: число покупщиковъ, ихъ средства и степень настоятельности ощущаемой ими потребности; во-вторыхъ, условія предложенія—размѣры производства, степень его дешевизны, возможность удешевленія, препятствія къ увеличенію или уменьшенію производства, происходящія отъ естественныхъ и общественныхъ причинъ, обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ большая или меньшая интенсивность предложенія. Независимо отъ предъидущаго, надо изучить съ одной стороны, въ какой мѣрѣ усиленіе спроса на одни предметы ослабляетъ спросъ на другіе, а съ другой—въ какой степени усиленіе предложенія даннаго товара дѣйствуетъ на предложеніе другихъ. Наконецъ, такъ какъ въ спросѣ и въ предложеніи играютъ большую роль виды на будущее (спекуляція), то отношенія усложняются еще болѣе и предстоитъ изслѣдовать условія, при коихъ спекуляція возникаетъ, растетъ и падаетъ;—условія эти заключаются и въ экономическомъ положеніи общества, напр. въ большемъ или меньшемъ сосредоточеніи подвижныхъ свободныхъ капиталовъ, въ накопленіи капиталовъ извѣстнаго рода, въ превращеніи свободныхъ средствъ въ затраченныя и пр.

Очевидно, что всѣ исчисленныя явленія должны быть изучены въ историческомъ ихъ развитіи, и что наблюденія, сдѣланныя въ данную пору, въ извѣстномъ случаѣ, могутъ дать выводы, примѣнимые только къ этому времени, или къ этому случаю. Изложенныя соображенія показываютъ, что теорія цѣнности не можетъ быть построена дедуктивнымъ путемъ; причины, подъ вліяніемъ которыхъ установляется цѣнность, слишкомъ сложны, и попытка логическаго соединенія разнообразныхъ условій, какъ показали изслѣдованія Мальтуса, затрудняютъ только пониманіе главныхъ задачъ, поставляемыхъ a priori.

Если изученіе цѣнности сводится къ изслѣдованію спроса и пред-

ложенія, ихъ составныхъ стихій и условій, при которыхъ эти стихіи входятъ въ разнообразныя между собою сочетанія, то слѣдуетъ-ли отсюда, чтобы признаніе такъ-называемаго закона соперничества заключало въ себѣ признаніе всѣхъ несправедливостей, несовершенствъ и недостатковъ современнаго хозяйственнаго порядка, признаніе господства сильнаго надъ слабымъ, денежнаго могущества надъ нищетою труда?

Если соціалисты придаютъ подобное значеніе закону соперничества, то это потому, что они упускаютъ изъ виду общественныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ слагается соперничество, что они видятъ въ спросѣ и предложеніи только рыночную сдѣлку, а не результатъ дѣятельности разнообразныхъ стихій, входящихъ въ спросъ и въ предложеніе, не принимаютъ въ разсчетъ ни вліянія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и образовавшихся между ними союзовъ, ни степени господства человѣка надъ природою, при успѣхахъ цивилизаціи, ни сознательнаго обнаруженія общественной дѣятельности, въ стремленіи всѣхъ и каждаго къ достиженію высшаго уровня благосостоянія.

Условія спроса и предложенія суть условія соціальныя. Опредѣленіе ихъ въ практикѣ и теоріи требуетъ большой наблюдательности, проницательнаго ума, знанія и даже таланта. Цѣны– для рынка то же, что температура, указываемая термометромъ, и на сколько легко узнать цѣны или число градусовъ тепла или холода, на столько трудно опредѣлить съ точностію причины того и другаго явленія—въ настоящемъ случаѣ—уразумѣть какія потребности могутъ заявить себя въ спросѣ и опредѣлить что̀ можетъ повліять на размѣръ предложенія. Еще труднѣе задача, предстоящая обществу и общественной власти. На нихъ лежитъ обязанность, не нарушая историческаго развитія и свободы, способствовать такому измѣненію условій спроса и предложенія, которое дѣлало-бы удовлетвореніе потребностей доступнымъ и сообразнымъ съ интересами всѣхъ и каждаго.

Глава 7-я. О доходахъ.

Плата, какъ за предметы, служащіе для удовлетворенія потребностямъ, такъ и за пользованіе производительными силами, установляется соперничествомъ, заключеннымъ въ извѣстные предѣлы условіями естественными и общественными.

Плата за пользованіе производительными силами называется доходомъ, и раздѣляется на три главныя отрасли: *заработную плату*—доходъ работника, *прибыль*—доходъ капиталиста, и *ренту*—доходъ, доставляемый присвоенными матеріалами и силами природы. Нѣкоторые экономисты отличаютъ еще прибыль промышленнаго предпринимателя, составляющую въ сущности соединеніе заработей платы съ прибылью. Эти дѣленія доходовъ на три или на четыре отрасли удовлетворяютъ требованіямъ практики; но заработая плата вмѣщаетъ въ себѣ вознагражденіе и за капиталъ, издержанный на подготовленіе работника, и за рѣдкія качества труда (ренту). Равнымъ образомъ прибыль капиталиста и промышленнаго предпринимателя заключаетъ въ себѣ плату за трудъ, необходимый для извлеченія прибыли, а иногда и за исключительное обладаніе капиталомъ, доступнымъ для немногихъ. Наконецъ рента, въ томъ смыслѣ какъ ее обыкновенно понимаютъ, содержитъ въ себѣ плату и за капиталъ, заключающійся въ землѣ, и за трудъ, необходимый для пользованія этимъ капиталомъ, а равно матеріалами и силами природы.

Такимъ образомъ, три отрасли доходовъ, которыя долгое время разсматривались какъ простые элементы, *въ совершенно чистомъ видѣ не существуютъ*. Но, кромѣ этого, разныя отрасли доходовъ смѣшиваются между собою и потому, что производительныя силы соединяются нерѣдко въ рукахъ одного лица; напр. доходъ земледѣльца-собственника слагается изъ заработей платы, прибыли и ренты, доходъ фермера-земледѣльца—изъ заработей платы и прибыли и т. п. Доходы частныхъ лицъ образуютъ народный доходъ; изъ частныхъ доходовъ выдѣляется доля для удовлетворенія потребностямъ общинъ, областей и цѣлаго государства (финансовый доходъ).

Всякій доходъ дѣлится на смѣшанный или валовой и чистый; послѣдній получается по вычетѣ изъ перваго издержекъ производства. Несмотря на кажущуюся простоту этихъ понятій, вычисленіе какъ валоваго, такъ и чистаго дохода отдѣльныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе всего народнаго дохода, представляетъ большія трудности. Въ составъ валоваго дохода очень часто не включается то, что̀ пріобрѣтаетъ и расходуетъ частное лицо въ тѣсномъ кругу своего домашняго обихода; поэтому, чѣмъ патріархальнѣе хозяйственный порядокъ, тѣмъ болѣе удаляется отъ истины цифра исчисленнаго дохода. Гораздо легче опредѣлить валовый и чистый доходъ какого-либо предпріятія; еще легче, но едвали

правильно, отнести нѣкоторыя отрасли доходовъ, напр. ренту и прибыль къ чистому доходу, а заработную плату къ валовому, какъ это дѣлали многіе экономисты. Извлеченіе ренты и прибыли требуетъ своего рода умѣнья и труда, а заработная плата только тогда не заключаетъ въ себѣ чистаго дохода, когда она потребляется безъ остатка, не способствуя увеличенію количества или улучшенію качества труда. Сбереженія рабочаго класса составляютъ, безъ сомнѣнія, чистый доходъ, если только они сдѣланы не въ ущербъ умственному и нравственному развитію рабочихъ. Исчисленіе валоваго и чистаго народнаго дохода производится двумя способами—или по *предметамъ*, или по *лицамъ*. Въ первомъ случаѣ вычисляются доходы валовой и чистый, получаемые въ различныхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности; во второмъ—доходы, извлекаемые различными участниками въ производствѣ. Въ первомъ случаѣ необходимо исчислить доходы валовой и чистый земледѣлія, ремеслъ, мануфактуръ, заводовъ, торговли; во второмъ—собственниковъ, предпринимателей, капиталистовъ и рабочихъ;—въ обоихъ, при опредѣленіи народнаго дохода, слѣдуетъ тщательно остерегаться, чтобы одна и таже цифра не была повторена два и болѣе разъ. Такъ напр., если валовой доходъ земледѣлія оцѣнивается въ милліардъ, и если часть сельскихъ произведеній, стоющая 200 милліоновъ, по переработкѣ на фабрикахъ, даетъ на милліардъ обработанныхъ издѣлій, то валовой доходъ въ двухъ названныхъ отрасляхъ хозяйства составитъ 1800 милліоновъ, а не два милліарда.

Оба способа восполняютъ другъ друга, и для правильныхъ выводовъ также необходимы, какъ исчисленіе фактическаго и приписнаго населенія. Одинъ даетъ понятіе о выгодахъ тѣхъ или другихъ отраслей хозяйства, другой—о выгодахъ, извлекаемыхъ участниками изъ хозяйственной дѣятельности.

Слѣдуя принятому порядку, въ дальнѣйшемъ изложеніи предстоитъ разсмотрѣть три составныя части доходовъ—заработную плату, прибыль и ренту.

I. О заработной платѣ.

Заработная плата, выдѣляемая изъ общаго итога произведеній для вознагражденія труда, въ большей части случаевъ, установляется въ мѣнѣ, на основаніи закона соперничества; при чемъ работа разсматри-

вается какъ товаръ, а заработная плата какъ уплаченная за него цѣна, величина которой опредѣляется спросомъ на трудъ и предложеніемъ труда.

Ученія экономистовъ о заработной платѣ распадаются на два главныя направленія. Къ первому относятся: Смитъ, Рикардо, отчасти Мальтусъ, многочисленные ихъ послѣдователи и соціалисты. Всѣ писатели этого направленія видятъ въ развитіи народнаго богатства и въ соперничествѣ, по преимуществу условія пониженія заработной платы. Ко второму направленію можно причислить школу Кэри-Бастіа, которая на оборотъ находитъ въ соперничествѣ лишь условія, способствующія возвышенію заработной платы. Основное воззрѣніе перваго направленія съ наибольшею рѣзкостію проводится Рикардо, съ наименьшею—Мальтусомъ. При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы Смитъ, отчасти Рикардо, и въ особенности Мальтусъ, упускали *вовсе* изъ виду условія спроса и предложенія, благопріятныя труду, какъ это явствуетъ изъ послѣдующаго изложенія.

Главу о заработной платѣ Смитъ начинаетъ слѣдующимъ парадоксомъ: въ первобытномъ состояніи общества, говоритъ онъ, предшествующемъ присвоенію земли и накопленію капиталовъ, произведеніе труда всецѣло принадлежитъ работнику. Но, коль скоро земля дѣлается частною собственностію, и средства для существованія во время обработки даются земледѣльцу капиталистомъ, то заработная плата подвергается вычету и въ пользу собственника, и въ пользу капиталиста. Заработная плата опредѣляется по соглашенію между хозяиномъ и рабочимъ. Понятно кто долженъ имѣть перевѣсъ въ этомъ соглашеніи, и кто можетъ предписывать свои условія. Есть, однакоже, предѣлъ, ниже котораго не можетъ падать заработная плата—онъ опредѣляется необходимымъ для существованія рабочихъ и ихъ семействъ. Впрочемъ, обстоятельства, благопріятныя для работниковъ, поднимаютъ получаемую ими плату выше этого предѣла. Если спросъ на рабочія руки усиливается, вслѣдствіе увеличенія доходовъ и капиталовъ, то заработная плата возрастаетъ. Не богатство страны, но его приращеніе имѣетъ вліяніе на увеличеніе заработной платы. При неподвижномъ состояніи народнаго богатства, заработная плата можетъ быть низка, вслѣдствіе возрастанія населенія. Упадокъ народнаго богатства приводитъ рабочихъ въ состояніе нищеты Смитъ находитъ явные признаки, которые доказываютъ, что заработная плата въ Англіи выше крайняго

низшаго предѣла, именно: заработная плата измѣняется въ обратномъ отношеніи къ цѣнамъ на хлѣбъ, и выше въ городахъ, нежели въ деревняхъ.

Заработная плата представляетъ, по словамъ Смита, большое разнообразіе и соразмѣряется съ выгодами и невыгодами разныхъ промысловъ. Она различна, смотря по тому, пріятно-ли, или непріятно то, или другое занятіе; легко-ли оно, или трудно; дорого-ли, или дешево его изученіе; непрерывно ли оно, или нѣтъ; требуетъ-ли бо́льшаго, или меньшаго довѣрія; представляетъ-ли вѣроятность, или невѣроятность успѣха. Эти причины анализированы Смитомъ очень подробно, равно какъ и уклоненія заработной платы отъ установляемой ими соразмѣрности. Заработная плата уклоняется отъ этой соразмѣрности въ новыхъ отрасляхъ промышленности, въ эпохи внезапнаго спроса на рабочія руки, напр. во время жатвы и войны, наконецъ—въ занятіяхъ второстепенныхъ, вспомогательныхъ, въ нихъ плата бываетъ низка.

Соразмѣрность нарушается также полицейскими постановленіями, которыя стѣсняютъ свободу, искусственно ограничивая или усиливая соперничество—привилегіями и цеховымъ устройствомъ, даровымъ образованіемъ, приписокю къ общинамъ и запрещеніемъ перехода изъ однѣхъ общинъ въ другія, наконецъ установленіемъ таксъ.

Такимъ образомъ, ученіе Смита сводится къ объясненію величины заработной платы—общимъ состояніемъ народнаго богатства, которымъ обусловливается спросъ на трудъ вообще, особенными свойствами занятій и дѣйствующими законами, нарушающими свободу спроса и предложенія.

Рикардо, въ своихъ »Началахъ политической экономіи«, разсматриваетъ трудъ, какъ товаръ, количество котораго можетъ увеличиться или уменьшиться и который имѣетъ *естественную* и *рыночную* цѣну. Естественная цѣна труда есть та, которая доставляетъ рабочимъ вообще средства существованія и позволяетъ имъ сохранять ихъ прежнее число; она зависитъ отъ цѣнъ на предметы продовольствія, необходимые или полезные для работника и его семейства. Возвышеніе цѣны этихъ предметовъ поднимаетъ, пониженіе—роняетъ естественную цѣну труда.

Вслѣдствіе увеличенія богатства и населенія, естественныя цѣны всѣхъ произведеній, кромѣ суровья и труда, понижаются. Рыночная цѣна труда зависитъ отъ спроса на рабочія руки и предложенія ихъ,

и стремится къ тому, чтобы приблизиться къ цѣнѣ естественной; но она можетъ быть выше послѣдней, когда капиталы и спросъ на трудъ возрастаютъ быстрѣе, чѣмъ населеніе. Капиталъ можетъ увеличиваться одновременно и въ массѣ, и въ цѣнности; но онъ можетъ увеличиваться количественно, сохраняя ту же цѣнность, потому что на производство его не требуется бо́льшаго количества труда. Въ первомъ случаѣ естественная цѣна заработной платы возвысится, во второмъ—останется неподвижною, или понизится; въ первомъ случаѣ рыночная цѣна труда, хотя и будетъ выше естественной, но при дороговизнѣ предметовъ потребленія, улучшеніе въ положеніи рабочихъ будетъ незначительно; во второмъ—положеніе рабочихъ замѣтно улучшится, вслѣдствіе дешевизны произведеній, происходящей отъ пониженія ихъ естественной цѣны.

Естественная цѣна заработной платы неодинакова въ разныя эпохи и въ различныхъ странахъ, и зависитъ отъ нравовъ и привычекъ народа Заработная плата (полагая цѣнность денегъ постоянною) зависитъ: а) отъ спроса на трудъ и предложенія труда, и б) отъ цѣны товаровъ, на которые расходуется заработная плата. Въ странахъ, обладающихъ обиліемъ плодородной земли, но съ бѣднымъ населеніемъ, возрастаніе капиталовъ, при лучшемъ управленіи и при распространеніи образованія, скорѣе всего подниметъ заработную плату; но въ странахъ богатыхъ, гдѣ всѣ плодородныя земли уже воздѣланы, увеличеніе капиталовъ поведетъ только къ болѣе всеобщей нищетѣ. При естественномъ развитіи обществъ, заработная плата, на сколько она зависитъ отъ спроса и предложенія, склоняется къ пониженію, потому что число рабочихъ будетъ возрастать быстрѣе, чѣмъ существующій на нихъ спросъ; между тѣмъ и предметы продовольствія возрастутъ въ цѣнѣ, потому что потребуется болѣе труда для ихъ производства. Если такимъ образомъ заработная плата понизится, а цѣны средствъ продовольствія возрастутъ, то работники пострадаютъ вдвойнѣ—имъ вскорѣ нечѣмъ будетъ существовать. Даже, при возрастаніи народнаго богатства и при возвышеніи денежной заработной платы, положеніе рабочихъ ухудшится во всѣхъ отношеніяхъ, вмѣстѣ съ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, хотя бы цѣны обработанныхъ издѣлій понизились. Если же заработная плата и возрастетъ, то лишь потому, что приращеніе богатства и капиталовъ усилитъ спросъ на трудъ.

Требуя свободнаго соперничества для установленія заработной платы, Рикардо, въ тоже время, признаетъ справедливымъ законъ Мальтуса

о народонаселеніи, и полагаетъ, что довольство и благосостояніе бѣдныхъ могутъ быть обезпечены только умепьшеніемъ числа браковъ, или благоразуміемъ частныхъ лицъ, или законами.

Вѣрный своему методу введенія разнообразныхъ условій, при постановкѣ общихъ гипотезъ, Мальтусъ отличаетъ нарицательную заработную плату, т. е. выраженную деньгами, отъ дѣйствительной, т. е. отъ итога предметовъ потребленія, которые могутъ быть пріобрѣтены рабочими за денежную заработную плату, и замѣчаетъ, что количество денегъ, предметовъ необходимости и удобствъ жизни, достающихся работнику, подвержено большимъ колебаніямъ, зависящимъ отъ спроса на эти предметы и предложенія ихъ, сравнительно съ спросомъ на трудъ и предложеніемъ труда.

Каковъ бы ни былъ дѣйствительный спросъ на трудъ, заработная плата, выраженная деньгами, должна доставить рабочимъ предметы необходимости для того, чтобы поддержать прежнее число населенія и нѣсколько болѣе для того, чтобы послѣднее могло возрастать. Еще поразительнѣе вліяніе спроса и предложенія на заработную плату, выраженную хлѣбомъ. Между тѣмъ какъ заработная плата, выраженная деньгами, остается таже,—выраженная хлѣбомъ, не только измѣняется въ короткіе промежутки времени, но и въ болѣе продолжительные періоды. Если послѣднія воздѣланныя земли плодородны и хорошо обработаны, то онѣ даютъ громадный продуктъ, и доля, получаемая рабочими, будетъ зависѣть отъ отношенія между спросомъ съ одной стороны на хлѣбъ и на трудъ, а съ другой, предложеніемъ хлѣба, и труда. При сильномъ спросѣ на трудъ и обиліи хлѣба, заработная плата, выраженная хлѣбомъ, будетъ высока; что касается заработей платы, выраженной предметами полезными и относящимися къ удобствамъ жизни, то плата эта будетъ зависѣть частію отъ количества заработываемаго рабочими хлѣба, частію отъ цѣнности этого хлѣба, сравнительно съ другими произведеніями. Сама по себѣ, заработная плата, выраженная предметами полезными и относящимися къ удобствамъ жизни, болѣе постоянна; но количество сихъ произведеній, достигающихся работнику, будетъ зависѣть не только отъ производительности разныхъ видовъ труда, но также и отъ общаго положенія спроса и предложенія. Причины, которыми А. Смитъ объяснялъ различія заработей платы, по Мальтусу, сводятся къ причинамъ бо́льшаго и меньшаго предложенія труда. То, что Рикардо называетъ естественною заработею платою, по

Мальтусу, наименѣе заслуживаетъ этого названія. Естественною цѣною труда можно назвать ту, которая обезпечиваетъ, при среднемъ числѣ рабочихъ, удовлетвореніе дѣйствительному спросу. Рыночная цѣна труда, вслѣдствіе временныхъ причинъ, бываетъ иногда выше той, которая необходима для того, чтобы предложеніе труда соотвѣтствовало существующему на него спросу. Участь рабочихъ классовъ, очевидно, зависитъ отъ возрастанія средствъ страны и спроса на руки, отчасти отъ привычекъ народа. Средства страны болѣе измѣнчивы, чѣмъ народныя привычки,—хотя, съ возрастаніемъ средствъ, уровень потребленія долженъ возвыситься, а при неподвижномъ состояніи богатства—понизиться, пока не остановится возрастаніе населенія; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ физическихъ, быть можетъ и нравственныхъ, при высокой заработной платѣ, уровень потребленія, можетъ или подниматься, если населеніе не увеличивается, или не возвышаться, если населеніе быстро размножается. Послѣднему явленію наиболѣе способствуютъ деспотизмъ, угнетеніе и невѣжество, первому—свобода гражданская, свобода политическая и образованіе.

Переходя къ обозрѣнію причинъ, которыя усиливаютъ спросъ на трудъ и способствуютъ увеличенію населенія, Мальтусъ замѣчаетъ, что если пониженіе цѣнности земледѣльческихъ произведеній значительно и не сопровождается возрастаніемъ ихъ количества, то множество поденщиковъ останутся безъ работы, и послѣ эпохи большихъ страданій заработная плата упадетъ. Если пониженіе цѣнъ будетъ постепеннымъ и количество земледѣльческихъ произведеній увеличится, то денежной заработной платѣ не предстоитъ неизбѣжнаго паденія.

Когда населеніе возрастаетъ быстрѣе обыкновеннаго, и рабочіе классы нуждаются въ бо́льшемъ количествѣ средствъ существованія, тогда эти средства пріобрѣтаются или болѣе значительною заработною платою, или экономіею на предметы необходимости, или потребленіемъ болѣе дешевой пищи (картофель въ Ирландіи), или привлеченіемъ къ работѣ женщинъ и дѣтей, или урочною работою, или благотворительностію приходовъ.

Значительное возрастаніе населенія требуетъ значительнаго и постояннаго спроса на рабочія руки, а этотъ спросъ соразмѣряется съ возрастаніемъ и количества, и цѣнности средствъ, предназначенныхъ для поддержанія труда, но не съ величиною капитала оборотнаго вообще. Что касается капиталовъ постоянныхъ, то возрастаніе ихъ не

уменьшаетъ спроса на трудъ, какъ это обыкновенно полагаютъ, исключая случаи чрезмѣрно быстраго образованія этихъ капиталовъ и переполненія рынка произведеніями. Если возрастетъ цѣнность, но не количество произведеній, оплачивающихъ трудъ, то заработная плата поднимется; если увеличится не цѣнность, а количество, такихъ произведеній, то спросъ на трудъ уменьшится. Очевидно, что желательно возрастаніе и цѣнности, и количества произведеній.

Въ заключеніе Мальтусъ представляетъ обозрѣніе величины заработной платы, выраженной хлѣбомъ, начиная съ царствованія короля Эдуарда III, и дѣлаетъ выводы изъ собранныхъ статистическихъ данныхъ, съ XIV до начала XIX столѣтія.

Изложенныя ученія о заработной платѣ почти исчерпываютъ собою всѣ существенныя положенія перваго направленія. Позднѣйшія писатели, которые могутъ быть причислены къ Смитовой школѣ—Рау, Рошеръ, Милль и др., съ большею или меньшею опредѣлительностію, также проводятъ мысль, что соперничество легко низводитъ заработную плату до крайняго предѣла—до количества средствъ, безусловно необходимыхъ для существованія рабочихъ (minimum des subsistances, salaire nécéssaire), въ силу законовъ населенія и возрастанія ренты; но главною ихъ задачею оказывается соглашеніе Смита съ Рикардо и Мальтусомъ.

Позднѣйшіе послѣдователи Смита усвоиваютъ себѣ его мысли, какъ о зависимости заработной платы отъ положенія народнаго богатства, такъ и о причинахъ различія заработной платы въ разныхъ отрасляхъ занятій, связываютъ все это съ теоріею ренты Рикардо, примѣняютъ законъ о народонаселеніи Мальтуса и въ особенности развиваютъ его воззрѣніе на уровень потребленія рабочихъ, какъ на предѣлъ паденія заработной платы. Такъ, Рошеръ и Милль полагаютъ, что этотъ предѣлъ опредѣляется сословными и обычными потребностями того класса, къ которому принадлежитъ работникъ, что предложеніе труда находится въ рукахъ самаго рабочаго сословія, которое можетъ или возвысить уровень своего потребленія (standart of life), воздерживаясь отъ преждевременныхъ браковъ, или же предпочесть размноженіе увеличенію своего благосостоянія. Первый путь, говоритъ Рошеръ, былъ избранъ, въ промежутокъ времени между 1720 и 1821 г., населеніемъ Великобританіи, которое въ теченіи этого періода только удвоилось; второй избранъ былъ населеніемъ Ирландіи,

которое въ продолженіи 90 лѣтъ, съ 1731 по 1821 г., возросло отъ 2-хъ до 7 милліоновъ. Не удивительно, что при этомъ средняя поденная заработная плата составляла въ Великобританіи отъ 20 до 24 пенсовъ, а въ Ирландіи около 5 пенсовъ [1]). Милль возлагаетъ большую часть своихъ надеждъ, относительно возвышенія заработной платы, на распространеніе правильныхъ понятій о законѣ населенія, на колонизацію, раздачу общинныхъ земель и на водвореніе мелкой поземельной собственности. Во всемъ же прочемъ Рошеръ и Милль повторяютъ, по большей части, Рикардо и Смита.

Соціализмъ представляетъ крайній выводъ изъ ученій Смита и Рикардо. Соціалисты охотно принимаютъ, вмѣстѣ съ Смитомъ, что заработная плата терпитъ двоякій вычетъ въ пользу и капиталиста, и поземельнаго владѣльца, что трудъ составляетъ единственную производительную силу, за тѣмъ допускаютъ теорію ренты Рикардо и ея вліяніе на заработную плату, а наконецъ полагаютъ, что прибыль растетъ подобно рентѣ, вслѣдствіе перевѣса, которымъ пользуется капиталистъ въ соперничествѣ съ работниками.

Теорія крайняго паденія заработной платы основана на предположеніяхъ, которыя вводятъ большое число условій, способствующихъ сосредоточенію капиталовъ и недвижимой собственности въ рукахъ немногочисленнаго имущаго класса, или точнѣе—на предположеніяхъ, которыя опускаютъ условія, способствующія накопленію капиталовъ и собственности въ рукахъ менѣе достаточныхъ классовъ. Видя въ юридическихъ нормахъ, главнымъ образомъ, стѣсненія и ограниченія свободы, а не огражденіе интересовъ всѣхъ и каждаго; отрицая пользу законовъ, облегчающихъ всѣмъ членамъ общества достиженіе высшаго уровня благосостоянія,—экономисты Смитовой школы (за исключеніемъ весьма немногихъ, въ томъ числѣ Милля) ищутъ противодѣйствія нищетѣ рабочаго сословія въ побужденіяхъ, возможныхъ лишь при существованіи высокой заработной платы, а соціалисты—въ ассоціаціи. Послѣднее средство не можетъ быть, однакоже, единственнымъ, и дѣй-

[1]) Примѣръ, приведенный Рошеромъ, удостовѣряетъ фактъ—болѣе медленное возрастаніе населенія въ Великобританіи, чѣмъ въ Ирландіи; но этотъ фактъ не объясняется, конечно, однимъ воздержаніемъ отъ браковъ, вслѣдствіе желанія удержать болѣе высокій уровень благосостоянія. Этого не допускаетъ и самъ Мальтусъ, которымъ въ настоящемъ случаѣ пользовался Рошеръ.

ствительность его зависитъ отъ признанія правъ собственности, производительности капитала и свободныхъ формъ союзности, чего не допускало большинство соціалистовъ.

Въ противуположность первому направленію возникло ученіе о постепенномъ возрастаніи заработной платы. Основатели этой доктрины —Кэри и Бастіа утверждали, что вознагражденіе, получаемое трудомъ, должно въ теченіи времени увеличиваться, вмѣстѣ съ развитіемъ хозяйственныхъ отношеній, свободы промышленности и народнаго богатства. Кэри выводитъ законъ возрастанія заработной платы изъ улучшенія качества труда, вслѣдствіе накопленія капиталовъ. Пока трудъ располагаетъ несовершенными орудіями, составляющими при томъ удѣлъ немногихъ,—доля произведеній, достающихся работнику, ничтожна; но, по мѣрѣ возрастанія капиталовъ, замѣна простыхъ и грубыхъ орудій болѣе совершенными, трудъ пріобрѣтаетъ лучшее качество и становится болѣе производительнымъ. Прежніе капиталы производятся меньшимъ количествомъ труда, становятся дешевле и доступнѣе, а при этомъ заработная плата должна непрерывно возвышаться, т. е. составлять бо́льшую долю произведеній. Въ »Началахъ политической экономіи« Кэри подтверждаетъ это ученіе подобранными статистическими данными; въ »Началахъ соціальной науки« онъ вводитъ еще одно условіе возрастанія благосостоянія рабочихъ классовъ, именно—*развитіе общенія* между людьми, разумѣя подъ общеніемъ не то, что понимаютъ обыкновенно подъ ассоціаціею, а децентрализацію населенія, богатства, и тѣсную связь въ малыхъ центрахъ между земледѣліемъ и обрабатывающею промышленностію. Бастіа излагаетъ въ сущности тѣ же мысли, которыя были высказаны Кэри, въ »Началахъ политической экономіи«, но онъ приписываетъ возрастаніе заработной платы усиленію даровато содѣйствія природы и обращенію этого содѣйствія въ общее достояніе человѣчества при господствѣ полнаго, неограниченнаго соперничества. При этомъ, впрочемъ, Бастіа требуетъ, чтобы частные интересы были *законны*.

Это второе направленіе еще болѣе погрѣшаетъ противъ дѣйствительности, чѣмъ первое. Оно выводитъ законъ для заработной платы изъ немногихъ и при томъ въ высшей степени общихъ посылокъ, которыя не могутъ быть признаны единственными Доводы Кэри, которые сосоятъ въ фактахъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, доказываютъ лишь возможность такихъ случаевъ, и самъ авторъ, изображая во второмъ томѣ

своего сочиненія, то, что онъ называетъ пертурбаціонными явленіями, заявляетъ ими, что факты, подтверждающіе его воззрѣніе, не болѣе, какъ данныя, подходящія къ тому идеальному порядку вещей, къ которому относится его законъ. Еще очевиднѣе эта идеалистическая точка зрѣнія у Бастіа: требованіе, чтобы всѣ интересы были *законны*—légitimes, предполагаетъ совершеннѣйшее устройство человѣческаго общества Тѣмъ не менѣе заслуга этого направленія неоспорима. Тогда какъ первое выяснило, по преимуществу, отрицательныя стороны соперничества; второе указало и на положительныя. Оба выставили, однакоже, въ не совсѣмъ вѣрномъ свѣтѣ вліяніе общественныхъ причинъ на спросъ и предложеніе; оба направленія, не исключая соціалистовъ, видѣли въ существующихъ общественныхъ условіяхъ причину уклоненія заработной платы отъ надлежащей соразмѣрности, и за тѣмъ только соціалисты признавали благотворнымъ вліяніе *одной* общественной причины, именно—ассоціаціи, придавая ей впрочемъ очень часто слишкомъ тѣсный смыслъ—извѣстной формы общественнаго устройства. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о зависимости величины заработной платы отъ цѣнности тѣхъ или другихъ произведеній, которыя могутъ быть куплены этою платою (разрѣшеніе его относится собственно къ спеціальному изслѣдованію о цѣнахъ разныхъ произведеній), въ настоящемъ отдѣлѣ слѣдуетъ ограничиться анализомъ условій какъ спроса на трудъ, такъ и предложенія труда. Условія эти чрезвычайно разнообразны; къ главнѣйшимъ изъ нихъ относятся:

1) накопленіе, распредѣленіе и затраты капиталовъ;

2) свойства требуемой и предлагаемой работы;

3) общественныя причины—законы, обычаи, учрежденія, искусственно усиливающія или ослабляющія какъ спросъ на трудъ, такъ и предложеніе труда.

1) Быстрое накопленіе и возрастающія затраты капиталовъ составляютъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ усиленія спроса на трудъ. По господствующему мнѣнію, величина оборотнаго капитала, изъ котораго выплачивается заработная плата, имѣетъ сильное вліяніе на послѣднюю, и быстрое превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный уменьшаетъ заработную плату (Рошеръ). Но это положеніе слишкомъ обще, и невполнѣ справедливо. Во-первыхъ, для того, чтобы оборотный капиталъ

имѣлъ вліяніе на заработную плату, необходимо, чтобы существовали достаточно сильныя побужденія къ его затратѣ. Опасенія промышленныхъ и политическихъ потрясеній, удерживающія отъ употребленія въ дѣло капиталовъ, несмотря на громадное накопленіе богатствъ, безспорно сопровождаются пониженіемъ заработной платы. Далѣе, самыя затраты оборотнаго капитала только тогда способствуютъ прочному возвышенію заработней платы, когда онѣ имѣютъ въ виду производительныя цѣли и дѣйствительно достигаютъ ихъ. Поэтому, огромныя затраты для военныхъ цѣлей могутъ произвести лишь временное возвышеніе заработней платы, и паденіе послѣдней, послѣ заключенія мира, бываетъ тѣмъ сильнѣе и внезапнѣе, чѣмъ болѣе истощены матеріальныя средства страны, чѣмъ менѣе выгодъ достигнуто при заключеніи мира и чѣмъ значительнѣе сокращеніе производства, вызваннаго войною. Во-вторыхъ, превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный не всегда уменьшаетъ заработную плату: нерѣдко такая консолидація сопровождается *освобожденіемъ* оборотнаго капитала въ бо́льшихъ размѣрахъ, противу сдѣланныхъ затратъ. Это можетъ имѣть мѣсто послѣ устройства хорошей сѣти желѣзныхъ дорогъ, введенія усовершенствованныхъ машинъ и т. п. Хорошая сѣть желѣзныхъ дорогъ и правильное по нимъ движеніе позволяютъ напр. ограничивать закупку фабричныхъ матеріаловъ, необходимымъ для текущаго производства (вмѣсто годичныхъ запасовъ дѣлаются мѣсячные), дѣлаютъ множество произведеній въ мѣстахъ, не имѣющихъ сбыта, предметами оборотовъ, а слѣдовательно капиталами. Такимъ образомъ, наравнѣ съ консолидаціею оборотныхъ капиталовъ, совершается превращеніе затраченныхъ въ свободные и возникаютъ капиталы новые. Сходныя съ этимъ послѣдствія сопровождаютъ введеніе машинъ, которыя или уменьшаютъ потребленіе топлива, или извлекаютъ большее количество цѣннаго вещества изъ перерабатываемыхъ предметовъ.

Независимо отъ величины, огромное значеніе имѣетъ распредѣленіе накопляемыхъ капиталовъ. Чѣмъ равномѣрнѣе это распредѣленіе, тѣмъ болѣе спросъ на трудъ получаетъ постоянства и устойчивости, тѣмъ меньшимъ колебаніямъ подлежитъ предложеніе труда. При болѣе равномѣрномъ распредѣленіи капиталовъ, производство направляется, главнымъ образомъ, къ удовлетворенію потребностямъ большинства населенія, а не прихотямъ немногихъ; на оборотъ, при сосредоточеніи капиталовъ въ рукахъ небольшаго числа лицъ, производство пред-

метóвъ роскоши усиливается на счетъ предметовъ необходимости и удобствъ жизни и, при всякомъ случайномъ дефицитѣ въ производствѣ предметовъ необходимости, предложеніе сихъ послѣднихъ не только оказывается недостаточнымъ для удовлетворенія существующему спросу, но и самыя потребности народа, при недостаткѣ въ рукахъ его матеріальныхъ средствъ, не могутъ обнаружить вліянія на спросъ. Не менѣе важно болѣе равномѣрное распредѣленіе капиталóвъ для предупрежденія рѣзкихъ колебаній въ предложеніи труда. Экономисты, начиная съ А. Смита, нерѣдко задавались вопросомъ: какое вліяніе имѣетъ урожай и дороговизна хлѣба на заработную плату?—и нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр. Рау) приходили къ заключенію, что внезапная дороговизна роняетъ заработную плату, между тѣмъ какъ послѣдняя возрастаетъ при постепенномъ возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ. Положеніе это справедливо только для извѣстныхъ случаевъ Гдѣ земледѣльческое населеніе вообще бѣдно, или гдѣ въ составѣ его число батраковъ велико, равнымъ образомъ, гдѣ рабочее сословіе въ обрабатывающей промышленности состоитъ изъ бóльшаго числа бездомныхъ пролетаріевъ, тамъ внезапная дешéвизна хлѣба влечетъ за собою возвышеніе, а внезапная дороговизна быстрое пониженіе заработной платы. Первое наступаетъ съ наибóльшею вѣроятностію, если рабочіе получаютъ возможность сдѣлаться самостоятельными хозяевами; второе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе приливъ сельскаго населенія, ищущаго работы, въ городахъ. Вліяніе медленнаго возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ на заработную плату различно, смотря по причинамъ, отъ которыхъ это возвышеніе происходитъ. Если оно составляетъ слѣдствіе усиленія спроса, то можно ожидать возвышенія заработной платы; если оно приходитъ отъ повторяющихся неурожаевъ, то возвышеніе платы болѣе чѣмъ сомнительно. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, въ странѣ съ земледѣльческимъ населеніемъ, состоящимъ изъ небольшаго числа собственниковъ и значительнаго числа батраковъ, должно отозваться на потребленіи фабричныхъ произведеній и на пониженіи заработной платы въ городахъ. На оборотъ, гдѣ преобладаетъ въ земледѣліи сословіе крестьянъ-собственниковъ, пользующихся значительнымъ достаткомъ, и гдѣ въ обработывающей промышленности населеніе болѣе обезпечено, тамъ возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе неурожая, не вызываетъ неизбѣжно сильнаго паденія заработной платы. Дороговизна хлѣба не можетъ конечно не отозваться на уменьшеніи потребленія

вообще, а слѣдовательно должна повліять и на заработную плату; но это вліяніе можетъ быть очень слабо.

2) Свойство требуемой и предлагаемой работы. Количество и качество требуемой и предлагаемой работы, въ данномъ мѣстѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, имѣютъ весьма замѣтное вліяніе на заработную плату. Нѣкоторыя работы могутъ быть выполнены только въ данное время, и чѣмъ ограниченнѣе этотъ періодъ дѣятельности, тѣмъ настоятельнѣе бываетъ спросъ и тѣмъ труднѣе удовлетворить ему существующимъ предложеніемъ Этимъ объясняется различіе въ лѣтней и зимней заработей платѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, бо́льшая поденная заработая плата каменщика, щекатура, работающихъ только нѣсколько мѣсяцевъ въ году, и меньшая поденная плата, получаемая плотникомъ. Годовая выручка можетъ представить противуположные результаты — бо́льшую годовую плату плотника, чѣмъ щекатура. Еще рѣзче различія, происходящія отъ качества труда Занятія, не требующія предварительной подготовки, навыка, искусства, знанія, таланта, честности, точности,—оплачиваются хуже, потому что предложеніе безъискусственнаго труда обыкновенно значительнѣе; на оборотъ—занятія, доступныя лишь для людей, пріобрѣвшихъ снаровку предварительнымъ практическимъ или теоретическимъ обученіемъ, занятія, предполагающія свѣдѣнія, дарованіе, добросовѣстность, сосредоточенное вниманіе и точность (напр. труды медика, артиста, ученаго, литератора, аптекаря, адвоката) цѣнятся гораздо выше. Этому увеличенію платы противодѣйствуетъ соединенный съ тѣми или другими занятіями почетъ, составляющій своего рода вознагражденіе; ему способствуетъ—необходимость преодолѣть отвращеніе къ труду. Въ первомъ случаѣ усиливается, во второмъ—ослабѣваетъ предложеніе труда.

По господствующему мнѣнію, искусственный трудъ дорогъ, потому что требуетъ предварительныхъ издержекъ, затраты капитала на приготовленіе работника къ будущей дѣятельности; но, выражаясь словами Маклеода, трудъ высокаго качества цѣнится не потому, что на него много израсходовано, а потому что предложеніе его ограничено. Чѣмъ ниже уровень просвѣщенія, тѣмъ дороже трудъ высшаго качества; на оборотъ, чѣмъ совершеннѣе система народнаго образованія, чѣмъ болѣе средствъ представляетъ общественная среда для того, чтобы пополнить тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ школа, тѣмъ большую цѣну пріобрѣтаютъ природныя свойства труда, но тѣмъ значительнѣе становится и пред-

ложеніе труда высокаго качества. Это уменьшеніе вознагражденія труда понижаетъ только ренту, получаемую рабочими извѣстнаго разряда, но усиливаетъ производство богатства, облегчаетъ удовлетвореніе потребностей и сообщаетъ труду большую подвижность, т. е. облегчаетъ переходъ отъ однихъ занятій къ другимъ. Благосостояніе народа въ Швейцаріи, какъ замѣчено было выше, зависитъ отъ этой причины, т. е. отъ возможности обращаться къ работамъ, на которыя существуетъ болѣе сильный спросъ. Вѣроятность какъ успѣха, такъ и неудачи, или рискъ, соединенный съ выборомъ извѣстнаго поприща, имѣетъ также неоспоримое вліяніе на предложеніе труда, но, безъ сомнѣнія, оцѣнка шансовъ будущаго много зависитъ отъ характера народа.

3) Причины общественныя—обычаи, законы и учрежденія, поставляющія извѣстныя границы для соперничества, усиливаютъ или ослабляютъ иногда спросъ на трудъ, иногда предложеніе труда. Къ такимъ причинамъ относятся: а) обычай, который устраняетъ женщину отъ множества вполнѣ доступныхъ для нея работъ—отсюда низкая заработная плата, получаемая женщиною, вслѣдствіе огромнаго предложенія женскаго труда; б) соблюденіе праздничныхъ дней въ году—такъ, по замѣчанію Рошера, въ протестантскихъ земляхъ число рабочихъ дней въ году доходитъ до 300, въ католическихъ немного превышаетъ 200 дней; при чемъ поденная плата бываетъ выше, вслѣдствіе болѣе ограниченнаго предложенія труда, а годовая выручка менѣе, вслѣдствіе меньшей его производительности; в) причины юридическія—прикрѣпленіе рабочихъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ; сроки, назначенные для обученія ремеслу, и другія условія для пріобрѣтенія права на самостоятельное занятіе промысломъ; искусственныя средства для усиленія предложенія—льготы, привилегіи, стипендіи; попытки регулировать спросъ на трудъ и предложеніе труда ограниченіемъ числа рабочихъ часовъ, установленіемъ нормальной платы; предоставленіе неограниченной свободы труду; содѣйствіе развитію духа товарищества между рабочими и устройство учрежденій, способствующихъ большей самостоятельности рабочихъ классовъ.

Господство крѣпостнаго права и привилигированное цеховое устройство обезпечивали удовлетвореніе спросу на трудъ, въ данномъ мѣстѣ. Но не одни эти ограниченія, обращающія заработную плату въ добровольный платежъ нанимателя, ставили спросъ и предложеніе въ извѣстныя границы,—и другія юридическія постановленія, вызванныя

различными цѣлями, сопровождались одинаковыми послѣдствіями. Сюда относятся законы, изъ коихъ многіе и доселѣ не утратили своей силы,—напр. приписка къ мѣсту жительства и паспортная система. Прикрѣпленіе къ данному мѣсту имѣло въ виду или обязанность общины содержать только бѣдныхъ своего прихода (въ Англіи), или возможность слѣдить за лицомъ, на которое налагались извѣстныя подати и повинности (Россія), или наконецъ общественную безопасность, которая по мнѣнію, господствовавшему въ XVII и въ XVIII в., могла пострадать отъ бродяжничества населенія. Сверхъ сего, спросъ на трудъ и предложеніе труда регулировались постановленіями, которыя по фискальнымъ или по другимъ причинамъ, запрещали переходъ изъ городовъ въ села и изъ селъ въ города, поставляли не легко выполнимыя условія для пріобрѣтенія права на самостоятельное занятіе промышленностію—именно долгіе сроки ученія въ ремеслахъ, экзамены, представленіе образцовыхъ работъ, вкладъ въ цеховую казну и наконецъ вакантное мѣсто въ ряду мастеровъ. Сюда относится также запрещеніе ремесленникамъ одного цеха заниматься работами другаго. Самыя таксы для заработчей платы, а такихъ таксъ было не мало до XVIII вѣка, составляли положительное препятствіе для установленія цѣны труда свободнымъ соперничествомъ.

Свобода труда, слѣдовавшая за крайнею регламентаціею, привела вскорѣ къ сознанію необходимости охранять интересы рабочаго класса, —возникло новое законодательство, ограждающее жизнь и здоровье рабочихъ, законодательство, запрещающее употреблять въ извѣстныя работы дѣтей и женщинъ, ограничивающее число рабочихъ часовъ, и облегчающее возникновеніе учрежденій, которыя имѣютъ своею задачею упрочить экономическую самостоятельность рабочаго сословія. Независимо отъ этого, потребность въ извѣстныхъ видахъ труда побуждала и правительство, и общество, и частныхъ лицъ къ привлеченію въ нѣкоторыя занятія большаго числа рабочихъ силъ даровымъ образованіемъ, стипендіями, преміями и привилегіями. Смитъ приписываетъ стипендіямъ скудное вознагражденіе, получаемое приходскими священниками; у насъ стипендіи позволяли давать недостаточное жалованье медикамъ и учителямъ.

Наконецъ, образованіе товариществъ между рабочими обѣщаетъ обнаружить въ будущемъ не малое вліяніе на удержаніе заработчей платы

отъ крайняго паденія и способствовать болѣе соразмѣрному распредѣленію народнаго капитала и народнаго дохода.

Каковы бы ни были, однакоже, спросъ на трудъ и предложеніе труда, а также и тѣ причины, которыя сообщаютъ той или другой сторонѣ большій или меньшій перевѣсъ въ соперничествѣ, заработная плата рѣдко падаетъ до крайняго низшаго предѣла, опредѣляемаго средствами, необходимыми для поддержанія существованія рабочаго класса, и никогда не доходитъ до того предѣла, когда она поглощаетъ прибыль и ренту. Поглощеніе прибыли повлекло-бы за собою прекращеніе накопленія капиталовъ; поглощеніе ренты предполагаетъ достиженіе идеальной цивилизаціи, побѣду одержанную изобрѣтательностію человѣка надъ естественными монополіями. По общему правилу можно принять, что заработная плата достигаетъ maximum'а, когда она оказывается пропорціональною производительности труда.

Выше было замѣчено, что производительность труда зависитъ отъ количества, качества и напряженія труда; но для опредѣленія ея нѣтъ другаго мѣрила, кромѣ результатовъ производства. Число рабочаго населенія, количество труда, которое можетъ быть употреблено или въ дѣло, за исключеніемъ праздниковъ, дней болѣзни и часовъ отдыха въ теченіи дня; качество труда, зависящее отъ образованія народа, практической его подготовки и умѣнья пользоваться большимъ итогомъ даровыхъ матеріаловъ и силъ природы, наконецъ самое напряженіе труда—суть величины, для которыхъ трудно найти точныя единицы для измѣренія. Повидимому, количество однороднаго труда можетъ быть измѣрено временемъ; однакоже дознано, что увеличеніе числа рабочихъ часовъ, только въ извѣстной мѣрѣ способствуетъ производительности труда, и французскіе фабриканты, которые уменьшили суточную работу на полчаса, достигли этимъ увеличенія производства на $^1/_{24}$ долю! Тѣмъ болѣе количество рабочихъ силъ не даетъ и приблизительнаго понятія о производительности труда, при разныхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ большая или меньшая степень его напряженія. Работа поденная и урочная представляютъ въ этомъ отношеніи рѣзкую противуположность. Далѣе, трудъ лучшаго качества, при недостаткѣ правильнаго сочетанія рабочихъ силъ, при отсутствіи достаточнаго возбужденія къ дѣятельности, даетъ иногда не такіе результаты, на которые слѣдовало-бы разсчитывать; наконецъ, напряженіе труда, вызванное обстоятельствами особенно ему благопріятствующими, обра-

щается нерѣдко въ растрату силъ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ усилій, и сопровождается преждевременною неспособностью рабочаго къ труду.

Попытка, сдѣланная Кэри еще въ 1835 г., выразить числами вліяніе различныхъ причинъ на производительность труда, или вырыжаясь точнѣе на заработную плату (что не одно и тоже), по основной мысли, заслуживаетъ вниманія, но составляетъ конечно не статистическій выводъ (хотя Кэри приводитъ цифры), а гипотезу, выраженную числами.

	Соединенные штаты.	Велико-британія.	Нидер-ланды.	Фран-ція.	Китай.	Остъ-Индія.
Безопасность лица и имущества	100	100	45	50	20	10.
Личная свобода - - - - - -	100	70	65	40	0	0.
Свобода оборотовъ - - - - -	80	50	60	30	0	0.
Навыкъ къ промыслу - - -	90	80	100	55	100	50.
Капиталъ со включ. земли - -	90	100	45	50	15	15.
	460	400	315	225	135	75.
Вычетъ на подати - - - - -	20	100	50	50	6	10.
Остатокъ въ пользу работника	440	300	265	175	129	65.

Такимъ образомъ, заключаетъ Кэри, отношеніе между производительностію труда или заработною платою, въ названныхъ странахъ, такое, какъ $4_{,4}$: 3: $2_{,65}$: $1_{,75}$: $1_{,29}$: $0_{,65}$.

Причины, указанныя авторомъ, относятся къ условіямъ, отъ которыхъ зависитъ, главнымъ образомъ, лучшее качество и большее напряженіе труда; но оцѣнка ихъ произвольна и не совсѣмъ правдоподобна, такъ напр. личную свободу и свободу оборотовъ, въ Китаѣ и въ Индіи, авторъ считаетъ равной нулю!

Оканчивая этимъ очеркъ условій, видоизмѣняющихъ спросъ на трудъ и предложеніе труда, а слѣд. и самый размѣръ заработной платы, установляемой соперничествомъ, болѣе или менѣе свободнымъ и регулированнымъ законами, при различной степени производительности труда, нельзя не замѣтить, что всѣ наши знанія ограничиваются лишь частными заключеніями изъ отдѣльныхъ фактовъ, и что нѣтъ, да и не можетъ быть, еще изслѣдованія о законахъ движенія заработной платы. Въ наукѣ едва намѣчены вопросы, для рѣшенія которыхъ необходимо собрать статистическіе матеріалы.

II. О прибыли.

Доходъ капиталиста называется процентомъ (interest, Procente), потому что выражается въ сотыхъ долякъ капитала,—ростомъ и прибылью (profit, Gewinn), потому что состоитъ изъ приращенія или увеличенія капитала. Нѣкоторые изъ экономистовъ, какъ напр. Смитъ, отличали отъ процентовъ прибыль, относя лишь къ послѣдней вознагражденіе за трудъ, необходимый для выгоднаго помѣщенія капитала; но это вознагражденіе выражается также процентами, сотыми долями капитала, и не допускаетъ на практикѣ строгаго отдѣленія отъ другихъ частей прибыли. Прибыль становится самостоятельною отраслію доходовъ вмѣстѣ съ появленіемъ кредитныхъ сдѣлокъ, когда право собственности на капиталъ отдѣляется отъ права пользованія имъ.

Составныя части прибыли суть слѣдующія: а) плата за пользованіе капиталомъ; б) доля, предназначенная для поддержанія, или возстановленія капитала,—ремонтъ, при наймѣ недвижимыхъ имуществъ, погашеніе затраченнаго капитала въ машинахъ, оказывающихся по истеченіи извѣстнаго срока негодными и пр.; в) плата за рискъ, при отдачѣ капитала на кредитъ, или при затратѣ его въ предпріятіи; г) плата за трудъ, необходимый для прибыльнаго помѣщенія капитала; д) рента, доставляемая капиталами или рѣдкими, или малодоступными для производителей. Въ настоящемъ отдѣлѣ предстоитъ разсмотрѣть: происхожденіе прибыли, господствующія ученія о прибыли, условія спроса и предложенія въ примѣненіи къ этой отрасли доходовъ, и наконецъ крайніе предѣлы колебанія прибыли. Объ отношеніи прибыли къ другимъ доходамъ сказано будетъ въ IV отдѣлѣ этой главы.

Происхожденіе прибыли объясняли вознагражденіемъ за воздержаніе отъ потребленія (Синіоръ, Милль) или платою за сбереженіе; но правильнѣе искать основаніе для прибыли въ производительности капитала. Изъ двухъ предпріятій, обладающихъ не одинаковымъ капиталомъ, но находящихся во всемъ прочемъ въ совершенно равныхъ условіяхъ, то даетъ наибольшее количество произведеній, которое обладаетъ лучшими матеріалами для производства, лучшими машинами, орудіями и пр.

Большій доходъ, извлекаемый однимъ изъ предпринимателей, принадлежитъ ему одному, если онъ самъ затратитъ собственный капиталъ, и принадлежитъ въ извѣстной мѣрѣ и другому лицу, т. е. капиталисту, если предприниматель работаетъ капиталомъ, отданнымъ ему въ кре-

дитъ. Право на этотъ доходъ основывается на томъ, что капиталъ не есть безвозмездный даръ природы, что въ образованіи его участвовалъ трудъ, и что нѣтъ никакого основанія присвоивать право на выгоды, доставляемые капиталомъ, только тому лицу, которое пользуется имъ, лишая участія въ этихъ выгодахъ самого капиталиста. Къ числу капиталовъ относятся и деньги. Въ этой формѣ капиталы по преимуществу накопляются и дѣйствуютъ какъ покупная сила, располагающая всѣми другими цѣнностями, другими капиталами, трудомъ, и естественными богатствами, присвоенными человѣкомъ. Деньгами обусловливается поэтому сочетаніе производительныхъ силъ, не принудительное, а совершенно свободное, и быть можетъ нѣтъ ни одной машины, которая способствовала-бы въ большей степени возрастанію производства и народнаго богатства Проценты, платимые за деньги, составляютъ плату за производительную силу.

Несмотря на очевидность этихъ истинъ, законность прибыли составляла предметъ жаркихъ споровъ, начиная съ самой отдаленной древности, и экономическія ученія представляютъ явные слѣды происходившихъ преній.

Причины, вызвавшія полемику противъ процентовъ, заключались въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, капиталъ занимается не только въ видахъ развитія промышленныхъ предпріятій и пріобрѣтенія бо́льшаго достатка, но также и по нуждѣ для того, чтобы имѣть какія-либо средства или для работы, или для существованія. Займы по нуждѣ могутъ сопровождаться самыми пагубными послѣдствіями какъ для экономическаго, такъ и для юридическаго положенія должниковъ. При низкомъ уровнѣ гражданственности и народнаго благосостоянія, бѣдняки, прибѣгая къ чужой помощи, уступали въ пользованіе кредитора свой участокъ земли, а иногда даже предоставляли ему право на свою личность (кабала) и становились въ зависимость, которая превращалась въ рабство. Поэтому интересы хозяйственные и политическіе вызывали огражденіе должниковъ законами и чрезвычайными мѣрами. Этимъ объясняются на Востокѣ, въ Индіи, законы о ростѣ, которые принимали подъ свою охрану высшіе классы; субботніе и юбилейные годы, установленные для предупрежденія рабства въ средѣ еврейскаго племени, законы Солона и пр. Во-вторыхъ, капиталъ составляетъ не только сбереженную трудовую копейку, результатъ честной, неутомимой дѣятельности, искусства, но также слѣдствіе—обмана, монополіи, игры, привилегированнаго поло-

женія и пр., что конечно можетъ быть поставлено въ вину не капиталу, а дурному хозяйственному устройству. Тѣмъ не менѣе накопленныя сокровища становятся источникомъ силы, господства, и весьма легкимъ средствомъ для пріобрѣтенія дохода. Демократическія и соціальныя идеи XIX вѣка не могли не возставать съ ожесточеніемъ противъ явленія, въ которомъ представлялось нарушеніе фактическаго и юридическаго равенства между людьми. Полагая, что причины этого неравенства и самой нищеты заключаются въ свойствѣ капитала, одни изъ соціалистовъ ограничились отрицаніемъ законности прибыли и пріискивали такія формы для экономическихъ отношеній, которыя довели бы прибыль до нуля; другіе, болѣе послѣдовательные, доходили въ своихъ доводахъ до абсурда—до требованія уничтоженія капитала (Pecqueur). Само собою разумѣется, что деньги, которымъ принадлежитъ первостепенная роль въ распредѣленіи и соединеніи производительныхъ силъ, въ выдѣлѣ доходовъ и въ накопленіи капитала, должны были подвергнуться нападкамъ, преимущественно предъ другими видами капитала. Но къ этимъ причинамъ присоединялись и другія, внушенныя человѣколюбіемъ, доктринерствомъ и политическими разсчетами.

Осужденіе прибыли составляетъ довольно общее явленіе въ древнемъ мірѣ. По словамъ Аристотеля, пріобрѣтеніе бываетъ двоякаго рода: домашнее—путемъ производства, справедливо пользующееся уваженіемъ, и неестественное — пріобрѣтеніе посредствомъ мѣны. Презрѣніе къ пріобрѣтенію денегъ посредствомъ денегъ, кажется Аристотелю совершенно основательнымъ. Деньги должны служить для мѣны, а проценты увеличиваютъ ихъ. Это деньги, произшедшія изъ денегъ,—и изъ всѣхъ способовъ пріобрѣтенія, самый противуестественный. Такой взглядъ на проценты былъ очень распространенъ: Плутархъ упрекаетъ капиталиста за то, что онъ хочетъ жить процентами, а не трудомъ; Катонъ сравниваетъ ростовщика съ убійцею, хотя самъ былъ безжалостнымъ ростовщикомъ; Брутъ, Сенека, также осуждаютъ проценты, что не мѣшаетъ, однакоже, послѣднему брать по 48 на 100 въ годъ.

Ученія отцовъ церкви, враждебныя капитальной прибыли, не были однимъ повтореніемъ доводовъ греческой философіи; въ ученіяхъ этихъ проводилась точка зрѣнія христіанской благотворительности, неимѣющей, конечно, ничего общаго съ промышленными сдѣлками. Въ средніе вѣка, западная церковь, по свидѣтельству Огюстена Тьерри, вооружалась противъ процентовъ, опасаясь усиленія средняго сословія и стремясь

подчинить своему вліянію наибольшее число спорныхъ дѣлъ. Когда западная церковь сдѣлалась болѣе снисходительною, тогда возсталъ Лютеръ, увлекаясь доктринерствомъ и враждою къ Риму, со стороны котораго гоненіе на проценты сдѣлалось слабѣе. Гораздо выше своихъ современниковъ стоитъ Кальвинъ, который съ замѣчательнымъ остроуміемъ опровергаетъ парадоксъ о безплодности денегъ. Говорятъ, замѣчаетъ Кальвинъ, что деньги не производятъ денегъ, но развѣ домъ, за который я получаю наемную плату, производитъ деньги? выростаютъ ли деньги на крышахъ и стѣнахъ? По Кальвину, тотъ, кто занимаетъ денежный капиталъ и употребляетъ его въ производствѣ, получаетъ прибыль, но прибыль доставляютъ не деньги, а употребленіе, которое имъ даютъ.

Съ XVI вѣка являются наконецъ защитники процентовъ—Бэконъ, Сальмазій, въ XVII и XVIII в. представители либеральнаго экономическаго направленія приписываютъ процентамъ огромное значеніе—Локкъ, Нортъ, Петти, Тюрго и др. Однакоже борьба защитниковъ процентовъ съ ихъ противниками была еще очень сильна въ XVIII вѣкѣ, и Тюрго приходилось принимать полицейскія мѣры для огражденія правъ кредиторовъ, а Бентамъ написалъ свое извѣстное сочиненіе въ оправданіе капитальнаго роста.

Изслѣдованія Смита о существѣ и причинахъ богатства народовъ положили надолго довольно прочное основаніе ученію о прибыли. Сущность этого ученія заключается въ слѣдующемъ. Прибыль, о которой можно составить себѣ приблизительное понятіе по величинѣ процентовъ, уплачиваемыхъ при займѣ денегъ, представляетъ большое разнообразіе по роду занятій и по обстоятельствамъ, которыя стѣсняютъ свободное перемѣщеніе труда и капитала. Опредѣленіе средней прибыли невозможно, потому что она имѣетъ неодинаковую величину въ разныхъ промыслахъ, и измѣняется не только со дня на день, но иногда съ часу на часъ, смотря по цѣнамъ произведеній, и по случайностямъ, которымъ подвержены товары. При всемъ томъ, А. Смитъ полагаетъ, что есть общія причины пониженія и возвышенія прибыли. Возрастаніе капиталовъ влечетъ за собою возрастаніе заработной платы и упадокъ прибыли. Уменьшеніе капиталовъ сопровождается совершенно противуположными послѣдствіями. Этимъ объясняется, почему прибыль высока въ деревняхъ и низка въ городахъ, между тѣмъ какъ заработная плата низка въ первыхъ и высока въ послѣднихъ.

Въ колоніяхъ и въ новыхъ быстро развивающихся странахъ прибыль возрастаетъ вмѣстѣ съ заработною платою; но когда страна достигаетъ высшаго предѣла развитія народнаго богатства, который для нея доступенъ, по свойству почвы, климата, и по ея международнымъ сношеніямъ, тогда и прибыль и заработная плата могутъ быть очень низки, вслѣдствіе избытка капиталовъ и населенія; если это неподвижное состояніе зависитъ отъ законовъ и учрежденій, то прибыль можетъ быть высока. Таково, по мнѣнію Смита, положеніе Китая, гдѣ прибыль высока, вслѣдствіе отсутствія общественной безопасности.

Эти воззрѣнія легли въ основаніе послѣдующаго развитія ученія о пониженіи прибыли вмѣстѣ съ успѣхами народнаго богатства, о достиженіи прибылью наибольшей высоты, при незначительности капиталовъ, или при быстромъ ихъ возрастаніи и объ упадкѣ прибыли, при переполненіи рынка капиталами. Нельзя, однакоже, сказать, чтобы ближайшіе послѣдователи Смита раздѣляли другія стороны его ученія.

Рикардо проводитъ уже мысль о томъ, что прибыль въ различныхъ отрасляхъ производства сохраняетъ извѣстную соразмѣрность и колеблется въ одинаковой степени и въ одномъ и томъ же направленіи. Такъ какъ въ составъ цѣны произведеній входятъ только прибыль и заработная плата, рента же есть результатъ цѣны, то съ переходомъ къ воздѣлыванію менѣе плодородныхъ земель, заработная плата возрастаетъ, потому что въ производствѣ требуется болѣе труда, и прибыль падаетъ: дороговизна хлѣба влечетъ за собою увеличеніе издержекъ на заработную плату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пониженіе прибыли даже въ мануфактурахъ, хотя бы и не требовалось болѣе труда для обработки суровья.

Мальтусъ считаетъ прибыль разностію между цѣнностію затратъ, сдѣланныхъ для производства предмета, и цѣнностію послѣдняго, и полагаетъ, что размѣръ прибыли зависитъ отъ этой разности. Начало, ограничивающее прибыль, состоитъ въ большемъ или меньшемъ избыткѣ произведеній, остающемся на долю рабочихъ, воздѣлывающихъ землю болѣе или менѣе производительными капиталами. Начало, регулирующее прибыль, есть спросъ и предложеніе. Если предположить, что земледѣліе не дѣлаетъ успѣховъ, что заработная плата, выраженная хлѣбомъ, остается неизмѣнною, и что населеніе вынуждено приступать къ обработкѣ наименѣе плодородныхъ земель, то прибыль будетъ по-

нижаться. Прибыль будетъ уменьшаться также въ мануфактурахъ и торговлѣ, при пониженіи мѣновой цѣнности произведеній.

Вѣрный, однакоже, своимъ научнымъ пріемамъ, Мальтусъ вводитъ рядъ предположеній, видоизмѣняющихъ вліяніе двухъ поименованныхъ главныхъ причинъ на величину прибыли. Полагая, что при переходѣ къ обработкѣ худшихъ земель прибыль понижается, Мальтусъ допускаетъ ея возвышеніе въ четырехъ слѣдующихъ случаяхъ: во-первыхъ, когда будутъ сдѣланы улучшенія въ земледѣліи; во-вторыхъ, когда усилится производительность рабочихъ классовъ—такъ напр. ирландецъ производитъ вполовину менѣе, противъ англичанина, но въ Англіи, поощренный хорошими примѣрами и достаточною заработною платою, онъ въ состояніи сработать столько же, сколько сработаетъ его англійскій товарищъ; въ-третьихъ, когда возвысятся цѣны на хлѣбъ, вслѣдствіе увеличенія спроса—въ такомъ случаѣ цѣна на трудъ возвысится, но многіе внутренніе товары, несущіе не однаковое бремя налоговъ, и товары заграничные, или же приготовленные изъ заграничныхъ матеріаловъ, не возвысятся въ цѣнѣ—предметы эти входятъ въ составъ капитала фермера, и потребуется меньшее количество ихъ для его возстановленія; въ-четвертыхъ, когда механическія улучшенія понизятъ цѣнность обработанныхъ издѣлій—тогда заработная плата въ натурѣ понизится, но благосостояніе отъ этого не пострадаетъ; если же цѣны произведеній фермера возвысятся, тогда какъ цѣны труда и предметовъ, которые онъ затрачиваетъ, не возрастутъ, то прибыль его должна будетъ увеличиться.

Изложенныя соображенія приводятъ Мальтуса къ заключенію, что въ опредѣленные періоды времени прибыль болѣе зависитъ отъ избытка или рѣдкости капиталовъ и отъ положенія рынка, чѣмъ отъ необходимости переходить къ обработкѣ менѣе плодородныхъ земель. Повидимому, какъ настоящая, такъ и средняя прибыль, зависятъ всегда отъ разности въ цѣнности произведеній, полученныхъ при содѣйствіи того же капитала; а эта цѣнность, сама по себѣ, опредѣляется настоящимъ или обыкновеннымъ положеніемъ рынка, или отношеніемъ между предложеніемъ и спросомъ. Прибыль понижается только тогда, когда понижается цѣнность произведеній, созданныхъ тѣмъ же количествомъ труда, и возвышается лишь при увеличеніи цѣнности этихъ произведеній.

Милль различаетъ въ прибыли три составныя части: процентъ съ капитала, или вознагражденіе за воздержаніе отъ потребленія, страховую премію и плату за трудъ. Колебанія въ величинѣ процентовъ про-

исходятъ, по Миллю, отъ спроса и предложенія на ссуды. Спрашиваютъ и предлагаютъ капиталы; но такъ какъ спросъ и предложеніе происходятъ въ формѣ денегъ, то размѣръ процентовъ считается обыкновенно послѣдствіемъ обилія или недостатка денегъ. Сбивчивость понятій усиливается при этомъ еще болѣе отъ того, что величину процентовъ обозначаютъ выраженіемъ: *цѣнность денегъ*.

Разъяснивъ условія, отъ которыхъ зависитъ наименьшій размѣръ прибыли и возможныя въ немъ колебанія, различія въ прибыли, происходящія отъ различнаго свойства предпріятій, на которыя капиталъ обращается, и причины, по которымъ величина прибыли стремится къ равенству во всѣхъ занятіяхъ, Миллъ развиваетъ слѣдующія три положенія: 1) прибыль не зависитъ отъ цѣнъ и не есть результатъ покупки и продажи; 2) затраты капиталиста состоятъ единственно въ платѣ за трудъ; 3) величина прибыли зависитъ отъ стоимости труда.

По ходячему въ обществѣ мнѣнію, говоритъ Миллъ, промышленная прибыль зависитъ отъ цѣнъ. Повидимому, производитель или продавецъ получаетъ прибыль, вслѣдствіе продажи своего товара по цѣнѣ, превышающей издержки производства. Но, всматриваясь ближе въ операціи производителя, мы замѣчаемъ, что деньги, которыя онъ получаетъ за свои произведенія, составляютъ не причину, а только форму выдаваемой ему прибыли. Причина прибыли состоитъ въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль, потому что люди могутъ произвести болѣе пищи, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе во время производства, включая сюда и время, употребляемое на изготовленіе орудій и исполненіе всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возмется кормить работниковъ съ условіемъ обратить произведенія въ свою пользу, то по возмѣщеніи своихъ затратъ, получитъ еще нѣкоторый остатокъ. Итакъ, прибыль возникаетъ не вслѣдствіе появленія мѣны, но вслѣдствіе производительной силы труда, и общая прибыль страны всегда зависитъ отъ производительной силы труда, будетъ-ли мѣна имѣть мѣсто, или нѣтъ. Еслибы не было раздѣленія занятій, то не было-бы ни покупки, ни продажи; но прибыль все-таки существовала-бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ произведутъ на 20% болѣе своей заработной платы, то производители (въ сложности) получатъ 20% прибыли, каковы бы цѣны ни были. Прибыль капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоя-

тельствъ: во-первыхъ, отъ количества полученныхъ произведеній, иначе, отъ производительной силы труда, и во-вторыхъ, отъ того, какую часть произведеній получатъ работники. Эти два элемента служатъ данными, по которымъ опредѣляется вся сумма, раздѣляемая между всѣми капиталистами страны. Но размѣръ прибыли, процентное ея отношеніе къ капиталу, зависитъ только отъ втораго элемента, то-есть, отъ доли, получаемой работникомъ, а не отъ итога, подлежащихъ раздѣлу произведеній. Еслибы произведенія труда удвоились, и работники получили бы прежнюю долю, то-есть, вдвое болѣе, то капиталисты тоже получили-бы вдвое противъ прежняго; но такъ какъ они притомъ затратили вдвое противъ прежняго, то и размѣръ ихъ прибыли не увеличивается, а остается прежнимъ (гл. XV, §§ 5 и 7). Такимъ образомъ, говоритъ Милль, мы приходимъ къ выводу Рикардо и нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ, что размѣръ прибыли зависитъ отъ заработной платы, возвышаясь при паденіи и падая при возвышеніи ея. Но, принимая это ученіе, Милль настаиваетъ на болѣе точномъ выраженіи мысли Рикардо. По его мнѣнію, слѣдуетъ сказать, что прибыль зависитъ не отъ заработной платы, а отъ стоимости труда. Говоря математическимъ языкомъ, стоимость труда есть функція трехъ измѣняемыхъ —успѣшности труда, заработанной платы (то-есть, существеннаго, а не денежнаго вознагражденія работнику) и стоимости, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшенъ, а вознагражденіе его не возвысится, если вознагражденіе за трудъ упадетъ, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагрвжденіе, не увеличится, и самый трудъ не станетъ менѣе успѣшенъ, или если предметы, составляющіе вознагражденіе работника, станутъ дешевле, а работникъ будетъ получать ихъ не больше прежняго, то въ каждомъ изъ этихъ случаевъ прибыль возвысится. Если же, напротивъ того, трудъ станетъ менѣе успѣшенъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы въ народѣ, отъ уничтоженія постояннаго капитала или отъ упадка народнаго образованія), или если работникъ станетъ получать большее вознагражденіе, безъ уменьшенія стоимости составляющихъ вознагражденіе вещей, или наконецъ, если онъ будетъ получать и не больше прежняго, но самая стоимость полученныхъ имъ вещей будетъ больше, то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль уменьшится. Кромѣ этихъ случаевъ, нѣтъ сочетанія другихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ

могъ-бы падать или возвышаться общій размѣръ прибыли въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности (гл. XV, § 7)

Три положенія, развитыя Миллемъ, далеко не могутъ быть признаны безспорными. Замѣтимъ прежде всего, что на прибыль никакъ нельзя смотрѣть, какъ на плату капиталисту за воздержаніе отъ потребленія; прибыль вытекаетъ несомнѣнно изъ участія капиталиста въ приращеніи производства, достигаемаго вслѣдствіе употребленія капитала. Аргументація Милля, направленная къ тому, чтобы доказать, что прибыль составляетъ ту долю произведеній, которая остается за выдѣломъ заработной платы или стоимости труда, напоминаетъ нѣсколько ученіе физіократовъ. Прибыль не отъ того высока или низка, что получается *болѣе или менѣе произведеній* за покрытіемъ расходовъ на трудъ, но отъ цѣнъ, установленныхъ спросомъ и предложеніемъ. Для того, чтобы убѣдиться, какъ ошибочна попытка Милля отдѣлить мѣну, которою совершается распредѣленіе доходовъ, отъ этого распредѣленія, стоитъ только припомнить, что при чрезвычайномъ урожаѣ, въ земледѣльческихъ странахъ прибыль, доставляемая земледѣліемъ, доходитъ, до нуля, хотя бы производство дало самый блистательный результатъ Конечно, прибыль немыслима, если производители расходуютъ болѣе чѣмъ они производятъ; но изъ предъидущаго примѣра очевидно, что для того чтобы прибыль существовала, необходимо, чтобы избытокъ могъ быть проданъ по хорошей цѣнѣ. Гипотеза о странѣ, въ которой нѣтъ раздѣленія труда и гдѣ работникъ производитъ на 20% болѣе противъ своей заработной платы, не можетъ быть допущена въ томъ видѣ, какъ ее принимаетъ Милль; она понятна лишь подъ условіемъ денежной оцѣнки, потому что нельзя представить себѣ ни случая отсутствія раздѣленія труда, ни приращенія въ производствѣ каждаго изъ предметовъ на 20%. Если прибыль есть результатъ соперничества, устанавливающаго цѣны, конечный выводъ, къ которому приходитъ производитель, по сведеніи своихъ счетовъ, то нельзя сказать, чтобы прибыль и заработная плата или стоимость труда понижались въ обратномъ отношеніи. Произведенія распредѣляются соперничествомъ согласно съ цѣнами произведеній и съ платою за пользованіе производительными силами. Полагать, что одна стоимость труда устанавливаетъ прибыль, значитъ забывать то, что самъ Милль говоритъ о непомѣрно высокихъ рентахъ въ Ирландіи, устанавливаемыхъ соперничествомъ. Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, чтобы величина прибыли зависила отъ

стоимости труда. Равнымъ образомъ неточно и второе положеніе Милля, именно, что затраты капиталиста состоятъ единственно въ платѣ за трудъ; это положеніе есть въ сущности развитіе мысли о трудѣ, какъ о единственной производительной силѣ, чего самъ Милль не допускаетъ. Притомъ ученіе Милля о прибыли не легко согласовать съ мыслію, »что спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ [1])«.

Между тѣмъ какъ Смитъ и Мальтусъ были ближе къ дѣйствительности, первый—потому, что анализъ наблюдаемыхъ имъ явленій занимаетъ въ его »Изслѣдованіяхъ« главное мѣсто, а второй—потому, что вводимыя имъ частныя условія ограничиваютъ значеніе общихъ гипотетическихъ положеній, Рикардо развилъ теорію, значительно уклоняющуюся отъ явленій, представляемыхъ жизнію, но теорію болѣе стройную и логическую, которая, благодаря этимъ свойствамъ, пріобрѣла довольно замѣтное преобладаніе въ наукѣ—она составляетъ основу ученія о прибыли, разработаннаго Миллемъ, ученія, по которому прибыль понижается вмѣстѣ съ накопленіемъ капиталовъ и возрастаніемъ народнаго богатства, и стремится во всѣхъ отрасляхъ промышленности къ достиженію одного общаго уровня. Оставалось только объяснить возрастаніе капиталовъ при уменьшеніи прибыли. За разрѣшеніе этой задачи взялись Кэри и Бастіа. Развивая мысль о согласіи законныхъ интересовъ, пользующихся свободою, эти писатели доказывали, что прибыль вмѣстѣ съ успѣхами народнаго богатства уменьшается относительно, какъ доля общаго итога произведеній, но увеличивается абсолютно. Относительное уменьшеніе прибыли составляетъ результатъ изобилія капиталовъ и соперничества между капиталистами; абсолютное возрастаніе прибыли объясняется тѣмъ, что она получается съ болѣе значительнаго итога капиталовъ.

Ни воззрѣнія Смитовой школы, ни примиряющая доктрина Кэри-Бастіа, не опровергали однакоже факта сосредоточенія громадныхъ капиталовъ въ немногихъ рукахъ и притягательной силы, которою обладаютъ накопленныя богатства. Ссылаясь на этотъ фактъ, соціалисты возстали противъ капитала и доставляемаго имъ дохода, и пытались найти средство для уничтоженія прибыли. Можно даже сказать, что Смитъ, объясняя происхожденіе прибыли вычетомъ изъ заработковъ

[1]) Ср. Джонъ Стюартъ Милль, какъ экономистъ, Жур. Мин. Нар. Просв. 1868 г.

платы, а Рикардо и Миль, полагая, что прибыль составляетъ величину, которая получается по вычетѣ ренты (не входящей въ составъ цѣны) и заработной платы (ограничивающейся только необходимымъ, для существованія рабочаго класса), давали теоретическое оружіе въ руки соціализма. Изъ всѣхъ ученій послѣдняго особенно замѣчательно развитое Прудономъ въ его спорѣ съ Бастіа, и въ проектѣ народнаго банка (Banque du peuple). Въ этой полемикѣ обѣ стороны, и главнымъ образомъ Бастіа, съ непостижимымъ упорствомъ излагаютъ собственныя положенія, не входя въ прямой разборъ возраженій противника.

Положенія Прудона, приведенныя имъ въ его первомъ письмѣ (Gratuité du crédit—troisième lettre) въ формѣ вопросовъ, могутъ быть выражены въ слѣдующемъ видѣ.

1) Плата за пользованіе капиталомъ, разсматриваемая съ внѣшней стороны, есть *услуга*, которая имѣетъ свою цѣнность и должна быть оплачена; въ сущности же уступка капитала не составляетъ *дѣйствительнаго лишенія*, а слѣдовательно не даетъ права требовать чего-либо въ уплату за заемъ.

2) Ростъ, для того, чтобы быть безукоризненнымъ, долженъ быть равенъ для всѣхъ; общество стремится къ этому уравненію, такъ что прибыль становится безукоризненною только тогда, когда она равна для всѣхъ, или равна нулю.

3) Народный банкъ, дающій даровой кредитъ и производящій безвозмездный учетъ, возможенъ.

4) Вслѣдствіе этого даровaго кредита и дароваго учета, а равно упрощеннаго, приведеннаго къ надлежащему виду налога, исчезаютъ и рента съ недвижимыхъ имуществъ, и процентъ, приносимый деньгами.

5) Въ старой системѣ заключаются противорѣчіе и математическая невозможность.

6) Политическая экономія, которая защищала ростъ въ теченіи тысячалѣтій противъ богослововъ, философовъ и законодателей, сама съ своею теоріею пришла къ тому же результату (!?).

7) Установленіе роста служило провидѣнію орудіемъ равенства и прогресса, подобно тому какъ въ политическомъ порядкѣ абсолютизмъ составлялъ орудіе свободы и прогресса; а въ судебномъ порядкѣ испытаніе горячею водою, поединокъ и пытка служили въ свою очередь средствомъ для убѣжденія и преуспѣянія.

Первымъ положеніемъ Прудонъ замѣняетъ доводъ своего сотруд-

ника Шеве, который видѣлъ неравенство въ кредитныхъ сдѣлкахъ потому, что за право пользованія капиталомъ уступается право собственности на прибыль; но это положеніе также не вѣрно, какъ и мысль Шеве. Въ кредитѣ справедливость требуетъ установленія должной соразмѣрности между уступаемою и получаемою цѣнностію. Предметы мѣны могутъ представлять различіе по внѣшнему виду, по существу своему, по хозяйственному значенію, по правамъ, которыя принадлежатъ мѣняющимся, но это не мѣшаетъ тому, чтобы установленіе цѣнности было справедливо.

Источникъ заблужденія Шеве и Прудона общій—они признаютъ производительность одного лишь труда и отрицаютъ производительность капитала. Они, подобно многимъ соціалистамъ, видятъ въ капиталѣ не накопленіе произведеній природы и труда самимъ трудящимся въ свою пользу; но полагаютъ, что накопленіе капитала происходитъ въ пользу капиталиста, на счетъ труда. Это положеніе слишкомъ общо: могутъ быть случаи, когда работникъ удерживаетъ въ свою пользу бо́льшую часть результатовъ производительности капитала, и отдаетъ меньшую часть капиталисту; могутъ быть случаи совершенно противуположные; наконецъ возможно и справедливое распредѣленіе, т. е. такое, въ которомъ приращеніе производительности, при содѣйствіи капитала, достается въ извѣстной мѣрѣ и на долю труда, и на долю капитала. Капиталъ, какъ накопленіе произведеній, способствующихъ улучшенію качества труда и пользованію даровыми силами природы, доставляетъ выгоду въ производствѣ, и эта выгода должна естественно принадлежать не только пользующемуся чужимъ капиталомъ въ видахъ усиленія производства, но и самому капиталисту. Если плотникъ, который нанимается въ поденную работу, найдетъ возможнымъ употребить нѣсколько дней труда на постройку лодки, то онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ право извлечь выгоду изъ своего труда, отдавая лодку въ наемъ перевозчику. Возраженіе Прудона противъ прибыли основано въ томъ, что уступка капитала *не составляетъ лишенія* для капиталиста, а слѣдовательно не даетъ права требовать чего-либо въ уплату за заемъ. Эта аргументація не правильна. На этомъ основаніи всѣ произведенія, ненужныя работнику для его потребленія въ данную минуту, могутъ быть взяты у него съ условіемъ возврата другими и потреблены, безъ всякаго для него лишенія. На этомъ основаніи право на производительную силу капитала, на прибыль, принадлежитъ лишь тому, кто самъ создаетъ и

употребляетъ капиталъ въ производствѣ, а не тому, кто накопляя капиталъ, передаетъ его въ пользованіе другому. Такой взглядъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе раздѣленія труда. Каждый человѣкъ производитъ предметы, по большей части не нужные для его потребленія, но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы они были *лишніе*. За тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и то, что періодъ производительности человѣка ограниченъ, и что накопленіе средствъ лишь для потребленія въ періодѣ старости, а не для того, чтобы жить доходомъ съ капитала, нисколько не обезпечивало бы человѣка отъ лишеній въ то время, когда онъ дѣлается безпомощнымъ. Наконецъ, возможность жить доходомъ съ капитала, а не капиталомъ, создаетъ фондъ для будущихъ поколѣній—условіе прогрессивнаго развитія человѣчества.

Повидимому, самъ Прудонъ видѣлъ невозможность ограничиться доводомъ, что капиталъ есть нѣчто лишнее для того, кто не затрачиваетъ его самъ, а потому, во второмъ своемъ положеніи, Прудонъ развиваетъ мысль, что ростъ для того, чтобы быть безукоризненнымъ, долженъ быть *равенъ* для всѣхъ и такимъ образомъ обратиться въ нуль. Эта цѣль достигается, по его мнѣнію, посредствомъ народнаго банка. Но, какъ самая мысль объ уравненіи прибыли и о доведеніи ее до 0, такъ и средство для этой цѣли—народный банкъ, составляютъ то, что Прудонъ называетъ математическою невозможностію.

Для того, чтобы прибыль была равна для всѣхъ, необходимы два условія, именно чтобы капиталы, находящіеся въ рукахъ всѣхъ производителей, не только были равны, но и равно производительны. Одна отмѣна процентовъ, даже еслибы она и была возможна, не создаетъ этого равенства. Придуманный для упраздненія роста, народный банкъ (независимо отъ того, что онъ невозможенъ по самому своему устройству и по свойству своихъ операцій) не установляетъ этого равенства потому, что онъ предполагаетъ предоставить имущимъ классамъ право располагать денежными средствами, пропорціональными ихъ капиталамъ. Если же допустить, что банкъ задумалъ-бы дать перевѣсъ неимущимъ рабочимъ классамъ, открывъ имъ болѣе широкій кредитъ, чѣмъ классамъ имущимъ, то въ такомъ случаѣ послѣдніе устранились бы отъ участія въ учрежденіи, которое было-бы устроено въ видахъ безвозмезднаго присвоенія ихъ имущества, и тогда пришлось-бы проводить идею дароваго кредита путемъ насилія и обратить кредитъ въ орудіе спекуляціи. Но, еслибы наконецъ и невозможная цѣль была до-

стигнута, т. е. обладаніе всѣми членами общества капиталами равно производительными, то и тогда идеалъ абсолютнаго равенства далеко оставался-бы недостигнутымъ, потому что различное качество труда, различная цѣнность услугъ, привели бы къ несоразмѣрному распредѣленію богатствъ.

Доказывая, что цѣна произведеній слагается изъ 4-хъ частей: изъ цѣны суровья, погашенія цѣнности орудій, употребляемыхъ трудомъ, заработной платы и процентовъ съ капитала, Прудонъ полагаетъ, что цѣль соціализма достигается уравненіемъ прибыли или ея уничтоженіемъ. Въ этомъ онъ ошибается—рѣдкіе матеріалы, трудъ, обладающій исключительными качествами, даже еслибы прибыль и была равна для всѣхъ, не приведутъ къ той пропорціональности между цѣнностію и трудомъ, о которой мечталъ Прудонъ. Прочія приведенныя выше положенія Прудона не представляютъ доводовъ противъ прибыли, а выясняютъ лишь его взглядъ на этотъ предметъ и не касаются сущности вопроса.

Остается за тѣмъ стремиться не къ доведенію прибыли до нуля, а къ возможно большей доступности капитала для рабочихъ классовъ, и къ облегченію имъ средствъ къ тому, чтобы сдѣлаться въ свою очередь капиталистами

Переходя къ опредѣленію условій спроса и предложенія, отъ которыхъ зависитъ прибыль, должно замѣтить, что эта задача не легка во-первыхъ потому, что прибыль есть величина сложная и составныя ея части получаютъ тѣ или другіе размѣры отъ различныхъ причинъ; во-вторыхъ потому, что спросъ на капиталы и предложеніе послѣднихъ представляются въ формѣ денегъ, но спросъ на деньги и предложеніе денегъ не пропорціональны спросу на капиталы вообще и предложенію капиталовъ; наконецъ въ-третьихъ, спросъ на различнаго рода капиталы и предложеніе послѣднихъ представляютъ большое разнообразіе и находятся въ тѣсной связи, какъ съ свойствомъ сихъ капиталовъ, такъ и съ продолжительностію времени, на которое отдается капиталъ въ пользованіе.

Что касается составныхъ частей прибыли, то плата за пользованіе капиталомъ не всегда бываетъ главнымъ элементомъ. Если капиталъ отдается на кредитъ, то предполагается, что онъ долженъ быть возвращенъ въ цѣлости или въ прежнемъ видѣ; другими словами, что кредитору должно быть обезпечено полученіе цѣнности, равной уступлен-

ной имъ въ пользованіе. Само собою разумѣется, что и лицо, употребляющее капиталъ въ собственномъ предпріятіи, разсчитываетъ также на выручку затраченныхъ имъ средствъ, въ случаѣ прекращенія своихъ операцій. Строго говоря, эта часть прибыли составляетъ скорѣе не доходъ, а расходъ, болѣе или менѣе значительный, хотя она часто смѣшивается съ доходомъ и даже съ доходомъ чистымъ. Плата за рискъ, соединенный съ затратою или съ отдачею капитала на кредитъ, очень различна по своему происхожденію. Она зависитъ частію отъ свойства самого предпріятія, болѣе или менѣе спекулятивнаго, или подверженнаго бо́льшимъ или меньшимъ опасностямъ отъ огня, или др. причинъ, частію отъ общественнаго порядка и законовъ, ограждающихъ собственность и взысканіе долговъ. Плата за рискъ имѣетъ вліяніе на величину прибыли, не только потому, что она входитъ въ составъ послѣдней, какъ страховая премія, но и потому, что предложеніе капиталовъ въ отрасляхъ промышленности, представляющихъ наибольшія опасности, бываетъ слабѣе. Плата за трудъ, необходимый для прибыльнаго употребленія капитала, возрастаетъ вмѣстѣ съ количествомъ и качествомъ труда. Трудъ ростовщика, раздающаго деньги по мелочамъ въ мелкой рыночной торговлѣ, значителенъ, и кромѣ того оплачивается дорого, потому что не пользуется общественнымъ уваженіемъ; трудъ капиталиста-посредника, при помѣщеніи государственныхъ займовъ, оплачивается иногда очень дорого, потому что требуетъ знанія рынка, опытности, искусства и довѣрія со стороны общества. Эту часть прибыли регулируетъ спросъ на извѣстный видъ труда и предложеніе этого труда. Наконецъ рента, доставляемая капиталами, по ихъ рѣдкости и малодоступности, составляетъ явленіе довольно обыкновенное, хотя на него обращается мало вниманія. Новыя особенно производительныя и мало распространенныя машины даютъ иногда огромную прибыль. Эта рента бываетъ также слѣдствіемъ монополій, привилегій на открытія и изобрѣтенія, запрещенія затрачивать капиталъ въ тѣ или другія предпріятія (напр. запрещенія и стѣсненія по открытію банковъ и пр.) и во многомъ зависитъ отъ общественныхъ условій.

Въ предъидущемъ ничего не было сказано о платѣ собственно за пользованіе капиталомъ и о томъ какія причины дѣйствуютъ въ настоящемъ случаѣ на спросъ и на предложеніе. Между капиталами надо отличать капиталы постоянные и оборотные, между оборотными—товар-

ные и денежные. Послѣдніе состоятъ изъ накопленныхъ сбереженій, или ищущихъ, или не ищущихъ производительнаго употребленія, изъ свободныхъ суммъ, остающихся праздными, въ ожиданіи болѣе прибыльныхъ затратъ, изъ кассовыхъ средствъ для текущихъ расходовъ по производству и потребленію.

Спросъ на капиталы зависитъ отъ оживленія предпріимчивости, разсчитывающей на текущія нужды потребителей, отъ спекуляціи, имѣющей въ виду шансы сбыта, отъ выгодности помѣщенія пріобрѣтеннаго имущества въ капиталы того или другаго рода. Денежные капиталы служатъ въ названныхъ случаяхъ главнымъ проводникомъ спроса. Оживленіе предпріимчивости составляетъ результатъ: а) промышленной свободы, которая дѣлаетъ промыслы и затраты капиталовъ доступными для бо́льшаго числа лицъ; б) экономическаго устройства, которое способствуетъ появленію бо́льшаго числа самостоятельныхъ хозяйствъ; в) отсутствія замѣшательствъ и тревогъ, которыя соединены съ опасностями для производителей и обыкновенно сопровождаются уменьшеніемъ потребленія и пр. Развитіе спекуляціи бываетъ слѣдствіемъ или появленія новыхъ прибыльныхъ отраслей для человѣческой дѣятельности, или новыхъ рынковъ, или новыхъ видовъ на будущее. Наконецъ, тотъ или другой видъ капиталовъ, избираемыхъ для помѣщенія въ нихъ сбереженій или накопленнаго имущества, становится предметомъ сильнаго спроса, въ случаѣ потрясенія довѣрія къ ходу промышленности къ денежной системѣ, къ прочности общественнаго порядка и пр. Причины эти дѣйствуютъ различнымъ образомъ на спросъ исчисленныхъ видовъ капитала.

Оживленіе предпріимчивости сопровождается наиболѣе равномѣрнымъ спросомъ на всѣ капиталы вообще; спекуляція усиливаетъ спросъ на извѣстные виды капиталовъ, главнымъ образомъ на товарные и денежные; спекуляція постоянными капиталами, напр. землями, составляетъ явленіе болѣе рѣдкое — можно впрочемъ указать на примѣры такого явленія, во Франціи въ эпоху революціи, въ Соединенныхъ штатахъ, въ 1835—36 годахъ. Что касается спроса на капиталы, въ видахъ безопаснаго помѣщенія накопленныхъ средствъ, то у народовъ, достигшихъ болѣе развитой гражданственности, богатства и лучшаго общественнаго порядка, этотъ спросъ, главнымъ образомъ, обращается на земли; у народовъ отсталыхъ, или испытывающихъ бѣдствія анархіи—на металлическіе капиталы. Такъ, въ Европѣ,

колебанія денежной бумажной единицы усиливаютъ спросъ на недвижимыя имущества; на востокѣ—отсутствіе хозяйственной безопасности влечетъ за собою большій спросъ на монету; послѣдній, впрочемъ, обнаруживается съ значительною силою и въ странахъ цивилизованныхъ, испытывающихъ кратковременныя и преходящія бѣдствія.

Обращаясь за симъ къ предложенію капиталовъ, должно замѣтить, что послѣднее вообще зависитъ отъ быстроты ихъ накопленія, слѣдовательно отъ усиленія производительности, отъ твердаго юридическаго порядка, обезпечивающаго скорое и легкое взысканіе долговъ, наконецъ отъ раздробленія капиталовъ между бо́льшимъ числомъ лицъ, отъ устройства учрежденій, которыя собираютъ и направляютъ мелкіе капиталы къ производительнымъ цѣлямъ.

Подвижность, пріобрѣтенная капиталами въ новѣйшее время, освобожденіе огромныхъ оборотныхъ капиталовъ и возникновеніе новыхъ, вслѣдствіе устройства обширныхъ сѣтей желѣзныхъ дорогъ, наконецъ распространеніе кредитныхъ учрежденій, которыя облегчаютъ и накопленіе народныхъ сбереженій, и оплодотвореніе ими промышленности, усилили въ необыкновенной степени предложеніе капиталовъ, и, при сосредоточеніи послѣднихъ въ рукахъ ограниченнаго числа лицъ, вызвали сильныя колебанія на капитальномъ рынкѣ. Притомъ, предложеніе различныхъ видовъ капитала далеко не бываетъ равномѣрнымъ, и далеко не одинаково для всѣхъ видовъ спроса. Предложеніе капиталовъ постоянныхъ заключено въ болѣе тѣсныя границы, но и оно усиливается иногда при развитіи спекуляціи капиталомъ оборотнымъ, торговымъ и денежнымъ, когда съ одной стороны нѣтъ опасеній на счетъ пониженія денежной единицы, а съ другой ограниченный доходъ, доставляемый землями, постройками и пр., далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ выгодамъ и барышамъ, которыя обѣщаетъ спекуляція товарами, процентными бумагами и пр. Предложеніе оборотнаго торговаго товарнаго капитала усиливается обыкновенно при развязкѣ коммерческаго кризиса, вызваннаго чрезмѣрною спекуляціею, и при ощущаемомъ недостаткѣ въ денежныхъ капиталахъ. Наконецъ, что касается послѣднихъ, то предложеніе ихъ различно, смотря потому состоятъ-ли они изъ свободныхъ суммъ, остающихся безъ употребленія, въ ожиданіи болѣе прибыльныхъ затратъ, или изъ накопляемыхъ сбереженій. Капиталы перваго разряда предлагаются въ изобиліи, при промышленномъ застоѣ, вызванномъ остановками произ-

водства въ богатыхъ странахъ, вслѣдствіе какихъ бы то ни было опасеній—торговыхъ или политическихъ; предложеніе достигаетъ высшаго предѣла впачалѣ пробуждающейся дѣятельности, когда опасенія ослабѣваютъ, и постепенно уменьшается, по мѣрѣ развитія предпріимчивости и превращенія свободныхъ суммъ въ средства, предназначенныя для текущихъ расходовъ, по производству и по потребленію. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ промышленнаго возбужденія, предложеніе начинаетъ ослабѣвать, и если наступаетъ сильная реакція, то оно оказывается далеко несоотвѣтствующимъ спросу. Предложеніе свободныхъ денежныхъ капиталовъ не распредѣляется равномѣрно между спросомъ на капиталъ съ различныхъ сторонъ. Въ первомъ періодѣ предложеніе свободныхъ денежныхъ капиталовъ, ожидающихъ выгоднаго помѣщенія, обращается на удовлетвореніе спроса по краткосрочнымъ затратамъ—при чемъ учетный процентъ достигаетъ крайняго предѣла пониженія. Въ послѣдующее за тѣмъ время предложеніе капиталовъ обращается на удовлетвореніе спроса предпринимателей, или на спекулятивныя операціи; наконецъ въ разгаръ кризиса, когда предложеніе свободныхъ капиталовъ бываетъ и безъ того слабо, нѣкоторые изъ послѣднихъ обращаются во вклады—немногихъ банковъ, пользующихся репутаціею солидности, или же хранятся въ частныхъ кассахъ.

Денежные капиталы, образующіеся изъ сбереженій, ищутъ, по преимуществу, постоянныхъ помѣщеній въ кредитныхъ сдѣлкахъ на долгіе сроки, или во вкладахъ банковъ. Постепеннымъ возрастаніемъ этихъ капиталовъ, объясняется постоянство или устойчивость процентовъ по займамъ ипотекарнымъ, государственнымъ, по банковымъ вкладамъ, въ особенности срочнымъ, при чемъ относительная высота процентовъ много зависитъ отъ возможности свободно располагать накопленными сбереженіями. Конечно, и этотъ видъ капиталовъ обращается чрезъ посредство банковъ на учетъ векселей, но предложеніе капиталовъ въ учетной операціи, и самый размѣръ учетнаго процента колеблятся въ большей мѣрѣ отъ прилива или отлива капиталовъ къ промышленнымъ предпріятіямъ.

Направленіе народныхъ сбереженій къ долгосрочнымъ затратамъ не представляетъ, впрочемъ, ничего правильнаго и постояннаго. Если спекуляція овладѣваетъ фондовымъ рынкомъ, то процентныя бумаги, составляющія самое прочное помѣщеніе, поднимаются въ цѣнѣ, и мелкія сбереженія утрачиваютъ свой консервативный характеръ. Равнымъ

образомъ, разразившіеся кризисы—биржевой, коммерческій, банковый и въ особенности финансовый—не только сокращаютъ предложеніе капиталовъ, обращающихся въ долгосрочныя затраты, но производятъ обратное движеніе. Эта реакція тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большее количество такихъ процентныхъ бумагъ находилось въ рукахъ спекуляторовъ, и чѣмъ болѣе вынуждены послѣдніе сбывать свои бумаги для того, чтобы располагать необходимыми свободными денежными средствами.

Въ предъидущемъ заключаются лишь самыя общія указанія, относительно причинъ, измѣняющихъ спросъ и предложеніе на капитальномъ рынкѣ; но и сказаннаго достаточно для того, чтобы объяснить измѣненія, происходящія въ размѣрѣ процентовъ, и установить основанія для политико-экономическихъ изслѣдованій съ положительнымъ характеромъ.

Если въ мелкихъ промыслахъ, въ которыхъ ссужаются небольшія суммы на недѣли и даже на дни, проценты доходятъ до 10,000 на 100 въ годъ, если въ государственныхъ и гипотекарныхъ займахъ проценты составляютъ въ тоже время 3 и 4%, между тѣмъ какъ по банковымъ вкладамъ до востребованія, уплачивается отъ $2^1/_2$ до 3-хъ процентовъ, а по учету отъ $1^1/_2$ до 2% въ годъ; или если учетъ возвышается до 36% и выше, тогда какъ помѣщеніе капитала въ долгосрочномъ кредитѣ даетъ 7 и 8%; то это объясняется не однимъ трудомъ, необходимымъ для помѣщенія капитала (трудъ раздающаго деньги по мелочамъ не всегда легокъ,—требуетъ умѣнья цѣнить представляемыя обезпеченія, выбирать людей, которымъ можно оказать довѣріе, и за тѣмъ осуждается обществомъ, какъ промыселъ ростовщика); не однимъ рискомъ относительно выручки розданныхъ суммъ, но и болѣе ограниченнымъ предложеніемъ капиталовъ. Еще сильнѣе дѣйствуетъ эта причина при установленіи процентовъ по учету и по долгосрочнымъ займамъ.

Изложенныя соображенія представляютъ достаточно убѣдительныя доказательства, что не только прибыль капиталиста, но и та часть оной, которая можетъ быть разсматриваема, какъ плата за пользованіе капиталомъ, далеко не бываетъ равномѣрною. Рошеръ, который раздѣляетъ мысль Рикардо, относительно равномѣрности процентовъ, высказываетъ ее слѣдующими словами: »Въ предѣлахъ извѣстной хозяйственной области (страны?) разнообразныя употребленія капиталовъ стремятся къ тому, чтобы приносить одинаковый процентъ. Еслибы одна отрасль промышленности была значительно прибыльнѣе другой, то въ интересѣ

капиталиста было-бы перемѣстить капиталъ изъ второй въ первую, пока процентъ не достигнетъ уровня«.

Это положеніе опровергается: во-первыхъ, разнообразіемъ видовъ капитала и особенностями условій спроса и предложенія, относительно каждаго изъ этихъ видовъ; во-вторыхъ, неодинаковою производительностію капитала въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, зависящею отъ разныхъ обстоятельствъ; въ третьихъ, тѣми причинами, которыя препятствуютъ перемѣщенію капитала изъ одной отрасли въ другую. Причины эти признаетъ самъ Рошеръ, но видитъ въ нихъ исключенія, тогда какъ онѣ составляютъ общее правило. Въ концѣ главы о цѣнности было уже замѣчено, что въ свойствѣ капитала заключается препятствіе къ перемѣщенію этой производительной силы. Это относится не къ однимъ капиталамъ, затраченнымъ въ земледѣліи, въ постройкахъ, орудіяхъ, машинахъ, необходимыхъ для дѣйствія тѣхъ или другихъ фабричныхъ и заводскихъ предпріятій; перемѣщеніе капитала оборотнаго составляетъ нерѣдко также довольно медленный процессъ. При космополитическомъ характерѣ оборотнаго капитала, при легкости его передвиженія, онъ не всегда оставляетъ избранное имъ поприще. Скорѣе можно сказать, что останавливается лишь притивъ свободныхъ капиталовъ (т. е. остающихся по временамъ безъ употребленія), къ тѣмъ отраслямъ производства, которыя даютъ меньшую капитальную прибыль. Для того, чтобы началось передвиженіе капиталовъ изъ менѣе прибыльныхъ въ болѣе прибыльныя предпріятія, необходимо чтобы наступило перемѣщеніе производителей, точно также какъ и для перемѣщенія капиталовъ изъ одной страны въ другую, необходимо чтобы началось выселеніе или эмиграція населенія.

Еще могущественнѣе вліяніе общественныхъ причинъ, законовъ и учрежденій, которые дѣлаютъ помѣщеніе капитала въ тѣхъ или другихъ предпріятіяхъ исключительнымъ правомъ извѣстныхъ лицъ, или привилегированныхъ учрежденій. Хотя законы о сословныхъ правахъ, привилегированныхъ корпораціяхъ, покровительственной системѣ, банкахъ и патентахъ на изобрѣтенія и открытія, уже отчасти утратили свою исключительность и съ каждымъ годомъ открываютъ болѣе обширное поприще для свободной дѣятельности; но еще далека та пора, когда эти препятствія утратятъ свой стѣснительный характеръ, а тѣмъ болѣе едвали наступитъ время полнаго ихъ упраздненія, потому что извѣстныя юридическія нормы, а слѣдовательно и условное пользо-

ваніе свободою, составляютъ принадлежность всякаго общественнаго порядка.

Въ заключеніе, остается коснуться еще одного вопроса: въ какихъ предѣлахъ происходитъ или можетъ имѣть мѣсто измѣненіе величины капитальной прибыли? Миль замѣчаетъ, что наименьшій размѣръ прибыли опредѣляется двумя элементами: во-первыхъ, силою дѣятельнаго стремленія къ накопленію, зависящею отъ сравнительной оцѣнки выгодъ настоящаго съ выгодами будущаго, и опредѣляющею наклонность къ сбереженію; во-вторыхъ, наклонностію къ производительному употребленію сбереженій,—степенью безопасности капитала, употребляемаго въ промышленности. Положеніе это едвали вполнѣ справедливо: оба названныя условія не всегда дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи—возрастаніе сбереженій уменьшаетъ прибыль, бо́льшая безопасность способствуетъ увеличенію затратъ и прибыльности капитала. Правильнѣе было-бы кажется сказать, что наименьшій размѣръ прибыли обусловливается наибольшею массою накопившихся сбереженій въ немногихъ рукахъ, при отсутствіи какъ условій, необходимыхъ для оживленной предпріимчивости, такъ и сильнаго спроса на капиталы со стороны производителей. Положеніе это не составляетъ особенно благопріятнаго признака въ народномъ хозяйствѣ. Высшій размѣръ прибыли, строго говоря, опредѣляется предѣломъ производительности капитала, но, въ дѣйствительности, прибыль часто переходитъ за этотъ предѣлъ. Прибыль счастливыхъ спекуляторовъ даетъ возможность капиталистамъ обратить въ свою пользу не только значительную долю народнаго дохода, но и накопленнаго имущества. Въ такихъ случаяхъ составнымъ элементомъ прибыли бываетъ не столько плата за пользованіе капиталомъ, сколько рента, или монопольный доходъ, извлекаемый капиталистомъ изъ своихъ личныхъ способностей или изъ умѣнья пользоваться выгодами своего положенія. Успѣхи образованія и болѣе высокій уровень благосостоянія, достигнутый всѣми классами населенія, могутъ, однакоже, въ теченіи времени, ввести въ извѣстные предѣлы этотъ источникъ обогащенія.

III. О рентѣ.

Силы и матеріалы природы даютъ только тогда ренту, когда они *присвоены, и не общедоступны*, однимъ словомъ, когда они имѣютъ цѣнность. Рента, какъ замѣчено было выше, входитъ въ составъ зара-

бочей платы и прибыли. Рѣдкія дарованья, таланты, составляютъ такой же монопольный элементъ производства, какъ почва, способная производить венгерское вино, какъ ключь минеральной воды, какъ рудникъ, доставляющій золото. Этотъ же самый монопольный элементъ, составляетъ въ извѣстныхъ случаяхъ принадлежность капитала. Произведенія механики, требующія необыкновеннаго знанія, искусства, мало распространенныя въ промышленномъ мірѣ и доставляющія возможность въ огромныхъ размѣрахъ уменьшить издержки производства, могутъ доставлять значительный монопольный доходъ.

Очевидно, что источникъ ренты заключается въ ограниченіи предложенія, сравнительно съ существующимъ спросомъ. Какъ бы рѣдки ни были прирожденныя или развитыя образованіемъ способности человѣка, какъ бы рѣдки ни были машины, обладающія необычайною производительною силою, какими исключительными свойствами не отличалась-бы почва, какія выгоды не представляла-бы данная мѣстность; но эти силы могутъ доставить доходъ только тогда, когда на нихъ существуетъ спросъ, и доходъ будетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе спросъ, и чѣмъ ограниченнѣе предложеніе. Монопольный элементъ сдѣлался-бы дѣйствительно источникомъ силы, преобладанія и порабощенія, еслибы успѣхи науки и искусства, еслибы возвышеніе общаго уровня образованія не увеличивали предложенія труда, отличавшагося нѣкогда большою рѣдкостію, не размножали орудій производства и капиталовъ вообще, не подчиняли дѣятельности природы человѣческой изобрѣтательности и не доставляли человѣку средствъ къ замѣну рѣдкихъ силъ и произведеній природы силами и произведеніями, созданными творческимъ геніемъ человѣка. Нѣтъ такой естественной монополіи, которая поставляла-бы человѣку непреодолимую преграду для увеличенія предложенія; напротивъ, можно сказать, что при свободномъ соперничествѣ, рента составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ побужденій къ разрушенію монополій.

Поземельный доходъ есть одна изъ главнѣйшихъ отраслей доходовъ, доставляемыхъ естественною монополіею и относится къ предметамъ наиболѣе разработаннымъ наукою; поэтому, вмѣсто того чтобы разсматривать общій вопросъ о рентѣ, можно ограничиться рентою поземельною, такъ какъ все что можно сказать объ этомъ монопольномъ доходѣ, вполнѣ примѣнимо къ другимъ однороднымъ доходамъ, — извлекаются-ли они изъ труда, или изъ капитала.

Поземельный доходъ очень рѣдко является въ чистомъ видѣ и по общему правилу всегда бываетъ смѣшанъ съ заработною платою, а въ особенности съ процентомъ съ капитала. Таковъ поземельный доходъ всего землевладѣльческаго класса, который самъ воздѣлываетъ землю. Доходъ, получаемый собственникомъ, раздающимъ свои земли съемщикамъ, составляетъ отчасти плату за капиталъ, употребленный на занятіе, разчистку, осушеніе и удобреніе земли. Наконецъ, при болѣе искусственномъ сельскомъ хозяйствѣ, въ составъ поземельнаго дохода входитъ процентъ съ капитала, употребленнаго на постройки, на орудія, на содержаніе скота и пр. Съемщики берутъ въ содержаніе не одно данное пространство земли, но землю со всѣми необходимыми принадлежностями для веденія хозяйства.

Болѣе систематическая и научная разработка теоріи ренты начинается съ физіократовъ. По ученію ихъ, земледѣльческая промышленность не только оплачиваетъ издержки производства, но даетъ еще чистый доходъ, который достается на долю землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, физіократы объясняли происхожденіе ренты избыткомъ произведеній земли, которыя вознаграждаютъ земледѣльца за всѣ сдѣланныя имъ затраты и даютъ еще излишекъ. Впослѣдствіи мнѣнія физіократовъ раздѣлились. Не отказываясь отъ первоначальнаго взгляда, высказаннаго основателемъ школы Кенэ, аббатъ Бодо приписывалъ происхожденіе ренты первоначальнымъ затратамъ—avances primitives—издержкамъ на разчистку земли, а Тюрго видѣлъ въ ней слѣдствіе естественной монополіи, предоставляемой поземельною собственностію.

Мысли Кенэ и Тюрго были усвоены А. Смитомъ. Оброчная плата, говоритъ А. Смитъ, есть высшая цѣна, которую можетъ платить съемщикъ за пользованіе землею. Землевладѣлецъ старается оставить съемщику только то, что необходимо для покрытія издержекъ производства съ придачею доли, составляющей обыкновенную прибыль—остатокъ онъ старается удержать за собою какъ ренту. Рента есть монопольная плата за землю. Спросъ на нѣкоторыя произведенія такъ силенъ, что земля, съ которой они получаются, всегда даетъ ренту. Спросъ на другія произведенія бываетъ сильнѣе или слабѣе, такъ что они иногда даютъ, а иногда и не даютъ ренты. Отсюда слѣдуетъ, что между тѣмъ какъ заработная плата и прибыль имѣютъ вліяніе на возвышеніе или пониженіе цѣнъ, рента составляетъ только результатъ цѣнъ.

Земля, предназначенная для добыванія пищи, всегда даетъ ренту. Населеніе всегда пропорціонально средствамъ существованія; но земля даетъ болѣе средствъ, чѣмъ нужно для содержанія рабочихъ, участвующихъ въ производствѣ,—остатокъ составляетъ ренту, которая бываетъ болѣе или менѣе значительною, смотря по положенію и по плодородію земли Избытокъ предметовъ продовольствія позволяетъ пріобрѣтать всѣ другіе предметы, составляющіе излишекъ. Тѣ, которые обладаютъ этимъ избыткомъ средствъ продовольствія, стараются обмѣнять его на предметы роскоши. Бѣдные, ради пріобрѣтенія средствъ существованія, трудятся для удовлетворенія прихотямъ богатыхъ, и въ видахъ обезпеченія себѣ заработка, соперничаютъ другъ съ другомъ дешевизною и доброкачественностію своихъ произведеній. Число рабочихъ возрастаетъ съ количествомъ средствъ для продовольствія, и такъ какъ трудъ ихъ допускаетъ чрезвычайное подраздѣленіе, то количество переработываемаго вещества увеличивается быстрѣе, чѣмъ ихъ число. Отсюда непрерывно возрастающее требованіе на всѣ сырые матеріалы. Такимъ образомъ первое начало ренты заключается въ средствахъ продовольствія, и если какое-либо другое произведеніе земли даетъ въ послѣдствіи ренту, то это происходитъ отъ могущества, пріобрѣтеннаго трудомъ, отъ увеличенія производства вслѣдствіе улучшеній въ земледѣліи.

Прочія произведенія, замѣчаетъ А. Смитъ, не всегда даютъ ренту. Рента, доставляемая каменноугольными копями, зависитъ отъ богатства копей и отъ ихъ мѣстоположенія и регулируется вообще самыми богатыми копями, подъ вліяніемъ цѣнъ, существующихъ на дерево. Вообще, по словамъ Смита, каменноугольная рента гораздо менѣе ренты, доставляемой пахатною землею: тогда какъ послѣдняя составляетъ $^1/_3$ валоваго дохода, первая не превышаетъ $^1/_5$ и даже $^1/_{10}$. Рента, доставляемая рудниками, болѣе зависитъ отъ ихъ богатства, чѣмъ отъ мѣстоположенія. Цѣна японской мѣди имѣетъ вліяніе на ренту мѣдныхъ рудниковъ въ Европѣ. Такимъ образомъ Смитъ находитъ, что ренты горная и земледѣльческая установляются на основаніи различныхъ началъ. Между тѣмъ какъ безплодныя земли выигрываютъ отъ сосѣдства плодородныхъ, бѣдные рудники и копи, находящіеся въ сосѣдствѣ богатыхъ, остаются безъ разработки

Въ ученіи Смита о рентѣ оказался матеріалъ, достаточный для построенія теорій Рикардо и Мальтуса. По Рикардо рента есть та

часть произведеній земли, которая уплачивается владѣльцу за право пользованія производительными, неразрушимыми силами земли. Когда люди заселяютъ богатую и плодородную страну, когда достаточно обработать небольшое пространство для прокормленія населенія и когда обработка не требуетъ капитала сверхъ того, которымъ обладаютъ поселенцы, тогда не можетъ быть ренты. Кто вздумалъ-бы платить за право воздѣлывать почву въ то время, когда находится много безхозяйныхъ земель, которыя могутъ быть обработаны каждымъ желающимъ? Въ силу закона спроса и предложенія ренту не платятъ за землю по той же самой причинѣ, по которой не платятъ за право пользованія воздухомъ, водою и за всѣ другіе дары природы, находящіеся въ неограниченномъ количествѣ. Еслибы земля имѣла неограниченное пространство и одинаковое качество, то нельзя было-бы ничего требовать за право обработки, исключая развѣ тѣ случаи, когда участки представляютъ извѣстныя выгоды по своему мѣстоположенію. И такъ, рента платится за право обработки единственно потому, что земля обладаетъ разнообразною производительною силою, и что при возрастаніи населенія, разчищаются земли худшаго качества или представляющія меньшія мѣстныя удобства. Когда, вслѣдствіе успѣховъ общества, приступятъ къ обработкѣ земель второстепеннаго плодородія (земель 2-го разряда), тогда земли перваго разряда начнутъ приносить ренту и величина послѣдней будетъ зависѣть отъ различія въ относительномъ качествѣ обоихъ разрядовъ земли. Если земли перваго разряда даютъ 100 квартеровъ, а втораго 90 квартеровъ, при употребленіи равнаго капитала, то по выдѣлѣ заработной платы, отъ произведеній земель перваго разряда получится остатокъ, который составитъ ренту. Когда приступятъ къ обработкѣ земель третьяго разряда, тогда установится тотчасъ же рента для земель втораго разряда и будетъ регулироваться различіемъ въ ихъ производительности. Въ это же время возвысится рента земель перваго разряда, потому она должна быть всегда выше ренты земель втораго разряда, соразмѣрно съ количествомъ произведеній, которыя добываются даннымъ количествомъ труда и капитала. При каждомъ возрастаніи населенія, заставляющемъ народъ воздѣлывать земли худшаго качества, плата за наемъ лучшихъ земель будетъ возвышаться.

Вмѣсто того, чтобы обрабатывать худшія земли, можно употребить на воздѣлываніе лучшихъ двойной, и тройной капиталъ противъ

прежняго (№ 2 и № 3). Каждая послѣдующая порція капитала—№ 2, № 3—дастъ меньшее и меньшее количество произведеній. Такимъ образомъ, при употребленіи въ земледѣліи капитала № 2, капиталъ № 1 начнетъ приносить ренту; равнымъ образомъ, при употребленіи № 3 капитала, № 2 начнетъ приносить ренту, а рента, доставляемая капиталомъ № 1, возвысится еще болѣе—рента будетъ равняться разности между произведеніями, полученными, при употребленіи двухъ равныхъ количествъ труда и капитала. Такимъ образомъ рента есть слѣдствіе возрастанія народнаго богатства и увеличенія трудности пріобрѣтенія средствъ существованія для возрастающаго населенія. Это признакъ, а не причина богатства. Рента можетъ оставаться неизмѣнною и даже падать, между тѣмъ какъ богатство возрастаетъ. Рента есть слѣдствіе, а не причина высокихъ цѣнъ произведеній. Еслибы производство потребовало большаго труда и владѣльцы земли отказались отъ ренты, то цѣны произведеній не могли-бы понизиться.

Рента, по мнѣнію Рикардо, составляетъ особенность земледѣльческой промышленности. Въ мануфактурахъ, введеніе каждой новой машины, каждое новое улучшеніе не увеличиваетъ, а напротивъ уменьшаетъ доходы, доставляемые старыми машинами. Въ земледѣліи, переходъ къ воздѣлыванію новыхъ, менѣе плодородныхъ участковъ земли сопровождается увеличеніемъ доходовъ, доставляемыхъ старыми, болѣе плодородными участками. Впрочемъ, это возрастаніе рентъ не составляетъ, по Рикардо, роковой неизбѣжной принадлежности развитія народнаго хозяйства. Ренты уменьшаются, не только при упадкѣ земледѣлія и народнаго богатства, когда оставляется обработка худшихъ участковъ, за недостаткомъ спроса на произведенія и капиталы, но также и вслѣдствіе улучшеній земледѣлія.

Улучшенія или увеличиваютъ производительныя силы земли посредствомъ введенія лучшихъ методъ удобренія, лучшей смѣны посѣвовъ и пр., или сберегаютъ трудъ и капиталъ, благодаря усовершенствованнымъ орудіямъ, улучшенію скотоводства и т. п.

Увеличеніе производительности почвы даетъ возможность, при одной и той же силѣ спроса, ограничиться обработкой болѣе плодородныхъ земель. Сбереженіе въ употребленіи капитала и его большая производительность дѣлаютъ одну долю капитала не нужною, слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ рента должна понизиться.

Обыкновенно экономисты упускаютъ изъ виду эти послѣднія сооб-

раженія Рикардо, которыя допускаютъ возможность пониженія поземельнаго дохода и отнимаютъ въ нѣкоторой степени фаталистическій характеръ у изложенной теоріи ренты.

Мальтусъ принимаетъ нѣсколько причинъ происхожденія ренты. Онъ пытается примирить ученіе физіократовъ и Смита объ избыткѣ произведеній, доставляемыхъ земледѣліемъ и создающимъ спросъ, съ ученіемъ о рентѣ, какъ о монопольномъ доходѣ, и съ теоріею Рикардо, которую онъ допускаетъ, впрочемъ, съ значительными ограниченіями.

Рента, по словамъ Мальтуса, есть та часть цѣнности общаго итога произведеній, которая остается поземельному владѣльцу, по уплатѣ издержекъ производства, включая въ послѣднія прибыль съ затраченнаго капитала. Рента—это излишекъ въ цѣнѣ извѣстныхъ произведеній, по вычетѣ изъ послѣдней заработной платы и прибыли.

Большая часть экономистовъ, говоритъ Мальтусъ, разсматриваютъ ренту, какъ слѣдствіе монополіи. Дѣйствительно: ограниченное пространство и различное плодородіе земли сообщаютъ рентѣ монопольный характеръ; но излишекъ, превышающій издержки производства (а слѣдовательно и рента), происходитъ отъ трехъ причинъ.

1) Земля даетъ болѣе средствъ существованія, чѣмъ нужно для продовольствія рабочихъ.

2) Предметы продовольствія, надлежащимъ образомъ распредѣленные, сами создаютъ спросъ и увеличиваютъ число потребителей пропорціонально производству.

3) Земля имѣетъ различное плодородіе.

Первая причина не имѣетъ ничего общаго съ монополіею, а между тѣмъ это существенное условіе для происхожденія ренты. Безъ пріобрѣтеннаго земледѣльцами излишка, сверхъ необходимаго для ихъ продовольствія, не было-бы и ренты. Излишекъ создаетъ спросъ. Въ этомъ заключается существенное различіе между хлѣбопашествомъ и др отраслями промышленности. Еслибы плодородіе земель уменьшилось на половину, то уменьшилось-бы и населеніе, еслибы уменьшилось богатство копей или производительность виноградниковъ, доставляющихъ рѣдкія вина, то богатство народа не пострадало-бы, несмотря на уменьшеніе ренты. Поэтому цѣна возвышается надъ издержками производства, при обыкновенной монополіи—вслѣдствіе интенсивности монополіи или внѣшняго спроса; въ земледѣліи—вслѣдствіе избытка производства, естественнаго или искусственнаго плодородія земли. Можно-ли послѣ

этого сказать, что рента ничего не прибавляетъ къ народному богатству, что это простой трансфертъ цѣнности, выгодный для собственниковъ, но не для потребителей? Рента есть даръ Божій, безъ котораго не было-бы ни городовъ, ни искусства.

Объяснивъ природу и причину происхожденія ренты, Мальтусъ указываетъ на отдѣленіе ея отъ прибыли и заработной платы. Пока поселенцы, говоритъ онъ, обрабатываютъ однѣ лишь плодородныя земли, находящіяся въ изобиліи, до тѣхъ поръ не можетъ быть ренты—рента возникаетъ тогда, когда начинается обработка земель различнаго плодородія и представляющихъ разныя мѣстныя выгоды Подъ вліяніемъ трехъ указанныхъ выше причинъ, рента выдѣляется вмѣстѣ съ накопленіемъ капиталовъ и пониженіемъ прибыли, съ увеличеніемъ населенія и пониженіемъ заработной платы.

Возрастаніе капиталовъ и числа рабочихъ позволяетъ обрабатывать худшія земли, при чемъ лучшія начинаютъ приносить ренту. Но, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ-ли земля одному государю, какъ это было на Востокѣ, или немногимъ поземельнымъ владѣльцамъ, однимъ словомъ, какого-бы рода ни была монополія,—способность платить ренту зависитъ отъ плодородія земли, отъ излишка, превышающаго издержки производства. Такимъ образомъ, выдѣленіе ренты наступаетъ при пониженіи прибыли и заработной платы, вслѣдствіе рѣдкости плодородныхъ земель, происходитъ-ли эта рѣдкость отъ увеличенія богатства и населенія, или отъ искусственной монополіи, задерживающей только развитіе народнаго богатства.

Что касается причинъ возвышенія ренты, то Мальтусъ относитъ къ нимъ четыре слѣдующія: 1) накопленіе капитала и пониженіе прибыли; 2) увеличеніе населенія и пониженіе заработной платы; 3) улучшеніе земледѣлія, и 4) возрастаніе количества произведеній земли. Наоборотъ, уменьшеніе капитала и населенія, дурная система земледѣлія и низкія цѣны хлѣба уменьшаютъ производство и влекутъ за собою пониженіе ренты. Первыя двѣ причины возвышенія ренты могутъ нейтрализировать другъ друга, т. е. при пониженіи прибыли можетъ расти заработная плата; но обыкновенно и прибыль, и заработная плата падаютъ вмѣстѣ, при чемъ издержки производства уменьшаются, а рента возрастаетъ. Улучшенія въ земледѣліи, состоящія въ уменьшеніи издержекъ производства, для пріобрѣтенія прежняго количества произведеній, если производство не возрастаетъ, не возвысятъ цѣнъ; но прибыли съем-

щиковъ сдѣлаются чрезмѣрными, капиталы притекутъ въ земледѣліе, избытокъ производства, возросшій также вслѣдствіе уменьшенія расходовъ на обработку, увеличитъ еще болѣе ренту. При возрастающемъ производствѣ, цѣны на хлѣбъ понизятся только временно; такъ какъ предметы продовольствія сами создаютъ для себѣ спросъ, то цѣны хлѣба и заработная плата могутъ возрасти въ свою очередь. Такимъ образомъ, при земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ, рента можетъ возрастать, между тѣмъ какъ въ цѣнности хлѣба, въ реальной величинѣ заработней платы и въ прибыли не произойдетъ существеннаго измѣненія. Четвертая причина возрастанія ренты—возвышеніе цѣнъ на земледѣльческія произведенія, происходящее отъ усиленія спроса. Это возвышеніе цѣнъ, увеличивая цѣнность труда на деньги, или понижая цѣнность монеты, сопровождается, однакоже, относительнымъ—временнымъ или постояннымъ—уменьшеніемъ затратъ съемщика.

При сильномъ заграничномъ спросѣ, и при возвышеніи цѣнъ на земледѣльческія произведенія, цѣна труда возвысится, въ особенности относительно привозныхъ товаровъ, деньги подешевѣютъ, рента возрастетъ, прибыль не понизится.

Подобное явленіе обнаружилось-бы въ странѣ, которая продолжала-бы продовольствовать свое населеніе заграничнымъ хлѣбомъ, покупаемымъ въ обмѣнъ на обработанныя произведенія, находящія хорошій сбытъ. Въ такой странѣ цѣны труда и земледѣльческихъ произведеній возрастутъ. Развитіе торговли и мануфактуръ, поощряя земледѣліе, могутъ способствовать возвышенію заработней платы въ торговой и обработывающей промышленности и хлѣбныхъ цѣнъ, но, при увеличеніи числа рабочихъ, и возвышеніе заработней платы можетъ не имѣть мѣста, а вздорожаетъ только хлѣбъ.

Если заработная плата и хлѣбъ возвысятся, а деньги понизятся въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ обработанныя произведенія будутъ дешевы,—издержки производства могутъ не измѣниться; но капиталы направятся въ земледѣліе и ренты возрастутъ. Таковы послѣдствія пониженія цѣнности денегъ, послѣдствія неизбѣжныя, потому что они могутъ вызвать реакцію.

Возможность затраты капитала или въ обрабатываемой землѣ, или на новыхъ участкахъ, подлежащихъ разчисткѣ, зависитъ отъ возвышенія цѣнъ, которыя, при извѣстной величинѣ издержекъ производства, увеличиваютъ ренту. Впрочемъ, и при небольшомъ возвышеніи цѣнъ, об-

работка можетъ значительно распространиться, а количество произведеній можетъ возрасти въ сильнѣйшей степени, чѣмъ рента.

Предъидущія соображенія приводятъ къ заключенію, что возрастаніе ренты связано съ улучшеніями земледѣлія.

Что же касается цѣнъ земледѣльческихъ произведеній, то, по мнѣнію Мальтуса, цѣны эти не могутъ быть многимъ выше издержекъ производства—иначе послѣдовали-бы новыя затраты и увеличеніе предложенія; но тѣмъ не менѣе цѣна хлѣба должна быть равна издержкамъ производства на самыхъ худшихъ земляхъ въ сложности съ рентою, которую можно было-бы получить съ сихъ земель въ ихъ естественномъ состояніи, или же цѣна хлѣба должна быть равна издержкамъ производства на старыхъ участкахъ земли, приносящихъ обыкновенную прибыль безъ ренты, или съ весьма малою рентою. Различіе въ отношеніи между цѣнами и издержками производства въ мануфактурахъ и въ земледѣліи, а также въ послѣдствіяхъ колебанія цѣнъ для той или другой отрасли промышленности, состоитъ въ слѣдующемъ: и въ мануфактурахъ цѣны соображаются также съ издержками производства, но если цѣны обработанныхъ произведеній упадутъ ниже издержекъ, то тѣ отрасли, которыя будутъ застигнуты этимъ упадкомъ цѣнъ, погибнутъ, въ земледѣліи же уменьшится только количество продукта. Въ мануфактурахъ цѣны понижаются до издержекъ производства при употребленіи лучшихъ машинъ; въ земледѣліи, переходъ происходитъ не отъ худшихъ къ лучшимъ, а отъ лучшихъ къ худшимъ участкамъ, и цѣны возвышаются по мѣрѣ этого перехода, при чемъ лучшіе участки даютъ ренту; но это не единственная причина ренты. Для происхожденія послѣдней достаточно двухъ первыхъ причинъ, и Рикардо ошибается, объясняя движеніе ренты градаціею земель и капиталовъ—рента съ этою градаціею не сообразуется.

Въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ Мальтусъ уясняетъ связь между богатствомъ и высокою цѣною произведеній земли, возстаетъ противъ высокихъ оброковъ, наносящихъ вредъ и землевладѣльцамъ, и государству, и доказываетъ, что интересы земледѣльцевъ и государства не находятся въ противорѣчіи между собою, ссылаясь въ послѣднемъ случаѣ, главнымъ образомъ, на то, что рента возрастаетъ при накопленіи капиталовъ и при улучшеніяхъ земледѣлія.

Въ предъидущемъ указаны только главныя выдающіяся черты теоріи Мальтуса. Уловить ихъ не легко, и представленный сжатый

очеркъ не исчерпываетъ содержанія его ученія о рентѣ. Причина этому заключается въ слѣдующемъ: Рикардо выходитъ изъ нѣсколькихъ не многихъ предположеній, и на основаніи ихъ излагаетъ свою доктрину, Мальтусъ—увеличиваетъ число гипотезъ до послѣдней возможности. На каждой страницѣ Мальтусъ вводитъ новыя посылки и ставитъ ихъ въ самыя разнообразныя сочетанія съ прежними. Очевидно, что подобный способъ изслѣдованій значительно затрудняетъ отдѣленіе общаго и главнаго отъ частнаго и второстепеннаго. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что ученіе Мальтуса, представляющее развитіе идей физіократовъ и Смита, въ связи съ нѣкоторыми изъ положеній Рикардо, представляетъ большой интересъ—это доведеніе гипотетическихъ пріемовъ до предѣловъ невозможнаго и ограниченіе теоріи ренты одною лишь земледѣльческою промышленностію.

Между тѣмъ какъ англійская экономическая школа видѣла въ рентѣ даръ природы, Кэри и его послѣдователи въ Европѣ—Бастіа, Фонтнэ, Рикардсъ, Виртъ и др. приписывали происхожденіе ренты накопленію капиталовъ и видѣли въ ней процентъ съ капитала.

Кэри въ »Началахъ политической экономіи« разсматриваетъ три случая:

1) Обработку земель равнаго плодородія, при отсутствіи сбыта,—послѣднимъ условіемъ онъ хочетъ устранить вліяніе разстояній отъ рынка на доходы и на цѣнность земель.

2) Обработку земель равнаго плодородія, находящихся въ различномъ разстояніи отъ мѣстъ сбыта.

3) Обработку земель разнаго плодородія, на различныхъ разстояніяхъ отъ рынка.

Обратимся, говоритъ Кэри, къ первой гипотезѣ. Положимъ, что небольшое число семействъ поселится среди обширнаго пространства земли равнаго плодородія, и что каждое будетъ производить все, что необходимо для его потребленія, не вступая въ мѣновыя сдѣлки съ сосѣдями. По мѣрѣ улучшенія орудій для обработки земли, фермы начнутъ возникать съ большею быстротою; ферма, доставляющая въ годъ 200 мѣръ хлѣба, можетъ быть устроена сначала 3-хъ годовымъ, потомъ 27-ми мѣсячнымъ, наконецъ 20 мѣсячнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, трудъ и капиталъ сдѣлаются въ теченіи времени производительнѣе, общая сумма дохода возрастетъ, труду достанется бо́льшая доля произведенія, потому что въ позднѣйшую эпоху арендаторъ ра-

ботникъ не согласится дать за пользованіе землею плату, которую могъ бы потребовать отъ него владѣлецъ въ прежнее время, когда машина, производящая хлѣбъ (т. е. расчищенный и подготовленный для обработки участокъ земли), требовала вмѣсто 20-ти мѣсячной, 27-ми или 36-ти мѣсячной работы. Другими словами, рента, какъ процентъ изъ общаго итога произведеній, понизится, хотя количество хлѣба, получаемаго владѣльцемъ, будетъ болѣе; такъ напр., получая съ 200 мѣръ 1/4 долю, или 25%, владѣлецъ будетъ имѣть 50 мѣръ, а получая съ 300 мѣръ 1/5 долю, или 20%, онъ будетъ имѣть 60 мѣръ.

Цѣнность воздѣланныхъ участковъ земли, подобно другимъ цѣнностямъ, будетъ понижаться до предѣла, опредѣляемаго количествомъ труда, необходимаго для воспроизведенія *орудія*, дающаго извѣстное количество хлѣба. Цѣнность старыхъ фермъ, выраженная произведеніями, возрастетъ, потому что при увеличеніи капиталовъ, можно будетъ съ тѣхъ же участковъ добыть болѣе хлѣба. Наконецъ цѣнность старыхъ фермъ, выраженная сложностію годоваго дохода за нѣсколько лѣтъ, возвысится, потому что рента, какъ доля изъ общей массы произведеній, сдѣлается менѣе.

Переходя къ разсмотрѣнію вліянія разстоянія поземельныхъ участковъ отъ мѣста сбыта на доходы и на стоимость земель одинакого плодородія, Кэри замѣчаетъ, что прибыль, доставляемая близостію сбыта, или какъ обыкновенно говорятъ выгодами мѣстоположенія, есть слѣдствіе употребленія капиталовъ на устройство складовъ, на проведеніе дорогъ и пр. Здѣсь происходитъ также улучшеніе качества труда и пониженіе стоимости капитала, накопленнаго трудомъ. Такимъ образомъ всѣ выводы, которые сдѣланы были для перваго случая, относительно цѣнности участковъ земли и измѣненій въ доходахъ, сохраняютъ свою силу и для втораго.

Остается третье предположеніе, именно—земли разнаго качества находятся на неодинаковомъ разстояніи отъ мѣстъ сбыта. Когда обработка распространится на всѣ земли высшаго плодородія въ ближайшей мѣстности къ рынку, тогда на лучшихъ земляхъ, болѣе отдаленныхъ, при помощи лучшихъ орудій, можно тѣмъ же трудомъ добыть бо́льшее количество произведеній, но потребуются издержки на провозъ. Поэтому можетъ оказаться безразличнымъ—обрабатывать-ли худшія земли въ ближайшей мѣстности, или лучшія въ болѣе отдаленной. Если первыя могутъ дать бо́льшую выручку, чѣмъ вторыя,

то обработка худшей почвы будетъ выгоднѣе. Вопросъ не въ томъ: сколько можно получить произведеній, но какую цѣнность можно произвести даннымъ количествомъ труда. Близость рынка замѣняетъ для худшихъ участковъ преимущество въ качествѣ почвы. По мѣрѣ распространенія обработки на болѣе отдаленныя земли лучшаго качества, будутъ воздѣлываться худшія, ближайшія. То, что сдѣлаютъ улучшенныя дороги и орудія для первыхъ, то сдѣлаютъ лучшія орудія и лучшіе способы обработки для вторыхъ. Владѣлецъ получитъ болѣе произведеній противу того, что онъ получалъ нѣкогда съ земель перваго качества, фермы станутъ устроиваться съ меньшимъ трудомъ и цѣнность прежде устроенныхъ упадетъ ниже стоимости употребляемаго на нихъ труда. Доля поземельнаго владѣльца уменьшится, доля арендатора увеличится. Такимъ образомъ для земель различнаго плодородія получатся тѣже результаты, какъ и для земель одинакого качества, находящихся на разныхъ разстояніяхъ. Съ возрастаніемъ труда и капитала, земледѣліе обратится къ землямъ худшимъ по природнымъ качествамъ, но вознагражденіе труда увеличится при лучшихъ методахъ хозяйства.

Вопреки мнѣнію Рикардо, въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, Кэри развилъ мысль, что обработка начинается не съ лучшихъ, а съ худшихъ, болѣе легкихъ земель. При грубыхъ несовершенныхъ орудіяхъ обработки, земледѣльцы вездѣ предпочитали земли, не требовавшія разчистки, болѣе плодороднымъ участкамъ, занятымъ лѣсами и болотами, воздѣлываніе которыхъ требовало затраты большаго капитала. Эту мысль Кэри подкрѣпляетъ множествомъ примѣровъ изъ исторіи земледѣлія всѣхъ странъ земнаго шара.

Очевидно, что изложенныя въ предъидущемъ теоріи поземельнаго дохода основаны, главнымъ образомъ, на предположеніяхъ и на частныхъ наблюденіяхъ. Смитъ и Мальтусъ съ одной, Кэри и многочисленные его приверженцы съ другой стороны, приводятъ много данныхъ въ подтвержденіе своихъ мыслей, но послѣднія не составляютъ выводовъ изъ правильно разработанныхъ статистическихъ данныхъ.

Неподлежитъ сомнѣнію, что нѣтъ никакой возможности отдѣлить въ поземельномъ доходѣ ренту отъ прибыли; что поземельный доходъ зависитъ отъ того, затрачено-ли бо́льшее или меньшее количество капиталовъ въ данной мѣстности, въ разнообразныхъ отрасляхъ промышленности, и что наконецъ сама поземельная собственность есть особый видъ

капитала; только доходъ, приносимый этимъ капиталомъ, опредѣляется съ пространства, а не съ цѣнности въ видѣ сотыхъ долей или процентовъ.

За тѣмъ, что касается причинъ происхожденія ренты —присвоенія земли, избытка произведеній, доставляемыхъ земледѣліемъ сверхъ необходимаго для покрытія затратъ, различія въ плодородіи участковъ, выгодъ мѣстности и капитальныхъ затратъ, то въ сущности это не болѣе какъ условія, отъ которыхъ зависитъ поземельный доходъ, опредѣляемый спросомъ и предложеніемъ, условія далеко не исключительно свойственныя земледѣльческой промышленности. Присвоеніе земли безспорно составляетъ причину происхожденія дохода, но причину, свойственную всѣмъ видамъ собственности вообще. Доходъ составляетъ результатъ присвоенія—или вслѣдствіе сдѣланныхъ затратъ, или вслѣдствіе исключительнаго, монопольнаго обладанія, ограничивающаго соперничество. Избытокъ дохода, доставляемаго земледѣліемъ—основная мысль физіократизма, перешедшая къ Смиту и Мальтусу—не есть отличительное свойство хлѣбопашества. Каждая отрасль промышленности доставляетъ средства для удовлетворенія потребностямъ производителей предметами ихъ производства, даетъ излишекъ, для удовлетворенія потребностямъ другихъ лицъ. Для существованія человѣка необходимъ не только хлѣбъ, но также и др. предметы, и производство этихъ предметовъ, позволяя населенію умножаться и существовать, въ извѣстной мѣрѣ также создаетъ спросъ. Различіе въ плодородіи участковъ есть безсомнѣнія одна изъ причинъ ренты, но рента не есть результатъ естественныхъ неразрушимыхъ силъ земли, потому что естественное плодородіе земли истощается рядомъ непрерывныхъ жатвъ, собранныхъ съ извѣстнаго пространства, и возстановленіе плодородія требуетъ удобренія. Лучшія возраженія противъ ученія, объясняющаго происхожденіе ренты переходомъ отъ лучшихъ къ худшимъ землямъ, можно найти въ фактахъ, приводимыхъ приверженцами старыхъ теорій, напр. Пасси—въ »Системахъ обработки« и Рошеромъ—въ его »Національной экономіи«. Пасси свидѣтельствуетъ, что земли, которыя при первоначальномъ производствѣ кадастра считались самыми неплодородными, при повѣркѣ кадастра были причислены къ наиболѣе плодороднымъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ нихъ улучшеній.

Рошеръ приводитъ изъ Гейшлинга слѣдующую таблицу рентъ, получаемыхъ въ Бельгіи съ гектара. Гектаръ

	Ренты.	% съ капитала.
Земли самой плодородной давалъ	88 фр.	2,5.
» менѣе плодородной - -	64 —	2,8.
» въ Люксамбургѣ - -	36 —	3,8.
» — Арденнахъ - - -	31 —	5,2.

Такимъ образомъ, чѣмъ выше рента, которую приноситъ земля, тѣмъ значительнѣе капиталъ затраченный, и тѣмъ менѣе этотъ капиталъ приноситъ процентовъ.

Излишне настаивать на томъ, что предположеніе о повсемѣстномъ переходѣ обработки отъ земель болѣе плодородныхъ къ менѣе плодороднымъ столь же мало достовѣрно, какъ и другое противуположное—о повсемѣстномъ переходѣ отъ земель менѣе плодородныхъ къ болѣе плодороднымъ. Пока споръ ведется на такихъ основаніяхъ, что можно доказывать положенія совершенно противуположныя, очевидно, что не можетъ быть и рѣчи о точныхъ научныхъ результатахъ. Не трудно однакоже убѣдиться, что переходъ отъ лучшихъ къ худшимъ землямъ стольже возможенъ, какъ и переходъ отъ худшихъ къ лучшимъ;—то и другое зависитъ отъ условій, въ которыхъ находится промышленность.

Точныя изслѣдованія о рентѣ составляютъ еще задачу будущаго. Все что мы знаемъ—ограничивается лишь тѣмъ, что рента опредѣляется спросомъ и предложеніемъ.

Спросъ на земли зависитъ:

Во 1-хъ, отъ цѣнности произведеній земли. Чѣмъ дороже оплачиваются земледѣльческія произведенія, тѣмъ сильнѣе будетъ при данныхъ обстоятельствахъ спросъ на земли. Вотъ почему говорятъ, что поземельная рента зависитъ отъ цѣнъ на хлѣбъ—съ возвышеніемъ цѣнъ рента поднимается, съ пониженіемъ—падаетъ.

Во 2-хъ, отъ выгодъ, представляемыхъ землевладѣніемъ. Этѣ выгоды могутъ быть различны. Для крестьянина-собственника, по прекрасному выраженію Милля, земля составляетъ сберегательную кассу, въ которой накопляется капиталъ, постепенно создаваемый трудомъ. Для мелкаго съемщика участокъ земли есть средство для прокормленія себя и своего семейства. Для капиталиста, въ тяжкое время колебанія цѣнности бумажно-денежной единицы, земля составляетъ вѣрное помѣщеніе.

Въ 3-хъ, отъ накопленія свободныхъ капиталовъ и отъ выгоды, представляемой затратою ихъ въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Чѣмъ значительнѣе накопившіеся капиталы, чѣмъ болѣе случайностей, угрожающихъ затратамъ капиталовъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, тѣмъ сильнѣе будетъ спросъ на земли.

При сильномъ спросѣ цѣнность земли возрастаетъ, рента, какъ процентъ съ капитала, легко можетъ понизиться, но какъ доходъ съ даннаго пространства земли она всегда будетъ выше, чѣмъ при слабомъ спросѣ. Впрочемъ нерѣдко доходъ съ земли растетъ и какъ процентъ съ затраченнаго въ нее капитала, и какъ рента съ даннаго пространства. Это явленіе становится особенно замѣтнымъ въ періодъ упадка цѣнности бумажныхъ денегъ, при сильномъ возбужденіи, вызванномъ въ промышленности усиленными ихъ выпусками.

Предложеніе земель зависитъ:

Во-первыхъ, отъ естественныхъ причинъ. Количество земель, наиболѣе способныхъ производить хлѣбныя растенія и деревья или служить для разведенія хорошаго винограда, ограничено природою. Тоже самое должно сказать о пространствѣ земель, съ которыхъ добываются нѣкоторыя готовыя произведенія данныя природою, о мѣстахъ подъ постройками въ центрѣ большаго торговаго города, и даже о полосѣ земли, предназначенной для снабженія его жителей произведеніями, не переносящими отдаленной доставки.

Во-вторыхъ, предложеніе земель зависитъ отъ общественныхъ причинъ. Территорія государства можетъ занимать одно и тоже пространство, но предложеніе земель будетъ сильно или слабо, смотря по тому какъ установился фактъ землевладѣнія, какія права связаны съ обладаніемъ поземельною собственностію и какими средствами располагаютъ землевладѣльцы для воздѣлыванія земли. Если большая часть земель принадлежитъ государству и корпораціямъ, и относится къ неотчуждаемой собственности, то и при обиліи земель предложеніе ихъ можетъ быть ограничено. Напротивъ, если огромное пространство земли находится въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ, которые не имѣютъ ни средствъ, ни охоты для того, чтобы заняться ея обработкою, если при этомъ земледѣльцы состоятъ изъ крестьянъ-собственниковъ достаточно обезпеченныхъ землею, то рента можетъ быть низка, но явленіе это всегда бываетъ преходящимъ—увеличеніе населенія усиливаетъ спросъ на хлѣбъ и возвышаетъ ренту; независимо отъ этого на возвышеніе ренты можетъ дѣйствовать и внѣшній спросъ, который

со времени распространенія желѣзныхъ дорогъ обнаруживаетъ свое вліяніе на самые отдаленные рынки.

Изъ представленнаго перечня причинъ, отъ которыхъ зависятъ спросъ и предложеніе, явствуетъ, что монопольный элементъ ренты не возрастаетъ безусловно, и что есть причины, которыя могутъ ослабить его силу.

Что касается спроса, то возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ не составляетъ роковаго неизбѣжнаго явленія. а) Улучшеніе системъ полеводства, какъ будетъ объяснено далѣе, можетъ подѣйствовать на пониженіе цѣнъ. Подобное явленіе было замѣчено въ теченіи 3-го и 4 го десятилѣтія настоящаго столѣтія. Притомъ цѣна не есть еще мѣрило дороговизны хлѣба; количество хлѣба, которое можетъ быть пріобрѣтено дневнымъ трудомъ, не смотря на возвышеніе цѣнъ, увеличилось въ теченіи истекшихъ 3-хъ столѣтій. б) При условіяхъ, благопріятствующихъ распространенію мелкой поземельной собственности, спросъ на земли и доставляемая ими рента могутъ возрастать; тѣмъ не менѣе, мелкая поземельная собственность способствуетъ скорѣе пониженію, нежели возвышенію цѣнъ на сельскія произведенія. При значительномъ сельскомъ населеніи, и при большомъ землевладѣніи, съемка земли мелкими арендаторами, способствуя возвышенію ренты, ведетъ неизбѣжно къ возбужденію аграрнаго вопроса, который можетъ быть разрѣшенъ только или выкупомъ оброчныхъ участковъ, или установленіемъ неизмѣнныхъ рентъ (Ирландія). в) Накопленіе свободныхъ капиталовъ возвышаетъ цѣну на земли, но затрата капиталовъ въ земледѣліи усиливаетъ производство, слѣдовательно понижаетъ монопольный доходъ отъ земли. Что же касается предпочтенія, отдаваемаго пріобрѣтенію земли, предъ другими видами собственности, подверженными бо́льшимъ случайностямъ, то это обстоятельство заставляетъ нерѣдко землевладѣльца довольствоваться доходомъ болѣе умѣреннымъ, нежели тотъ, который можетъ быть извлеченъ изъ капиталовъ, затрачиваемыхъ для другихъ цѣлей.

Переходя къ предложенію, нельзя не замѣтить, что естественныя препятствія, ограничивающія предложеніе земли, кажутся съ перваго взгляда неустранимыми. Пространство, занимаемое виноградниками, доставляющими вина бургонскія, рейнскія и венгерскія, не можетъ быть увеличено; но изъ существующаго факта нельзя еще заключить, чтобы искусство винодѣлія не могло сдѣлать новыхъ успѣховъ, и чтобы сос-

тавленіе искусственныхъ винъ относилось къ области фантазіи. Произведенія, которыя даются природою, могутъ быть истощены, однакоже нельзя утверждать, что наступила пора, когда естественныя средства оказываются уже недостаточными для удовлетворенія потребностямъ человѣка, и что нѣтъ возможности удешевить предметы потребленія. Истребленіе нѣкоторыхъ животныхъ сопровождается размноженіемъ другихъ (напр. искусственное разведеніе рыбы), истощеніе запасовъ минеральнаго топлива можетъ повести къ открытію новыхъ способовъ отопленія; дороговизна нѣкоторыхъ металловъ уменьшается вслѣдствіе или открытія другихъ (алюминій), или употребленія сплавовъ, служащихъ суррогатами.

За тѣмъ рента, составляющая слѣдствіе выгодъ, представляемыхъ положеніемъ мѣстности, можетъ также уменьшиться при усовершенствованіи сообщеній. Желѣзныя дороги и пароходы расширили область производства, изъ которой доставлялись молочные продукты, овощи, плоды, рыба, мясо и пр. Быть можетъ, со временемъ, и та высокая рента, которая платится въ центрѣ городовъ, понизится, вслѣдствіе возможности жить безъ особыхъ неудобствъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ средоточія городской дѣятельности. Есть признаки, что децентрализація населенія, о которой нѣкогда мечтали, когда началась постройка желѣзныхъ дорогъ, и вмѣсто которой наступило сильнѣйшее сосредоточеніе населенія въ городахъ, перейдетъ изъ области мечтаній въ дѣйствительность.

Наконецъ причины общественныя, ограничивающія предложеніе земель, относятся къ условіямъ, которыя находятся въ сильной зависимости отъ воли человѣка. Конечно измѣненіе законовъ и обычаевъ, способствующихъ сохраненію большой и неотчуждаемой поземельной собственности, происходитъ не вдругъ, но успѣхи народнаго хозяйства, гражданственности и образованія устраняютъ причины возвышенія рентъ.

Въ изложенныхъ соображеніяхъ, удостовѣряющихъ, что возвышеніе рентъ, вслѣдствіе возрастающей трудности удовлетворенія потребностямъ, не составляетъ непреложнаго, доказаннаго экономическаго закона много утѣшительнаго; но *соображенія* еще не составляютъ научныхъ выводовъ, а только основанія, которыми необходимо руководствоваться при собираніи и разработкѣ статистическихъ данныхъ.

IV. Отношеніе между тремя отраслями доходовъ.

Выдѣломъ доходовъ установляется раздѣлъ результатовъ производства. Этимъ раздѣломъ обусловливается благосостояніе различныхъ классовъ общества, ихъ духовное развитіе, общественное положеніе, а слѣдовательно и политическая жизнь государства. Изученіе фактическаго распредѣленія доходовъ началось, однакоже, въ очень недавнее время и нельзя сказать, чтобы къ изслѣдованіямъ этого рода были уже примѣнены удовлетворительные научные пріемы. Фактическое положеніе доходовъ въ извѣстной странѣ можетъ быть дознано при народосчисленіи. Опыты подобнаго народосчисленія сдѣланы въ Бельгіи, въ Англіи, въ Соединенныхъ штатахъ и въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи. Но недостаточно дѣлать денежную оцѣнку существующихъ капиталовъ, производства и распредѣленія чрезъ извѣстные промежутки времени, необходимо приводить заработки разныхъ классовъ къ опредѣленнымъ типамъ, составлять такіе же типическіе бюджеты потребленія, опредѣлять въ какой мѣрѣ составныя части этого потребленія могутъ быть пріобрѣтены трудомъ разныхъ классовъ общества и въ какомъ отношеніи находятся разные виды труда къ простому поденному труду.

Нечего говорить, что разрѣшеніе подобной задачи составляетъ дѣло будущаго, и что въ настоящее время отношеніе между доходами относится къ области гаданій. Доселѣ въ наукѣ принимаютъ двѣ гипотезы: первая—высказана Смитомъ и подробно развита Рикардо; вторая—принята Кэри и большинствомъ новѣйшихъ экономистовъ—Бастіа, Виртомъ и даже Шеффле.

По ученію А. Смита, какъ замѣчено было выше, до накопленія капиталовъ и до образованія поземельной собственности, все что произведено трудомъ принадлежитъ работнику. Съ появленіемъ капиталовъ и поземельной собственности, заработная плата терпитъ два вычета: одинъ въ пользу капиталиста—прибыль, другой въ пользу землевладѣльца—ренту. Дѣйствительная цѣна произведеній, выраженная трудомъ, распадается на три части: заработную плату, прибыль и ренту. Рента, составляя непосредственный результатъ усиленія спроса и возвышенія цѣнъ, увеличивается вмѣстѣ съ улучшеніемъ матеріальнаго состоянія общества и возрастаніемъ производства; сверхъ того она увеличивается непрямымъ образомъ, вслѣдствіе успѣховъ мануфактуръ, потому,

что земледѣлецъ можетъ даннымъ количествомъ земледѣльческихъ произведеній пріобрѣсть большее количество произведеній обрабатывающей промышленности. Заработная плата, по общему правилу, ограничивается необходимымъ для существованія рабочаго класса и возрастаетъ только при успѣхахъ народнаго богатства. Прибыль бываетъ высока въ странахъ бѣдныхъ, находящихся въ состояніи упадка, или же очень быстро развивающихся (колоніи); на оборотъ она бываетъ низка тогда, когда общество достигло высокой степени благосостоянія и когда богатство становится неподвижнымъ. Отсюда, заключаетъ Смитъ, интересы землевладѣльцевъ и рабочаго класса совпадаютъ, а интересы капиталистовъ находятся въ противорѣчіи съ интересами общества.

Рикардо выводитъ соотношеніе между доходами изъ принятой имъ теоріи ренты. По мѣрѣ того, какъ земледѣльцы переходятъ отъ обработки лучшихъ земель къ худшимъ, приходится употреблять болѣе труда для удовлетворенія существующему спросу, и номинальная заработная плата (т. е. заработная плата, выраженная деньгами) возрастаетъ, прибыль же понижается, такъ какъ арендаторы лучшихъ земель ничего не выигрываютъ отъ возвышенія цѣнъ, которое обращается въ видѣ ренты въ пользу землевладѣльцевъ, а прибыль во всѣхъ отрасляхъ промышленности стремится къ достиженію общаго уровня. Такимъ образомъ, заработная плата и прибыль находятся въ обратномъ отношеніи: возрастаніе заработной платы, какъ составной части цѣны произведеній, слагающейся изъ заработной платы и прибыли, влечетъ за собою пониженіе прибыли, приносимой капиталомъ. Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что интересы землевладѣльца находятся въ противорѣчіи съ интересами работника и капиталиста. Положеніе работника нисколько не улучшается при возвышеніи ренты, доходы капиталиста становятся менѣе.

Въ противуположность этимъ воззрѣніямъ, Кэри развиваетъ мысль, что вмѣстѣ съ накопленіемъ капитала улучшаются и качество, и производительность труда; при этомъ доля работника въ общемъ итогѣ производства возрастаетъ абсолютно и относительно, доля капиталиста или поземельнаго владѣльца возрастаетъ только абсолютно и уменьшается относительно, какъ составная часть общаго итога произведеній. Эти положенія Кэри поясняетъ слѣдующею примѣрною таблицею:

	Итогъ производства	Доля капитала	Доля труда.
Первый періодъ	— 100	— 75	— 25.

Второй	—	—	200	—	120	—	80.
Третій	—	—	300	—	150	—	150.
Четвертый	—	—	400	—	180	—	220.
Пятый	—	—	600	—	240	—	360.
Шестой	—	—	1000	—	333	—	667.

Такимъ образомъ, приведенная таблица представляетъ возрастаніе власти капитала съ немногимъ въ четыре раза,—труда слишкомъ въ 26 разъ. Чѣмъ быстрѣе уменьшается доля капиталиста, тѣмъ сильнѣе становится стремленіе къ увеличенію постояннаго капитала, сравнительно съ оборотнымъ, и къ дальнѣйшему уменьшенію доли, составляющей поземельную ренту. Съ возрастаніемъ власти человѣка надъ веществомъ, постепенно уменьшается власть человѣка надъ человѣкомъ, и упрочивается равенство между разными членами человѣческаго рода. Для того, чтобы слабый достигъ той же ступени, на которой находится сильный, для того чтобы женщина заняла принадлежащее ей мѣсто подлѣ того, который доселѣ былъ вездѣ ея повелителемъ, слѣдуетъ только предоставить—возрастать богатству, усиливаться ассоціаціи и развиваться индивидуальности. Этотъ взглядъ Кэри старается подтвердить статистическими данными изъ разныхъ эпохъ и разныхъ странъ.

Таковы двѣ противуположныя теоріи распредѣленія доходовъ—обѣ равно погрѣшаютъ противъ дѣйствительности, а слѣдовательно и противъ истины, потому что онѣ принимаютъ извѣстное, опредѣленное отношеніе въ соперничествѣ за постоянное и нормальное.

Нетрудно убѣдиться въ томъ, что никогда не было такой эпохи, въ которой трудъ могъ производить безъ содѣйствія капитала, и самое происхожденіе поземельной собственности совпадаетъ всегда съ накопленіемъ капитала въ землѣ. Равнымъ образомъ, нечего искать доказательствъ тому, что при накопленіи капиталовъ производительность труда усиливается въ несравненно бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ вознагражденіе капитала. Этихъ соображеній достаточно для того, чтобы убѣдиться въ неосновательности мнѣнія Смита, который разсматривалъ прибыль и ренту, какъ два вычета изъ заработной платы.

Наконецъ, невѣренъ окончательный выводъ Смита, что интересы землевладѣльца и работника согласны съ интересами общества, а интересы капиталиста находятся въ противорѣчіи съ послѣдними. При быстромъ развитіи народнаго богатства, высокая прибыль не исключаетъ значительной ренты и высокой заработной платы; но въ обществахъ,

находящихся на первыхъ ступеняхъ гражданственности, или же въ состояніи упадка, прибыль бываетъ высока, потому что общественныя условія замедляютъ накопленіе капиталовъ, а употребленіе послѣднихъ соединено съ бо́льшимъ рискомъ.

Переходя къ ученію Рикардо о распредѣленіи доходовъ, нельзя не замѣтить, что оно основано на гипотезѣ—постепенно усиливающихся препятствій при добываніи земледѣльческихъ произведеній; но самъ Рикардо допускаетъ возможность улучшеній въ земледѣліи, ослабляющихъ силу и значеніе этихъ препятствій; поэтому эта сторона его аргументаціи падаетъ сама собою. За тѣмъ, Рикардо имѣетъ постоянно въ виду извѣстное общественное положеніе рабочаго класса, которое ставитъ его въ невыгодное отношеніе при соперничествѣ съ землевладѣльцами и предпринимателями; но такое положеніе не есть еще законъ природы. Отсюда естественно, что противорѣчіе между интересами землевладѣльца и потребителей есть фикція—такое же противорѣчіе можно найти и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ производства. Каждый желаетъ продать дороже свои произведенія и купить всѣ другія дешевле.

Ученіе Кэри идетъ совершенно наперекоръ принятымъ доктринамъ англійской экономической школы. По Кэри, не только всѣ интересы примиряются между собою при непрерывномъ развитіи богатства, ассоціаціи и индивидуальности, но естественная выгода побуждаетъ каждаго трудиться, потому что вознагражденіе труда растетъ быстрѣе вознагражденія землевладѣльца и капиталиста. Дѣло однакоже въ томъ, что Кэри совершенно упускаетъ изъ виду общественное положеніе разныхъ классовъ, которое дѣлаетъ соперничество для нихъ болѣе или менѣе благопріятнымъ. Далѣе Кэри не принимаетъ въ разсчетъ, что распредѣленіе доходовъ не всегда происходитъ пропорціонально возрастанію производительности труда и капитала. Доли работника, капиталиста и землевладѣльца выдѣляются соперничествомъ. Соперничество можетъ склоняться то на одну, то на другую сторону. Справедливое распредѣленіе доходовъ составляетъ результатъ не одного соперничества, основаннаго на свободѣ, но соперничества, уравновѣшеннаго развитіемъ гражданственности и просвѣщенною дѣятельностію общественной власти. За тѣмъ, не должно забывать, что соперничество не ведетъ къ установленію однообразныхъ общихъ нормъ для разныхъ отраслей доходовъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и что

величина доходовъ одного и тогоже вида представляетъ большое разнообразіе, вслѣдствіе сложныхъ и многоразличныхъ причинъ, отъ которыхъ зависятъ спросъ и предложеніе.

Глава 8-я. О назначеніи доходовъ.

Доходы, получаемые участниками въ производствѣ, предназначаются или посредственно, или непосредственно для потребленія. Въ первомъ случаѣ они служатъ для образованія собственности, во второмъ—для удовлетворенія потребностямъ, или для потребленія въ собственномъ смыслѣ слова.

I. О собственности.

Цѣнность, пріобрѣтенная законными [1]) способами частными лицами или обществами, образуетъ ихъ собственность.

Юристы, философы, политики и экономисты старались установить понятіе о собственности и объяснить ея происхожденіе.

У юристовъ преобладала точка зрѣнія римскаго права— res nullius cedit primo occupanti. Это положеніе объясняетъ происхожденіе самой незначительной части собственности.

Кантъ, а за нимъ Неволинъ [2]), принимали обладаніе землею за условіе обладанія всякими другими вещами: »никто не можетъ считать своего господства надъ движимыми вещами твердымъ, пока онъ не утвердится на одномъ неподвижномъ участкѣ земли, потому что если онъ не имѣетъ права на землю, на которой онъ находится съ своими вещами, то другой, безъ нарушенія справедливости, можетъ сдвинуть его и его вещи съ этого мѣста и отодвигать ихъ далѣе и далѣе до тѣхъ поръ, пока онѣ совершенно не исчезнутъ изъ виду«. Право на землю, говоритъ далѣе Неволинъ, принадлежитъ первоначально государству, которое обладаетъ ею. Изъ собственности государственной выдѣляется собственность установленій, обществъ и частныхъ лицъ, находящихся

---

[1]) Подъ законными способами разумѣются въ настоящемъ случаѣ такіе, которые или допущены положительнымъ правомъ, или утверждены имъ.

[2]) Исторія гражданскихъ законовъ, Т. II, стр. 1 и 2.

въ государствѣ. Изъ предъидущаго, однакоже, явствуетъ, что происхожденіе государственной собственности не объясняется Кантовымъ положеніемъ, а самая поземельная собственность, которая разсматривается, какъ основа всякой другой собственности, представляется уже чѣмъ-то существующимъ, образовавшимся само собою, и устанавливающимъ механическія отношенія частныхъ лицъ другъ къ другу.

Объясненіе происхожденія собственности Гегелемъ очень туманно и неясно. Собственность, по Гегелю, является вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ напечатлѣваетъ свою личность на вещественныхъ предметахъ.

Мысли политиковъ относительно происхожденія собственности очень ясны, но очевидно ошибочны. По Гоббезу, собственность обязана своимъ происхожденіемъ государственной власти, или какъ выражается Монтескье, смягчающій это выраженіе,—признанію закона. Гуго Гроцій и нѣкоторые изъ экономистовъ XVIII в. объясняли происхожденіе собственности не только посредствомъ occupatio безхозяйственныхъ вещей, но и безмолвно заключеннымъ договоромъ. Собственность, при такой точкѣ зрѣнія, утрачиваетъ значеніе естественнаго установленія—это установленіе юридическое, которое опирается на законъ, зависящій отъ государственной власти, или отъ договора общественнаго. Отсюда логическое послѣдствіе—законъ, установившій собственность, можетъ замѣнить существующій фактъ другимъ лучшимъ, т. е. болѣе раціональнымъ и справедливымъ правоотношеніемъ. Болѣе широкое и правильное воззрѣніе на собственность было высказано Локкомъ. Земля, говоритъ Локкъ, по законамъ разума и по библейскому преданію, составляетъ общее достояніе человѣческаго рода. Но, такъ какъ каждый исключительно владѣетъ своимъ лицомъ и своею работою, то онъ можетъ пріобрѣсть только то, что онъ отдѣляетъ своею работою отъ земли, что соединяется съ его работою въ одно цѣлое. Безъ такого присвоенія нельзя составить себѣ понятія объ общественномъ достояніи. Вода въ источникѣ можетъ принадлежать всѣмъ, вода въ кружкѣ принадлежитъ тому, кто ее зачерпнулъ. Конечно, никто не имѣетъ права присвоивать себѣ болѣе, чѣмъ ему необходимо, потому что на владѣніе, ради порчи, никто не имѣетъ права. Тоже самое должно сказать и о землѣ: каждый можетъ себѣ присвоить тотъ участокъ, который имъ обработанъ. И какъ первоначально, такъ и теперь, земли для другихъ остается довольно. Если обратить вниманіе на то, что трудъ сообщаетъ вещамъ различную цѣнность, то неудивительно, что собственность труда

взяла перевѣсъ надъ общимъ владѣніемъ землею. Стоитъ только сравнить акръ земли, засаженный табакомъ или сахарнымъ тростникомъ, съ акромъ такой же невоздѣланной земли для того, чтобы понять, что улучшеніе земли трудомъ составляетъ главную долю ея цѣнности. Въ земледѣльческихъ произведеніяхъ $^{9}/_{10}$ или же $^{99}/_{100}$ составляетъ результатъ труда, остальное—дѣло природы. Вотъ почему вождь американскихъ дикарей ѣстъ, живетъ и одѣвается хуже англійскаго работника, хотя и владѣетъ столь же обширными пространствами плодородной земли какъ короли.

Эта мысль еще яснѣе выражена физіократами—Кэне, Дюпонъ-де-Немуромъ и аббатомъ Бодо. Дюпонъ-де-Немуръ выводитъ право собственности на движимыя и недвижимыя вещи изъ права собственности на трудъ, который связывается съ веществомъ, а Бодо объясняетъ происхожденіе собственности такъ-называемыми avances foncières, т. е. разчисткою земли.

У Тюрго, Смита и послѣдователей ученія о свободѣ промышленности этотъ взглядъ уступаетъ мѣсто другому воззрѣнію на поземельную собственность, какъ на монополію, установленную или самою природою вещей, или закономъ, въ видахъ общаго блага. Только право собственности на трудъ и на капиталъ не имѣетъ въ ихъ глазахъ этого характера. Трудъ, по словамъ Тюрго и Смита, составляетъ первоначальную, священную и неотъемлемую собственность человѣка. Сэй и Сисмонди высказываютъ очень опредѣлительно, что поземельная собственность есть общественное установленіе, а соціалисты разсматриваютъ и капиталъ, какъ собственность монопольную, созданную положительнымъ правомъ.

Противъ этихъ ученій возсталъ Бастіа. По Бастіа, собственность есть произведеніе труда, и въ веществѣ принадлежитъ намъ только то, что создано трудомъ; поэтому собственность не есть монополія. Такимъ образомъ, происхожденіе собственности объясняется затратами труда и состоитъ въ *цѣнности*, созданной трудомъ. Цѣнность, составляя сущность собственности, сообщаетъ ей свои свойства. Пониженіе цѣнности есть законъ природы. Не только новая собственность, какъ замѣчаетъ Кэри, воспроизводится постепенно меньшимъ и меньшимъ количествомъ труда, но и существующая поддерживается и наростаетъ лишь вслѣдствіе новыхъ затратъ.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что происхожденіе собственности объясняли:

а) завладѣніемъ,

б) признаніемъ закона или общественной власти,

в) трудомъ.

Тѣ, которые принимали два первыя объясненія, смотрѣли на собственность, какъ на монопольное право; тѣ, которые объясняли происхожденіе собственности трудомъ, очень часто не находили возможнымъ примирить понятія о собственности съ существующимъ фактомъ.

Для установленія болѣе правильнаго воззрѣнія на собственность, необходимо помнить, что только *цѣнности* составляетъ ея сущность, —и за тѣмъ обратить вниманіе на историческое развитіе различныхъ видовъ собственности—племенной, общинной, государственной, общественной и частной.

У народовъ, находящихся на самой низкой ступени гражданственности, право собственности свободнаго человѣка на свой трудъ нарушается или порабощеніемъ, или крайнею зависимостію отъ общественной власти. Частная личная собственность относится лишь къ движимымъ вещамъ, и то только къ предметамъ, которые не находятся въ общемъ родовомъ или семейномъ обладаніи. Поземельная собственность имѣетъ племенной характеръ—частнаго личнаго владѣнія землею не существуетъ.

У народовъ земледѣльческихъ является сначала общинная поземельная собственность, частная недвижимая ограничивается одною усадьбою. По мѣрѣ увеличенія затратъ въ земледѣліи, частная поземельная собственность распространяется на поля, и владѣнія общины дробятся на части. Каждое семейство стремится къ полному обладанію тѣмъ, во что оно затратило свой трудъ и что служитъ ему къ дальнѣйшему накопленію богатства При этомъ предшествующіе виды собственности не исчезаютъ, но преобразуются: племенная становится государственною, общинная—городскою и сельскою, за исключеніемъ изъ состава ея частной собственности, которая получаетъ семейный характеръ. Распространеніе частной поземельной собственности начинается съ конца XVIII вѣка, съ отмѣны барщиннаго труда и съ уничтоженія крѣпостнаго состоянія—во Франціи, начиная съ эпохи революціи, въ Германіи—въ Пруссіи—съ 1806—1811 г., въ Австріи—съ 1848 г. Одна Англія составляетъ исключеніе, вслѣдствіе законовъ и обы-

чая, поддерживающихъ нераздробимость землевладѣнія. На распространеніе частной недвижимой собственности имѣли также огромное вліяніе уничтоженіе маіоратовъ, новое законодательство о раздѣлѣ имѣній по наслѣдству, а также отмѣны ограниченій по пріобрѣтенію земли и недвижимыхъ имуществъ въ городахъ. Съ развитіемъ гражданственности, разширились также, какъ право человѣка на распоряженіе своимъ трудомъ, такъ и область движимой собственности, вслѣдствіе такъ-называемой мобилизаціи недвижимыхъ имуществъ, посредствомъ учрежденія акціонерныхъ товариществъ.

Успѣхи частной собственности доставили человѣку бо́льшую степень самостоятельности и независимости въ хозяйственномъ отношеніи, а слѣдовательно и большій просторъ для дѣятельности, но въ тоже время наложили на него бо́льшую отвѣтственность за себя и за свое семейство и заставили искать обезпеченнаго существованія въ новыхъ формахъ общественности, замѣняющихъ общину.

Таковъ естественный ходъ развитія собственности, нарушаемый завоеваніемъ и насиліемъ. Завоеваніе играло не послѣднюю роль въ образованіи землевладѣнія, точно также какъ и привилегированное положеніе сословій, господствующихъ и пользующихся особыми льготами, составляетъ безспорно одну изъ причинъ и далеко не послѣднюю образованія собственности вообще. Но если собственность, въ историческомъ ея развитіи, составляетъ результатъ не одного труда; если законъ или общественная власть узаконяютъ то что̀ существуетъ, то вмѣстѣ съ успѣхами общества они узаконяютъ только то̀ что справедливо. Между тѣмъ завладѣніе составляетъ явленіе болѣе и болѣе рѣдкое, а свершившійся фактъ утрачиваетъ постепенно свой первоначальный характеръ: исключительныя права и преимущества отмѣняются, монопольная цѣнность силъ и матеріаловъ природы сглаживается вліяніемъ образованія, которое указываетъ на новыя болѣе общедоступные матеріалы и силы природы для удовлетворенія потребностямъ и научаетъ побѣждать естественныя препятствія изобрѣтательностію человѣческаго ума.

И такъ, собственность есть не только установленіе общественное, допущенное ради общаго блага, но и естественное, вытекающее изъ права человѣка на то, что̀ пріобрѣтено производительными силами, которыя находятся въ его распоряженіи. Право это становится мало-по-малу основаніемъ поземельной собственности, и хотя историческій ходъ событій совершается не по однимъ законамъ вѣчной справедли-

вости, но несомнѣнно, что справедливость мало-по-малу беретъ верхъ надъ привилегіею, монополіею и грубымъ насиліемъ.

II. О потребленіи.

Потребленіе составляетъ конечную цѣль производства, какъ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностямъ. Отсюда слѣдуетъ, что равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ есть необходимое условіе благоустроеннаго хозяйства. Все, что не можетъ быть потреблено, составляетъ потерю для производителя, а слѣдовательно и для общества. Послѣднее можетъ страдать и отъ недостатка, и отъ избытка, какъ производства, такъ и потребленія.

Недостатокъ производства въ земледѣльческой промышленности,—обыкновенное послѣдствіе неурожаевъ—сопровождается дороговизною хлѣба; дороговизна хлѣба влечетъ за собою застой въ сбытѣ обработанныхъ издѣлій. Этотъ застой тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ значительнѣе городское населеніе и чѣмъ менѣе земледѣльческій классъ потребляетъ фабричныхъ произведеній. Городское населеніе, издерживая значительную часть своихъ доходовъ на хлѣбъ, ограничиваетъ потребленіе фабричныхъ произведеній, земледѣльческій классъ требуетъ ихъ въ меньшемъ количествѣ,—отсюда потрясеніе благосостоянія мануфактурныхъ странъ во время неурожаевъ. Избытокъ хлѣба въ земледѣльческой странѣ заставляя отдавать хлѣбъ за безцѣнокъ, ставитъ земледѣльцевъ—плательщиковъ податей въ положеніе безвыходное.

Подобная убыль въ мануфактурномъ производствѣ можетъ произойти отъ неурожая суровья, отъ пріостановленія его доставки; избытокъ производства можетъ быть результатомъ чрезмѣрной предпріимчивости, вызванной безразсудною спекуляціею и ошибочными разсчетами. Недостатокъ или избытокъ имѣютъ различныя послѣдствія, смотря по тому—сопровождается-ли недостатокъ прекращеніемъ, или ограниченіемъ производства, или уменьшеніемъ числа рабочихъ рукъ, а избытокъ—застоемъ въ сбытѣ и пониженіемъ заработной платы.

Нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ бываетъ также слѣдствіемъ возникшихъ въ обществѣ опасеній и тревогъ, которыя ограничиваютъ иногда потребленіе, а иногда производство;—послѣднее составляетъ болѣе обыкновенное явленіе и сопровождается дороговизною тѣхъ предметовъ потребленія, производство коихъ пріос-

тановилось. Въ такомъ положеніи находилась большая часть европейскихъ континентальныхъ державъ послѣ революцій 1848 года. Чрезвычайныя затраты, вызванныя спекуляціями, постройками желѣзныхъ дорогъ, государственными займами и пр., нарушаютъ равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ во многихъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Чрезмѣрныя затраты сокращаютъ нѣкоторые виды потребленія, ограничиваютъ производство въ тѣхъ или другихъ отрасляхъ промышленности, общество испытываетъ всѣ послѣдствія уменьшенія спроса на одни предметы и уменьшенія предложенія другихъ.

Такія же точно потрясенія бываютъ, по заключеніи мира, послѣдствіемъ прекращенія чрезмѣрнаго потребленія, вызваннаго войною. При этомъ самое направленіе потребленія претерпѣваетъ быстрое измѣненіе. Закупки провіянта и фуража въ данныхъ мѣстахъ прекращаются и цѣны быстро падаютъ. Равнымъ образомъ останавливается производство, предназначаемое для доставленія военныхъ снарядовъ, оружія, амуниціи для войскъ и пр. Но, кромѣ случаевъ нарушенія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, вслѣдствіе чрезвычайныхъ событій, и при обыкновенномъ ходѣ вещей можетъ имѣть мѣсто уменьшеніе или увеличеніе какъ производства, такъ и потребленія, при чемъ соразмѣрность между ними нарушается въ большей или меньшей степени.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что изученіе потребленія представляетъ большой интересъ. Потребленіе тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ болѣе оно способствуетъ удовлетворенію потребностей, а это бываетъ тогда, когда оно изъ частнаго превращается въ общественное, изъ домашняго въ публичное, когда оно становится болѣе доступнымъ для массы. Таковы послѣдствія устройства желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, почтъ, пароходства, освѣщенія улицъ, устройства школъ, музеевъ, библіотекъ. Общественный характеръ потребленія мало-по-малу проникаетъ въ частную жизнь и представляетъ много случаевъ сбереженія на отопленіи, освѣщеніи, помѣщеніи, на пользованіи личными услугами (клубъ, общій столъ и т. д.). Потребленіе тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ болѣе оно служитъ для развитія производства, чѣмъ болѣе оно способствуетъ возрастанію умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ человѣка;—таково потребленіе классовъ, принимающихъ непосредственное участіе въ производствѣ своимъ трудомъ, и потребленіе, связанное съ производительными затратами.

Переходя къ потребленію доходовъ, слѣдуетъ замѣтить, что заработная плата, по общему правилу, потребляется на мѣстѣ, т. е. тамъ, гдѣ находятся источники, изъ которыхъ она уплачивается (исключеніе составляетъ заработная плата лицъ, отправляемыхъ по дѣламъ службы, или для исполненія порученій въ другія мѣста); о процентахъ съ капитала и о поземельномъ доходѣ этого нельзя сказать Потребленіе ренты оказываетъ наиболѣе благотворное вліяніе на ту среду, въ которой оно происходитъ, потому что потребленіе создаетъ спросъ, вызываетъ производство, а слѣдовательно способствуетъ возрастанію доходовъ и капитализаціи другихъ классовъ. Этимъ объясняется вредъ, наносимый странѣ проживаніемъ доходовъ на чужбинѣ—или т. н. *абсентизмъ*. Зло абсентизма состоитъ въ томъ, что эквивалентъ ренты производится внѣ страны и что накопленіе капиталовъ производствомъ происходитъ за ея предѣлами. Потеря можетъ быть восполнена только тогда, когда возвращающійся на родину потребитель ввозитъ съ собою запасъ новыхъ производительныхъ силъ, и можетъ быть незамѣтна, когда страна на столько богата, что проживаемыя ея гражданами ренты за границею, составляютъ незначительную часть ея общаго народнаго дохода.